НАБРОСКИ

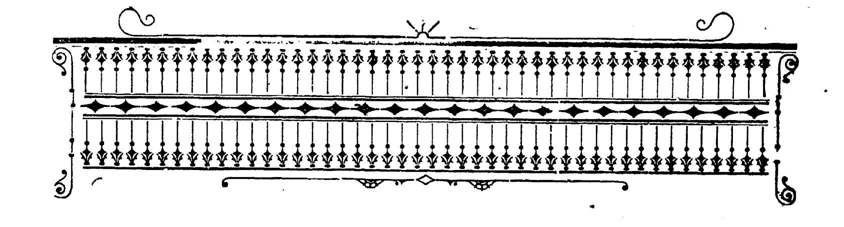
ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Т-ва п. ф. „Электро-Типографія Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.
1910.

2007087577

Наброски изъ моей жизни.

Будучи среднимъ, такъ сказать, человѣкомъ, которыхъ на Руси цѣлые милліоны, я никогда не думалъ писать не только о своихъ воспоминаніяхъ, но даже какія бы то ни было замѣтки о своей жизни. Только теперь, на восьмидесятомъ году, уступая настоянію моихъ дѣтей, желающихъ, чтобы я оставилъ послѣ себя имъ на память какой-нибудь слѣдъ своей жизни, кромѣ сухого формуляра, я позволяю себѣ выступить съ настоящими набросками.

I.

Въ теченіе восьмидесятилѣтней моей жизни неизбѣжно я встрѣчалъ массу лицъ самыхъ разнообразныхъ характеровъ, общественныхъ и служебныхъ положеній и профессій, съ которыми приходилось сталкиваться по разнымъ причинамъ, а иногда и совмѣстно работать. Въ жизни же моей мнѣ пришлось столкнуться съ людьми самыхъ противоположныхъ направленій, начиная съ лицъ, стоящихъ во главѣ министерствъ до политическаго убійцы Мезенцова. Въ воспоминаніяхъ этихъ моя личность будетъ фигурировать только какъ ничтожная точка, вокругъ которой случайно вращались люди, имѣющіе полное право на власть и авторитетъ и оказавшіе въ свое время большія заслуги.

Отецъ мой былъ служивый дворянинъ и занималъ мѣсто совѣтника правленія Государственнаго заемнаго банка, давно уже не существующаго. На мѣстѣ, гдѣ было это учрежденіе, нынѣ помѣщается Государственная комиссія погашенія долговъ. Какъ всѣ

дворяне того времени, онъ, чуть ли не съ самаго моего рожденія, записалъ меня кандидатомъ въ I й кадетскій корпусъ.

Я знаю, что отецъ совѣтовался со своимъ сослуживцемъ Ѳ. Ѳ. Кобеко. Такъ какъ дѣти послѣдняго воспитывались въ Лицеѣ, то онъ совѣтовалъ и отцу моему подготовить меня туда же. Хотя отецъ и имѣлъ на то право, но не имѣлъ средствъ для моей подготовки, ибо съ семьею изъ жены и троихъ сыновей существовалъ только на казенное содержаніе, не оставивъ послѣ себя никакого состоянія вдовѣ, кромѣ нищенской пенсіи того времени. Хотя впослѣдствіи, уже будучи офицеромъ, я обращался къ бывшему въ то время министромъ финансовъ Броку объ увеличеніи пенсіи вдовѣ, мужъ которой прослужилъ болѣе 50-ти лѣтъ, но кромѣ сухого отказа ничего не получилъ.

Такимъ образомъ вопросъ о Лицеѣ отпадалъ самъ собою, и отецъ записалъ меня кандидатомъ въ I-й кадетскій корпусъ, за что я благодаренъ ему и по сію пору.

Отецъ, до самаго вечера занятый службой, воспитаніе мое вполнѣ предоставилъ матери, которая, однако, когда мнѣ наступилъ 10-й годъ, рѣшительно заявила отцу, что она, вслѣдствіе крайней живости моего характера, не можетъ даже отвѣчать за мою жизнь. Тогда они вдвоемъ рѣшили меня сбыть въ какое-нибудь казенное учебное заведеніе. Не знаю, какія отношенія тогда существовали между моимъ отцомъ и нѣкіимъ инженернымъ генераломъ Рербергомъ, знаю только, что по его протекціи, я поступилъ въ Учебный морской и рабочій экипажъ. Что это было за заведеніе, я теперь ничего не могу сказать; помню только имена двухъ бывшихъ въ то время ротныхъ командировъ Гордіенко и Златковскаго, да начальника полковника Щитовскаго. Пробылъ я тутъ не долго, ибо мнѣ исполнилось 10 лѣтъ отъ роду, и отецъ какъ разъ въ это время получилъ изъ 1-го кадетскаго корпуса увѣдомленіе о пріемѣ меня въ корпусъ.

Но тутъ у него возникло сомнѣніе: такъ какъ я уже былъ пристроенъ на казенный счетъ, и мнѣ во всякомъ случаѣ предстояло быть офицеромъ, ибо въ этомъ экипажѣ были и офицерскіе классы, то вопросъ сводился къ тому, стоитъ ли перемѣнять одно заведеніе на другое. Не беря на себя рѣшать мою судьбу, отецъ предоставилъ это мнѣ, и я, неизвѣстно почему, нашелъ, что лучше остаться въ экипажѣ. Но судьба моя оказалась далеко не въ тѣхъ рукахъ, которыя имѣли право распоряжаться ею, и на жизненный путь меня направила женщина, которая меньше всѣхъ имѣла право распоряжаться мною. Это была няня, служившая въ домѣ отца болѣе десяти лѣтъ. Она присутствовала при совѣщаніи и ничего не говорила. Но когда я остался одинъ съ нею, она сказала только одну фразу:

„и охота тебѣ, Сереженька, въ матросы идти, и будутъ тебя всю жизнь называть матросъ смоленая ж-а“. Эта фраза такъ на меня подѣйствовала, что я на другой день со слезами на глазахъ заявилъ отцу, что хочу быть кадетомъ, а матросомъ быть не желаю.

И вотъ, на слѣдующій день отецъ повезъ меня въ корпусъ на Васильевскій Островъ. Часто мнѣ приходится сравнивать тогдашній пріемъ съ нынѣшнимъ, и сравненіе это далеко не въ пользу нынѣшняго. При тогдашнемъ пріемѣ у родителей не болѣло сердце за своихъ дѣтей; отвозя сыновей въ корпусъ, они знали, что сынъ ихъ во всякомъ случаѣ пристроенъ, получитъ даромъ, если не воспитаніе, то образованіе, будетъ сытъ и одѣтъ, не требуя отъ родителей ни копѣйки денегъ. Не только конкурснаго экзамена не было, но испытаніе въ познаніяхъ не могло даже назваться экзаменомъ. Родителямъ не приходилось, какъ это случается нынѣ, пріѣзжать изъ-за тысячи верстъ и возвращаться обратно ни съ чѣмъ, а только со слезами на глазахъ.

Въ пансіонѣ у какой-то мадамы на Гороховой улицѣ я выучился читать и писать по-русски, запомнилъ нѣсколько басенъ, нѣсколько разговорныхъ фразъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и четыре правила изъ ариѳметики. Но всѣ эти мои познанія, сколько помню, очень хромали во всѣхъ отноше ніяхъ. Тѣмъ не менѣе, однако, я удостоился пріема и сталъ кадетомъ.

На слѣдующій день насъ еще въ собственныхъ платьяхъ разсадили въ классъ; былъ урокъ французскаго языка, который преподавалъ Мирандъ. Между поступившими и сидѣвшими въ классѣ новичками было много и кадетъ, оставшихся на второй годъ въ томъ же классѣ. До прихода учителя эти кадеты тотчасъ же приступили къ намъ, новичкамъ, преподавая правила поведенія. Правила эти, болѣе или менѣе, извѣстны и свойственны всѣмъ закрытымъ заведеніямъ. Запомнить ихъ не представляло большого труда: кадетскій катехизисъ былъ довольно кратокъ и простъ. Существенные принципы его состояли въ томъ, чтобы не жаловаться на побои, не выдавать товарища, не признаваться въ содѣянномъ проступкѣ и пр.

Было еще одно правило, почерпнутое, вѣроятно, изъ обыденнаго общежитія. Существуетъ, говорятъ, давній обычай, что кража собаки и книги не есть воровство. Это до такой степени бываетъ часто, что одинъ мой знакомый нѣкто Кузьминъ всегда на 25-й страницѣ купленной имъ книги писалъ: сія книга украдена у П. А. Кузьмина.

Такой принципъ былъ введенъ кадетами на счетъ съѣстного и гласилъ „воровать другъ у друга съѣстное не грѣхъ“. Это правило особенно тщательно соблюдалось, и кадеты самые честные во всѣхъ другихъ отношеніяхъ практиковали этотъ узаконенный кадетскими

правилами грабежъ въ большомъ размѣрѣ. Но это практиковалось отнюдь не посредствомъ насилія, а какимъ-нибудь ловкимъ и хитрымъ способомъ. Но потомъ я убѣдился на себѣ, что многіе старые кадеты упростили этотъ способъ добыванія съѣстного; вмѣсто изобрѣтенія всякихъ хитростей, они просто приказывали кадетамъ младшаго возраста приносить себѣ изъ отпуска съѣстное. И это исполнялось точно, ибо въ противномъ случаѣ ожидалась, какъ нынѣ говорится, репрессія. Про себя я, по правдѣ не могу сказать, чтобы очень много отъ этого терпѣлъ, ибо если и приносилъ что-нибудь изъ дому, то весьма немного, да потомъ и сторожилъ свое съѣстное съ усиленной охраной. Къ тому же надо прибавить, что изъ числа отпускныхъ дней врядъ ли половина приходилась на мою долю, я думаю, что большинство изъ нихъ я просидѣлъ безъ отпуска. О причинахъ этого мнѣ придется сказать нѣсколько словъ ниже, а теперь я перехожу прямо къ кадетской жизни.

Нынѣ безпрестанно слышится и отъ родителей и отъ воспитательнаго персонала о переутомленіи дѣтей и юношей. Въ наше время мы и понятія не имѣли объ этомъ словѣ, хотя были заняты почти весь день. Нашъ режимъ былъ слѣдующій: въ 5$^1/_2$ часовъ мы по звуку барабана должны были вставать; время до 7 часовъ полагалось на молитву, осмотръ чистоты платья, сапогъ, рукъ и завтракъ, который состоялъ изъ габеръ-супа и бѣлаго хлѣба. Въ мое время эта утренняя пища, вскорѣ послѣ моего вступленія въ корпусъ, была замѣнена сбитнемъ съ булкою. Съ 7 до 8 часовъ шли занятія въ залахъ, а съ 8 до 11 были двѣ лекціи въ классахъ, отъ 11 до часу были занятія фронтомъ, гимнастикою, танцами, фехтованіемъ, а въ старшемъ классѣ верховою ѣздою. Отъ часу до трехъ обѣдъ и занятія. Но для занятій уроками почти ничего не приходилось, ибо послѣ обѣда насъ, разставя около своихъ кроватей, учили, какъ отвѣчать начальству, если оно поздоровается, и какъ раскланиваться, если это начальство съ своей стороны удостоитъ насъ своимъ поклономъ. Все это дѣлалось на случай пріѣзда Императора Николая Павловича или В. К. Михаила Павловича, бывшаго въ то время Главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній.

Послѣ обѣда и усиленныхъ поклоновъ воображаемому начальству, въ 3 часа начинались вечерніе классы до 6 часовъ. Въ 8 ужинали, а въ 9 должны были лечь спать. И при такомъ режимѣ мы въ большинствѣ не чувствовали никакого утомленія, а были свѣжи, бодры, выдумывали всякія школьныя продѣлки надъ своими офицерами и веселились во всю.

И вотъ при такомъ режимѣ въ 1840 году, я попалъ въ неран-

жированную роту, которою командовалъ капитанъ Михаэль. Это былъ человѣкъ средняго роста съ черными волосами, небольшими усиками и весьма серьезнымъ лицомъ. На меня онъ произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе, и я какъ бы почувствовалъ, что отъ него мнѣ придется испытать много непріятнаго, что̀ и случилось въ дѣйствительности.

По прибытіи въ роту насъ заставили выучить наизусть такъ называемое словесное ученіе, состоящее въ заучиваніи именъ и чиновъ всего начальства. Я до сихъ поръ помню, что директоръ корпуса былъ генералъ Годеинъ, батальонный командиръ полковникъ Вишняковъ, инспекторъ классовъ А. Я. Кушакевичъ, его помощникомъ А. І. Даниловскій, старшій докторъ М. Д. Сольскій.

Во время бытности моей въ корпусѣ перемѣнилось три директора, первымъ былъ, какъ я уже сказалъ, генералъ Годеинъ. О немъ я не могу сказать ничего, ибо онъ рѣдко бывалъ въ классахъ или дортуарахъ; да къ тому же онъ былъ при мнѣ не долго. Я помню только его фигуру во время посѣщенія имъ классовъ. Обыкновенно онъ проходилъ по классамъ въ ермолкѣ, въ сюртукѣ безъ эполетъ и, хлопая себя по животу, говаривалъ: „изъ каждаго класса по два человѣка“. Къ моему величайшему изумленію и неудовольствію въ числѣ этихъ двухъ или трехъ человѣкъ, какъ-то очень часто попадался я, хотя почти никогда не могъ додуматься, какое такое ужасное преступленіе совершилъ, чтобы подвергаться столь часто тѣлесному наказанію. А тѣлесное наказаніе было тѣмъ болѣе жестоко, что оно находилось въ рукахъ ротнаго командира. Каждый изъ нихъ могъ безнаказанно тиранить дѣтей, сколько ему угодно, и мой ротный капитанъ Михаэль пользовался этимъ безгранично. О немъ нѣсколько лѣтъ назадъ говорилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ нынѣ покойный Жемчужниковъ, бывшій нѣкоторое время въ корпусѣ. Каждое утро, послѣ завтрака, онъ приходилъ въ роту и, получивъ рапортъ отъ дежурнаго офицера о поведеніи кадетъ, вызывалъ виновныхъ, обыкновенно человѣка четыре, требовалъ розогъ, и начиналась при посредствѣ четырехъ служителей кровавая расправа. Надо замѣтить, что наказаніе не всегда сообразовалось со степенью вины; кадетъ, почему-либо заслужившій симпатію Михаэля, избѣгалъ слишкомъ суровой кары, а дурной, по его мнѣнію, кадетъ иногда подвергался наказанію за оторванную пуговицу, невычищенныя сапоги и т. п. Но были у него любимчики, родители которыхъ имѣли возможность платить ему за чай, которымъ онъ поилъ ихъ дѣтей два раза въ день.

Не знаю, потому ли, что я часто попадался въ шалостяхъ, а иногда, надо правду сказать, былъ иниціаторомъ разныхъ продѣлокъ,

Михаэль не взлюбилъ меня съ перваго раза, и начало дурной репутаціи, которая сопровождала меня до самаго выпуска въ офицеры, было положено имъ. Я думаю, что рекомендація Михаэля переходила изъ роты въ роту вмѣстѣ со мною, а каждый ротный командиръ принималъ эту аттестацію на вѣру и, получивъ меня, уже заранѣе предрекалъ мнѣ мою будущность. Такъ, пока я былъ у Михаэля, онъ не разъ говорилъ мнѣ: „Не думай, что ты хорошо учишься, то будешь офицеромъ, твоя дорога прямо въ кантонисты, ибо поведеніе твое изъ рукъ вонъ—плохо".

И хотя я инстинктивно чувствовалъ, что ничего безнравственнаго не дѣлалъ, ни въ чемъ позорномъ не былъ замѣченъ, и къ счастью былъ любимъ товарищами, которые никогда меня не выдавали, тѣмъ не менѣе, я надъ угрозой своего замѣчательнаго педагога иногда задумывался. Мнѣ было жалко моего старика-отца, который чуть не каждую субботу самъ приходилъ за мною и вмѣсто того, чтобы взять меня съ собою въ отпускъ, кланялся Михаэлю, выслушивалъ исторію моихъ проказъ за недѣлю и чуть не плача уговаривалъ меня остепениться. Къ стыду своему долженъ признаться, что все это дѣйствовало на меня моментально, я горько плакалъ, раскаивался, но чрезъ нѣкоторое время кипѣвшая кадетская жизнь увлекала меня въ свой омутъ, и я уже снова или стоялъ во главѣ какой-нибудь затѣи или былъ горячимъ участникомъ въ ней.

Слѣдующіе за Михаэлемъ ротные командиры, получивъ мою аттестацію, уже повысили меня въ рангѣ и вмѣсто кантонистовъ стали стращать юнкерами, говоря: „Хотя не много малъ ростомъ, но ничего—въ юнкера годишься. Вотъ твоя настоящая дорога".

И такъ мнѣ предстояла весьма плачевная участь, если бы не явился на сцену мой благодѣтельный геній, въ лицѣ директора корпуса генерала Шлиппенбаха.

Вступленіе Шлиппенбаха въ должность директора произвело на всѣхъ грозное впечатлѣніе. Обходя, однажды, классъ, онъ вызывалъ всѣхъ, у кого были дурные баллы. Набравъ такихъ десятка два, онъ приказалъ принести розги и началъ расправу. Наказаніе не было жестоко, но всѣ были пересѣчены. Этотъ день былъ нами названъ днемъ сорока мучениковъ. Припоминаю одинъ случай, бывшій съ Дометти. Получивъ свою порцію и одѣваясь, онъ имѣлъ неосторожность сказать, что онъ не виноватъ, ибо у него нѣтъ способности.

— Нѣтъ способности, бѣдный мальчикъ, ты бы такъ мнѣ и сказалъ, ну, положите его еще; дайте ему способности.

И несчастнаго Дометти положили снова, нѣсколькими ударами придали ему способности и отпустили съ миромъ.

И этотъ Дометти, уже рѣшившійся не кончить курса и выйти въ гарнизонный баталіонъ, дошелъ до спеціальныхъ классовъ, вышелъ въ офицеры и, кажется, былъ переведенъ въ гвардію.

Въ мое время въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ гарнизонный баталіонъ, называвшійся баталіономъ внутренней стражи. Командирами этихъ баталіоновъ назначались, если не исключительно, то по преимуществу гвардейскіе офицеры. Кромѣ того, при батальонѣ находились инвалидныя и этапныя команды. Офицерами въ этихъ батальонахъ и командахъ были выслужившіеся изъ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицеры и фельдфебеля.

И вотъ въ такое-то общество добрые наставники и выбрасывали часто молодежь. Я не скажу, чтобы это поощрялось начальствомъ, и чтобы выкидывалось за бортъ очень много, но смѣло скажу, что не знаю примѣра, чтобы кто-нибудь теплымъ словомъ уговорилъ кадета хоть какъ-нибудь кончить курсъ и выйти въ армію, а не въ юнкера или въ гарнизонъ. Никто не рисовалъ ему картину предстоящей жизни среди почти всегда пьяныхъ будущихъ товарищей; никто не останавливалъ его, когда онъ, ходя по залу, громко распѣвалъ:

Мы знаемъ твердо нашъ законъ
И на судьбу свою не ропщемъ.
И, чтобы выйти въ гарнизонъ,
Довольно быть въ четвертомъ общемъ.

Отпраздновавъ сорокъ мучениковъ, Шлиппенбахъ сдѣлалъ крутой переломъ; самъ онъ наказывалъ тѣлесно очень рѣдко и не жестоко, но ни одинъ ротный командиръ не могъ своею властью высѣчь кадета. Не знаю, было ли это распоряженіе свыше или иниціатива принадлежала самому Шлиппенбаху, могу сказать только, что онъ слѣдилъ за всѣмъ, зналъ почти каждаго кадета, обращался съ нами очень ласково и даже простилъ мнѣ крайне необдуманный поступокъ.

Такъ какъ многіе не ходили въ отпускъ, потому, что не имѣли въ городѣ ни родителей, ни знакомыхъ, а между тѣмъ были на хорошемъ счету, то имъ дозволялись нѣкоторыя вольности и между прочимъ кататься верхомъ въ манежѣ съ разрѣшенія не помню чьего. Должно быть, ротнаго командира. Какъ бы то ни было, въ одно изъ воскресеній, почему-то такого разрѣшенія не дали. Между тѣмъ, многихъ разбирала охота покататься верхомъ, но они не знали, что дѣлать. Тогда на помощь имъ явился я.

— Давайте, я вамъ подпишу разрѣшеніе—сказалъ я.—Никакъ ты съ ума сошелъ; тебя за это непремѣнно выгонятъ изъ корпуса, развѣ можно подписываться подъ чужую руку.

— Зачѣмъ подъ чужую; я подпишу какъ слѣдуетъ свою фамилію.

Верховой ѣздѣ обучалъ берейторъ Бирнбаумъ; но самъ онъ рѣдко бывалъ, а обыкновенно обучалъ берейторъ унтеръ-офицеръ Слажневъ безграмотный, какъ всѣ нижніе чины того времени. Когда онъ получалъ разрѣшительную записку, то дѣлалъ видъ будто бы ее читаетъ, на самомъ же дѣлѣ онъ считалъ подчеркнутыя фамиліи и по числу этихъ фамилій приказывалъ осѣдлывать назначенное число лошадей. Мы всѣ это очень хорошо знали. И вотъ я, не долго думая, взялъ бумагу и написалъ выдать лошадей Иванову 1, Иванову 2, Иванову 3 и Иванову 4-му; всѣ фамиліи подчеркнулъ и подписалъ заслуженный кадетъ Зыковъ.

Я такъ мало думалъ объ этомъ неосторожномъ поступкѣ, что тотчасъ же и забылъ его, будучи увѣренъ, что подпись моя никогда не выйдетъ наружу, ибо никакъ не предполагалъ, чтобы берейторъ хранилъ эти записки или передавалъ ихъ кому-нибудь.

Каково же было мое удивленіе и страхъ, когда въ одинъ прекрасный день Шлиппенбахъ вошелъ въ роту, съ какою-то бумажкою въ рукѣ и произнесъ совершенно спокойно:

— А кто тутъ у васъ заслуженный кадетъ? Поди-ка сюда. Я стоялъ и молчалъ.

— Что же, братъ, заслуженный, напакостить съумѣлъ, а отвѣчать боишься.

Я вышелъ впередъ.

— Ну, теперь выходите четыре Иванова.

Никто не выходилъ; Шлиппенбахъ, выждавъ немного, обратился ко мнѣ.

— Ну, такъ ты, заслуженный, покажи четырехъ Ивановыхъ, которые тебѣ повѣрили.

Я конечно молчалъ, а потомъ сталъ говорить, что это было такъ давно, что не помню и никого не могу назвать. Шлиппенбахъ, зная кадетскую жизнь и будучи человѣкомъ добрымъ, хорошо понималъ, что я не выдамъ товарищей, и прибѣгать къ тѣлесному наказанію не желалъ, почему, подумавъ немного, онъ сказалъ:

— Учишься ты хорошо, но шалишь много, а за такую шалость слѣдовало бы тебя посѣчь, ну, да ужъ Богъ съ тобой. Посадите его подъ арестъ, да не пускайте его въ отпускъ цѣлый мѣсяцъ, пусть посидитъ и опомнится.

Услышавъ такую милостивую и столь неожиданную резолюцію, я не вѣрилъ своимъ ушамъ, разсчитывая угодить въ юнкера. Я вдругъ почувствовалъ себя совершенно другимъ человѣкомъ; мнѣ стало какъ-то совѣстно за самого себя, и въ эту минуту я искренно

раскаивался въ своемъ поступкѣ и готовъ былъ подвергнуться какому угодно наказанію.

Прошелъ мѣсяцъ, и я былъ уже у Шлиппенбаха на одномъ изъ вечеровъ, устраиваемыхъ имъ у себя дома, куда приглашались нѣкоторые кадеты, проводя время среди его семьи, въ числѣ которыхъ было нѣсколько молодыхъ дочерей.

Прошло мѣсяца два, и Шлиппенбахъ, придя однажды въ роту, обратился къ ротному командиру съ вопросомъ:

— А что, заслуженный кадетъ какъ ведетъ себя?

— До сихъ поръ ни въ чемъ замѣченъ не былъ.

— Ну, такъ вы произведите его въ ефрейторы, учится онъ хорошо, а шалить перестанетъ; ему совѣстно будетъ шалить.

Такой сюрпризъ меня ошеломилъ, ничего подобнаго я не ожидалъ и даже не понималъ.

Видя къ себѣ такое доброжелательное отношеніе, я дѣйствительно прекратилъ свои школьныя выходки и уже ни въ чемъ не попадался. Къ сожалѣнію, Шлиппенбахъ вскорѣ оставилъ корпусъ. Причиною удаленія его было то обстоятельство, что онъ съ какимъ-то другимъ компаніономъ пустилъ по Невскому проспекту омнибусы. Это не понравилось Императору Николаю Павловичу, и онъ былъ назначенъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній.

Съ удаленіемъ Шлиппенбаха директоромъ былъ назначенъ въ чинѣ полковника Лихонинъ. Это былъ человѣкъ совсѣмъ другого сорта; мягкій по наружи, онъ былъ черстваго сердца, не заслужилъ ни въ комъ симпатіи.

Съ производствомъ моимъ въ ефрейторы, репутація моя въ глазахъ ротнаго командира измѣнилась не много. Если я ни въ чемъ не попадался, то это приписывалось моей хитрости, и многія чужія продѣлки приписывались безъ всякаго основанія моему тайному руководительству, вслѣдствіе чего я оставался ефрейторомъ безъ всякаго повышенія и только уже передъ самымъ выпускомъ въ офицеры, чтобы я не потерялъ старшинства, меня произвели въ унтеръ-офицеры.

Какъ бы то ни было, но, наконецъ, въ 1849 г. я, къ моему счастью и радости отца, вопреки предсказаніямъ моихъ добрыхъ воспитателей, попалъ не въ кантонисты или юнкера, а въ офицеры и при томъ въ артиллерію. Въ мое время гвардія была доступна только для фельдфебелей, которыхъ было по числу ротъ пять. Затѣмъ, слѣдующіе смотря по балламъ выходили по желанію въ артиллерію или въ саперы, а затѣмъ всѣ остальные въ армію или въ линейные баталіоны.

Считаю не лишнимъ сказать два, три слова о горцахъ, приво-

зимыхъ ежегодно въ кадетскіе корпуса съ Кавказа. Это были дѣти такъ называвшихся въ то время мирныхъ черкесовъ. Въ мое время въ 1-мъ корпусѣ было человѣкъ десять, изъ которыхъ я хорошо помню князя Махтіева, Туганова, Балакаши Алибекъ Араблинскаго и немирнаго сына знаменитаго Шамиля. Всѣ они ходили въ своихъ національныхъ красивыхъ костюмахъ, при чемъ парадные костюмы ихъ, обшитые серебромъ, отличались роскошью. Въ одной экспедиціи сынъ Шамиля былъ раненъ въ руку казачьей пикой и взятъ въ плѣнъ. Сначала онъ ходилъ въ національномъ костюмѣ, а потомъ въ обыкновенной кадетской курткѣ, совершенно обрусѣвъ, былъ прекраснымъ товарищемъ и участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ разныхъ продѣлкахъ.

Мнѣ необходимо сказать о Шамилѣ нѣсколько словъ, въ виду того, что о немъ создалась цѣлая романическая легенда. Еще недавно кто-то писалъ, какъ онъ влюбился въ какую-то аристократку, велъ съ нею переписку на французскомъ языкѣ и съ горестью разставался съ нею, уѣзжая на Кавказъ. Все это отъ начала до конца совершенный вздоръ.

Всѣмъ прошедшимъ чрезъ военно-учебное заведеніе очень хорошо извѣстно, что иностранные языки были въ полномъ загонѣ, и если поступавшіе въ корпусъ были знакомы съ французскимъ языкомъ, то, по вступленіи въ корпусъ, пробывъ въ немъ семь и восемь лѣтъ, совершенно его забывали. Это было даже съ нѣмцами, которые забывали свой природный языкъ, тѣмъ менѣе, конечно, могъ изучить сколько-нибудь основательно французскій языкъ Шамиль, что и было въ дѣйствительности. Никакихъ знакомствъ внѣ корпуса онъ не имѣлъ и ни къ кому въ отпускъ не ходилъ. Вообще горцы или сидѣли все время въ корпусѣ или нѣкоторые изъ нихъ иногда ходили къ своимъ знакомымъ, служившимъ въ конвоѣ, казармы которыхъ находились тамъ, гдѣ нынѣ выстроена синагога.

Я самъ не былъ свидѣтелемъ отправленія его на родину, но слышалъ, что онъ очень неохотно туда отправлялся. Оно и понятно: привыкнувъ къ жизни цивилизованной, получивъ нѣкоторое образованіе, пользуясь нѣсколько лѣтъ относительнымъ комфортомъ, ему не могло быть пріятнымъ вернуться къ аульной жизни на Кавказѣ.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть и самого отца Шамиля. Во время пребыванія его въ Петербургѣ съ него снимали портретъ въ фотографическомъ павильонѣ Главнаго Штаба, гдѣ имѣется въ огромномъ масштабѣ рельефная карта Кавказа. Я былъ свидѣтелемъ, какъ быстро оріентировался онъ при первомъ взглядѣ на карту; онъ тотчасъ же началъ что-то показывать и быстро говорить. Это онъ съ жаромъ указывалъ на ту долину Алазани, въ которой, сдѣ-

лавъ набѣгъ, взялъ въ плѣнъ княгиню Орбельяни, взамѣнъ которой получилъ своего сына.

Другой сынъ Шамиля, остававшійся при отцѣ, служилъ въ турецкихъ войскахъ, дрался противъ насъ, а по окончаніи войны поступилъ къ намъ на службу и, кажется, кончилъ жизнь въ чинѣ генерала, служа въ Казанскомъ округѣ.

Оканчивая описаніе кадетской жизни, нахожу обязаннымъ помянуть добрымъ словомъ нѣкоторыхъ преподавателей, которымъ многіе обязаны. Въ числѣ ихъ были Плаксинъ, Добровольскій, Макинъ и Соколовскій. Василій Тимоѳеевичъ Плаксинъ былъ добрый и честный старикъ, любившій свое дѣло, прекрасно читавшій басни Крылова, но не терпѣвшій появившуюся въ то время такъ называемую натуральную школу. Онъ былъ искренно преданъ тѣмъ эстетическимъ началамъ, которыми проникнуты произведенія Пушкина и Лермонтова, и отъ души ненавидѣлъ Гоголя. Это очень часто возбуждало между нимъ и нами споры. Но, если мы не могли еще, по недостатку знаній, съ твердостью ему противорѣчить и представлять свои резоны, то и онъ въ свою очередь, осуждая произведенія Гоголя, приводилъ одну только фразу: „къ чему Гоголь показываетъ то, что сама природа у животныхъ прикрыла хвостомъ“. Его поклоненіе Пушкину и Лермонтову отразилось и на насъ, мы очень часто въ свободное время повторяли стихотворенія этихъ поэтовъ, и нѣкоторыя изъ нихъ остались въ моей памяти до нынѣ, хотя мнѣ уже восьмидесятый годъ. Я и теперь могу безошибочно продекламировать всѣ сцены между Онѣгинымъ и Татьяною, и между Татьяною и нянею, а между тѣмъ я не развертывалъ этихъ страницъ со времени моего выпуска. Понятно, съ какимъ чувствомъ я могъ въ 60-хъ годахъ относиться къ тѣмъ критикамъ, которые, переоцѣнивая русскую литературу, увѣряли русскую интеллигенцію, что Пушкинъ не стоитъ ломаннаго гроша, а поэзія его, все равно, что сапоги въ смятку.

Другой преподаватель, оставившій по себѣ въ насъ хорошую память, былъ С. М. Добровольскій, преподававшій самый сухой предметъ—законовѣдѣніе.

Несмотря на то, что программа пестрѣла названіемъ разныхъ административныхъ мѣстъ, начиная отъ Государственнаго Совѣта до Нижняго Земскаго Суда, тѣмъ не менѣе, изъ сравненій нашего законодательства съ западными у каждаго изъ насъ слагалось извѣстное убѣжденіе, которое и закрѣплялось въ нашихъ молодыхъ умахъ. Я вовсе не имѣю права сказать, чтобы преподаватель съ умысломъ подчеркивалъ дурное у насъ и хорошее за границею, но это являлось само собой, и при томъ нерѣдко преподаватель только

отвѣчалъ на наши вопросы. Надо замѣтить, что былъ уже 1848 г., время французской революціи, которая даже въ то суровое время болѣе или менѣе подробно описывалась въ русскихъ газетахъ. Читая въ газетахъ о ходѣ революціи и не понимая многаго въ ея ходѣ и развитіи, мы по неволѣ обращались къ нашимъ симпатичнымъ преподавателямъ, которые многое намъ разъясняли тѣмъ болѣе охотно, что тогда, не такъ какъ нынѣ, на очереди былъ вопросъ не соціальный, а чисто политическій и шелъ изъ-за борьбы между королемъ съ министрами и его парламентомъ.

Преподаватель исторіи г. Макинъ отличался большою скромностью и деликатностью. Онъ не ограничивался только сухимъ изложеніемъ историческихъ фактовъ, но, по возможности, характеризовалъ цѣлую эпоху, указывая рельефно на главныхъ дѣятелей, которые, такъ сказать, создавали эпоху. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на то или другое сочиненіе, заслуживающее вниманія. Такимъ образомъ я, по его совѣту, пріобрѣлъ замѣчательное сочиненіе, руководство Лоренца въ пяти томахъ, сохранившееся у меня до нынѣ.

И надо сказать, что съ 1844 года до нынѣ не вышло ни одного руководства равнаго ему по достоинству.

Преподаватель статистики, г. Соколовскій былъ очень рѣзокъ, но преподавалъ прекрасно и обстоятельно знакомилъ насъ не только съ дѣятелями чистой статистики, какъ пасторъ Зюсьмильхъ, но и съ крупными дѣятелями по части политической экономіи. Онъ цитировалъ намъ Адама Смита и знакомилъ насъ съ физіократами и меркантилизмомъ. Словомъ, кто хотѣлъ учиться, тотъ могъ получить, если далеко не полное знаніе политической экономіи, то по крайней мѣрѣ имѣлъ азбуку этой науки и при добромъ желаніи могъ читать и продолжать далѣе. По крайней мѣрѣ, я не безъ интереса прочитывалъ нѣкоторыя статьи и въ томъ числѣ помню статью профессора Петербургскаго университета Милютина „Пролетаріи и пауперизмъ во Франціи и Англіи“, напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Краевскаго, если не ошибаюсь, въ 1848 или въ 1849 году.

Прекрасно преподавая, Соколовскій отличался рѣзкостью своего характера. Какъ теперь помню, что многимъ не давалось понятіе о разницѣ между цѣною и цѣнностью, при чемъ бывшая въ литографированныхъ запискахъ фраза „выраженіе полезности въ сферѣ потребности“ многихъ приводила въ смущеніе. Тогда Соколовскій не понимавшимъ этой фразы говорилъ: „вѣдь не кочанъ же капусты на вашихъ плечахъ!“.

Вообще надо сказать, что если мы получили какія-нибудь научныя свѣдѣнія, то только отъ этихъ трехъ преподавателей.

Необходимо прибавить, что развитію нашему много способствовало чтеніе. Мой двоюродный братъ П. А. Фроловъ былъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ" и получалъ этотъ журналъ, которымъ пользовался я. Кто-то другой привозилъ „Современникъ"; наконецъ третій привозилъ „Библіотеку для чтенія" Сенковскаго. Правда, что мы не могли въ то время по достоинству оцѣнить редакторское зубоскальство Сенковскаго и съ удовольствіемъ читали его комично-критическія статьи.

Ко всему этому надо прибавить, что мы имѣли возможность читать нѣкоторыя книги, недоступныя для публики. Этому способствовали два брата Дубельтъ, бывшіе племянниками грознаго, въ свое время начальника III отдѣленія. Дубельты ходили къ нему въ отпускъ и отъ него привозили запрещенные плоды. Къ сожалѣнію, я помню только одну книгу, подъ заглавіемъ „Продѣлки на Кавказѣ", подписанную, вѣроятно псевдонимомъ, Хамеръ Дебанова.

Что касается дежурныхъ офицеровъ, которые въ то время играли роль воспитателей, то я лучше умолчу,—немногихъ изъ нихъ можно помянуть добрымъ словомъ. Лучшіе изъ нихъ были гвардейскіе и артиллерійскіе офицеры. Многіе даже изъ преподавателей относились къ намъ довольно отрицательно; такъ подполковникъ Германъ весьма часто при шумѣ обращался къ намъ со слѣдующей фразою: „если вы, господа, не прекратите шумъ, то я обращусь къ полиціи". Подъ этимъ названіемъ онъ подразумѣвалъ дежурнаго офицера.

Въ заключеніе надо сказать о двухъ великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ. Каждый разъ передъ лагернымъ сборомъ на ученье, на корпусномъ плацу, они подъ наблюденіемъ генералъ-адъютанта Философова и свитскаго генерала Корфа присылались въ строй, становясь въ кадетскіе ряды. Также точно дѣлалось и въ лагерное время. Здѣсь они держали себя совершенно просто, а во время лагерей на ночныхъ маневрахъ отличались большою рѣзвостью и вмѣстѣ съ кадетами устраивали разныя продѣлки надъ спящими. Въ особенности своею живостью, любезностью и безпритязательностью отличался всѣми любимый Николай Николаевичъ, сохранившій до конца своей жизни благородство характера, природную доброту и безпритязательную любезность, какъ съ равными, такъ и съ подчиненными.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1849 года окончилась моя кадетская жизнь, и я былъ произведенъ въ 2-ю полевую артиллерійскую бригаду, съ назначеніемъ въ резервную батарею.

Будучи произведенъ въ прапорщики 2-й полевой артиллерійской бригады, мнѣ вовсе не пришлось въ ней побывать. Въ то время пе-

реводъ изъ артиллеріи въ другіе ряды войскъ не допускался вовсе, а артиллеристовъ для уравненія офицеровъ весьма часто переводили изъ одной бригады въ другую. Къ тому же въ 1849 году шла венгерская кампанія, и для пополненія комплекта къ артиллерійскимъ частямъ прикомандировывали офицеровъ изъ гарнизонной артиллеріи, производимыхъ изъ фейерверкеровъ и фельдфебелей.

Таковъ былъ составъ резервной и запасной артиллерійской бригады, въ которой мнѣ приходилось начинать службу. Въ батареѣ только одинъ былъ, также какъ и я, изъ кадетъ Дворянскаго полка, нѣкто Шавровъ.

Съ трудомъ отыскалъ я свое новое мѣсто служенія, расположенное среди лѣсовъ Минской губерніи въ довольно большой деревнѣ Автютевичи. Такъ какъ Шавровъ уже тутъ устроился, то онъ пригласилъ меня на совмѣстное жительство въ своемъ помѣщеніи, а помѣщеніе это состояло изъ курной избы съ однимъ маленькимъ окошечкомъ, съ волоковымъ окномъ, чернымъ отъ большихъ таракановъ потолкомъ и землянымъ поломъ.

Не скажу, чтобы я съ ужасомъ и отвращеніемъ избалованнаго мальчика посмотрѣлъ на свое новое жилище, но все-таки меня немного покоробило. Сознавая, впрочемъ, что если постоянный жилецъ выноситъ эти прелести тогдашней военной стоянки, то чѣмъ же я лучше его. Поблагодаривъ его за гостепріимство, я сталъ жить вмѣстѣ съ нимъ.

Резервныя и запасныя батареи формировались на время войны, а такъ какъ венгерская кампанія оканчивалась, то новыхъ формированій не было, и наша батарея, не имѣвшая ни лошадей, ни орудій, не дѣлала ровно ничего. Въ теченіе цѣлой зимы мы не выходили изъ избы, а весною насъ перевели въ мѣстечки Хойники и Брагино, гдѣ мы тоже ничего не дѣлали.

Живя въ деревнѣ и ничего не дѣлая, можно было сойти съ ума, если бы не одно случайное обстоятельство. Послѣ Шлиппенбаха кадетскимъ лагеремъ командовалъ начальникъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ генералъ Сутгофъ. Юнкера прозвали его Капфигомъ; это названіе перешло и во всѣ другія заведенія, а на наши вопросы, почему его такъ называли, намъ объясняли, что онъ надоѣлъ всѣмъ, безпрестанно говоря: „читайте, господа, Капфига“. Когда я узналъ, что Капфигъ авторъ книгъ, содержащихъ въ себѣ историческіе очерки Франціи, то купилъ нѣсколько книжекъ и увезъ съ собою, вмѣстѣ съ лексикономъ. Вотъ эти-то книги и служили мнѣ развлеченіемъ.

Прошло два года, какъ я былъ артиллеристомъ, не имѣя ни ма-

лѣйшаго понятія о настоящей артиллерійской службѣ. Въ корпусѣ была довольно обширная программа по артиллеріи; мы хорошо знали номенклатуру всѣхъ употреблявшихся орудій: полевыхъ, крѣпостныхъ, горныхъ и осадныхъ; знали вѣсъ снарядовъ и зарядовъ, свойство пороха, теорію повозокъ, но не имѣли ни малѣйшаго понятія о службѣ, почему, когда въ 1851 г. я былъ переведенъ въ 5-ю артиллерійскую бригаду и очутился въ строю, то былъ почти цѣлый годъ въ самомъ ужасномъ положеніи. При всякомъ перестроеніи не только на рысяхъ, но даже на шагѣ, несмотря на то, что я ѣздилъ порядочно, я ежеминутно рисковалъ быть раздавленнымъ при эволюціяхъ, не зная артиллерійскаго устава. Опытные фейерверкеры подсказывали намъ, что нужно дѣлать и что командовать, но сами мы были совершенно безпомощны, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ лагерныхъ сборовъ.

Здѣсь въ Варшавѣ я впервые увидѣлъ будущаго военнаго министра Н. О. Сухозанета и при томъ въ довольно комичномъ видѣ. Онъ производилъ ученье нашей бригадѣ, въ которой состоялъ мой товарищъ по корпусу, человѣкъ очень способный и даже талантливый, но вовсе не способный для военной службы. И вотъ во время ученья на рысяхъ, когда всѣ четыре батареи несутся въ одномъ направленіи, взводъ, то есть два орудія, бывшія подъ командою этого офицера, скачутъ въ противоположную сторону.

Какъ всегда, на полѣ собралась масса народа, по преимуществу еврейскаго, глазѣть на интересное ученье.

Какъ только Сухозанетъ увидѣлъ ошибку взводнаго командира, онъ обращается въ сторону толпы и громко кричитъ:

— Народъ, удались; не будь свидѣтелемъ измѣны и позора офицера русской арміи. Онъ бѣжитъ къ непріятелю.

Въ то же время онъ обращается къ батарейному командиру и говоритъ:

— Стрѣляйте въ измѣнника.

Такова была шутовская картина смотра.

На слѣдующій годъ, я отправился въ двадцативосьми-дневный отпускъ въ Петербургъ. Проѣзжая чрезъ Варшаву, я обязанъ былъ явиться начальнику артиллеріи, то есть тому же Сухозанету. Прождавъ, сколько слѣдовало, Сухозанетъ вышелъ въ какомъ-то загадочномъ фланелевомъ костюмѣ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ адъютантовъ, Мордвинова, бывшаго потомъ при Д. А. Милютинѣ директоромъ канцеляріи военннаго министерства.

Осмотрѣвъ меня презрительно величаво съ ногъ до головы, онъ приступилъ къ допросу.

— Ты былъ въ Петербургѣ?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, Ваше Превосходительство.

— А что ты тамъ дѣлалъ?

Не зная, что отвѣчать на подобный вопросъ, я молчалъ

— Сколько же времени ты тамъ пробылъ?

— Двадцать восемь дней.

— Ну, что же тамъ новаго?

Я молчалъ, приведенный въ полное смущеніе. Не разсказывать же мнѣ, что я провелъ очень пріятно время у тогдашняго петербургскаго волшебника И. И. Излера, устраивавшаго въ то время волшебныя, по словамъ Булгарина, гулянья съ цыганскими хорами и хоромъ пѣсельниковъ Молчанова.

Выждавъ нѣсколько, Сухозанетъ спросилъ опять:

— Что же новаго въ Петербургѣ?

Этотъ вторичный вопросъ окончательно сбилъ меня съ толку и, вѣроятно, желая избавиться отъ этой пытки, я смѣло отвѣтилъ:

— Ничего, Ваше Превосходительство.

Каково же было мое удивленіе и ужасъ, когда Сухозанетъ, обращаясь къ Мордвинову, произнесъ:

— Мордвиновъ, запиши этого нерадиваго офицера. Двадцать восемь дней онъ пробылъ въ Петербургѣ и не знаетъ, что вышелъ новый артиллерійскій уставъ.

Мордвиновъ поклонился и началъ что-то писать на клочкѣ бумаги.

Но я долженъ сказать, что для меня отъ этой записки никакой бѣды не послѣдовало.

Затѣмъ я видѣлъ Сухозанета уже въ качествѣ военнаго министра, когда онъ на пріемахъ, полуслѣпой, останавливаясь передъ своимъ изображеніемъ въ зеркалѣ, спрашивалъ, что вамъ угодно, и писалъ свои знаменитыя и безграмотныя резолюціи.

Во время службы моей въ 5-й артиллерійской бригадѣ я познакомился съ бывшими въ то время порядками въ артиллеріи, которая тогда комплектовалась, главнымъ образомъ, бывшими кадетами.

Существовавшее въ то время, одно на всю артиллерію артиллерійское училище не могло пополнять комплекта всей артиллеріи, почему лучшіе по успѣхамъ кадеты выпускались въ артиллерію вмѣстѣ съ тѣми изъ артиллерійскаго училища, которые не прошли черезъ офицерскіе классы; тѣ же юнкера, которые окончили курсъ офицерскихъ классовъ, поступали въ гвардейскую артиллерію, въ военно-техническія заведенія или шли преподавателями въ военно-учебное заведеніе.

Преимущество артиллеріи состояло въ томъ, что она не имѣла существовавшаго въ арміи маіорскаго чина и артиллерійскіе капи-

таны производились, такъ же какъ и саперы, не въ маіоры, а въ подполковники.

Понятно, что офицерскій составъ здѣсь былъ много лучше, общество держалось дружнѣе и иногда, хотя довольно рѣдко, батарейный командиръ долженъ былъ считаться съ единодушнымъ голосомъ общества офицеровъ. Обращеніе съ офицерами было приличнѣе.

У большей части командировъ былъ столъ для офицеровъ; лошади содержались на батарейномъ довольствіи, и командиръ заботился только о справочныхъ цѣнахъ и объ экономическихъ выгодахъ своего собственнаго кармана. На ученьяхъ онъ появлялся очень рѣдко; о строевомъ обученіи забота лежала на старшемъ офицерѣ. Когда же ученье производилъ самъ батарейный командиръ, то вся разница состояла въ томъ, что чаще слышалась команда: „Стой! ѣздовые, слѣзай“, вслѣдъ за которою слышались частые глухіе удары нагаекъ о солдатскія спины. Извѣстно, до какихъ тонкостей доходило въ то время муштрованіе, и какое значеніе этой муштровкѣ придавали командиры частей. Я самъ слышалъ, что батарейный командиръ, наказывая ѣздового за то, что онъ дурно равнялся, говорилъ, что строй это церковь, а не равняться въ строю это значитъ обокрасть церковь. Такова была логика нѣмца З—ра.

Въ заключеніе моей артиллерійской службы, не лишнимъ будетъ сказать о ежегодныхъ экзаменахъ въ артиллеріи. Экзамены эти обязаны были держать всѣ офицеры до штабсъ-капитанскаго чина. Каждый офицеръ долженъ былъ представить письменный отвѣтъ изъ фортификаціи, артиллеріи, механики, аналитической геометріи, геометріи и алгебры. Самый же экзаменъ производился различно. Иногда весь трудъ составленія задачъ и отвѣтовъ на нихъ возлагался на вновь прибывшаго въ батарею офицера, который, какъ должно было полагать по теоріи, не могъ еще забыть ту премудрость, которую впиталъ въ себя въ учебномъ заведеніи. Затѣмъ вопросы эти съ составленными на нихъ отвѣтами разбирались офицерами, переписывались начисто, подписывались и отправлялись въ бригадный штабъ. Понятно, что офицеръ, одинъ разъ выдержавшій подобный экзаменъ, уже не робѣлъ и могъ съ удовольствіемъ подвергаться такому экзамену хотя бы до генеральскаго чина и притомъ еженедѣльно.

Такая унизительная для обѣихъ сторонъ комедія продолжалась до 1858 года, когда генералъ-маіоръ Константиновъ возсталъ противъ экзаменовъ, назвавъ поступки обѣихъ сторонъ ихъ собственными именами. Онъ громко высказалъ, что экзамены вмѣсто поощренія къ занятіямъ молодыхъ офицеровъ даютъ имъ лишь поводъ

ухищряться въ подлостяхъ, а потомъ издѣваться надъ слѣпымъ распоряженіемъ, наносятъ этимъ ущербъ службѣ и самой нравственности офицеровъ, унижая ихъ личное достоинство и затрудняя начальство.

Только послѣ такого откровеннаго мнѣнія генерала Константинова, экзамены были отмѣнены въ 1858 году.

Въ 1851 году мой однокашникъ и сослуживецъ по батареѣ Жуковъ и другой однокашникъ Лаврентьевъ выбыли въ Академію, о чемъ началъ подумывать и я. На счетъ Академіи, между прочимъ, началась переписка, которая совершенно охладила меня въ моемъ рвеніи поступить туда. Про Академію они писали ужасныя вещи; въ письмахъ говорилось о невозможномъ режимѣ, о директерѣ ея, Сухозанетѣ, обращающемся съ офицерами необыкновенно грубо и просто унизительно. Словомъ, оба они совѣтовали подождать, ибо уже носились слухи, что вскорѣ онъ долженъ уйти.

Однако желаніе выбиться изъ той колеи, въ которую я попалъ, было слишкомъ велико, и я хотѣлъ во что бы то ни стало испробовать свои силы на болѣе разнообразномъ пути. Не скажу, что я хотѣлъ бѣжать изъ того общества, среди котораго жилъ; отнюдь нѣтъ; я въ высшей степени былъ доволенъ этимъ обществомъ, радушно встрѣтившимъ меня при переводѣ въ батарею и съ ласкою проводившимъ изъ него. Я съ удовольствіемъ вспоминаю фамиліи Дрентельна, Тышкевича, Дадурова, Заблоцкаго, Черновскаго, Кричинскаго, Лангенса и друг. Всѣ они были люди честные, добрые, и, насколько можно было, облегчали, при тогдашнемъ суровомъ режимѣ, горькое положеніе солдата. Во всякомъ другомъ случаѣ я не покинулъ бы такого общества, если бы не забота о своемъ личномъ положеніи.

Какъ бы то ни было, я рѣшилъ, чтобы ближе ознакомиться съ дѣломъ, основаться въ Петербургѣ. Но какъ туда попасть? Надо замѣтить, что въ мое время переводы были куда легче нынѣшнихъ.

Не угодно ли нынче попасть въ гвардію. Для этого, кромѣ ценза, нужно еще согласіе общества офицеровъ. А это не такъ легко. А въ то время мой родственникъ, изъ Кронштадтскаго линейнаго баталіона, инспекторскимъ департаментомъ, безъ всякаго запроса командира полка, былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ.

Рѣшивъ во что бы то ни стало основаться въ Петербургѣ, я изъ Варшавы написалъ отцу, чтобы онъ постарался какъ-нибудь устроить меня въ Петербургѣ, и сталъ терпѣливо ожидать своей участи. Наконецъ, въ 1858 году я прочелъ, что прикомандировываюсь къ учебной артиллерійской бригадѣ, которая была расположена на Выборгской сторонѣ въ одномъ зданіи съ артиллерійскимъ училищемъ.

Впослѣдствіи мнѣ разсказали, какимъ путемъ состоялся мой переводъ. Чиновникъ инспекторскаго департамента, переведшій своего сына изъ линейнаго баталіона въ гвардію, былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ чиновникомъ артиллерійскаго вѣдомства, состоявшимъ при дежурномъ штабъ-офицерѣ Якимахѣ. И вотъ этотъ-то чиновникъ, кажется Григорьевъ, изъ солидарности взаимныхъ другъ другу услугъ и устроилъ это дѣло. Вѣроятно, это что-нибудь стоило моему отцу, который, однако, никогда мнѣ этого не открылъ.

Какъ бы то ни было, но одна изъ цѣлей моихъ была достигнута.

Учебная артиллерійская бригада состояла изъ трехъ батарей; одна, которою командовалъ Полубояриновъ, имѣла лошадей, а другія двѣ не имѣли; всѣми тремя батареями командовалъ полковникъ Ведемейеръ. Здѣсь моими сослуживцами были Языковъ, обучавшій насъ въ корпусѣ пріемамъ при орудіяхъ, Бѣлянинъ и Петрушевскій, авторъ біографіи Суворова.

Однажды я былъ свидѣтелемъ, какъ преподаватель Закона Божія, о. Нилъ, рѣшилъ важный религіозно-философскій вопросъ о Св. Троицѣ. Стоящій передъ нимъ солдатъ изображалъ на своемъ лицѣ полное недоумѣніе.

— Вотъ никакъ не могу втолковать о единствѣ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Такъ какъ я въ этомъ случаѣ не могъ ему ничѣмъ помочь, то промолчалъ.

О. Нилъ, подумавъ немного, вновь обратился къ солдату:

— Подай сюда твою шапку.

— Вотъ это что? спросилъ онъ, указывая на верхъ тульи.

— Это верхъ, отвѣчалъ солдатъ.

— А это? продолжалъ онъ, указывая на околышъ.

— Околышекъ.

— А это?

— Это козырекъ, былъ отвѣтъ.

— А все вмѣстѣ?

— Шапка.

— Ну вотъ видишь, какъ это просто: тулья, околышъ и козырекъ три вещи, а все вмѣстѣ одна вещь—шапка. Ну теперь понялъ?

— Понялъ, отвѣчалъ солдатъ.

Здѣсь же въ Петербургѣ отъ бывшихъ въ это время въ Академіи, Жукова и Лаврентьева я наслышался довольно много о Сухозанетѣ. Изъ множества разсказовъ я приведу только одинъ случай, бывшій съ Лаврентьевымъ.

Сухозанетъ жилъ въ своемъ домѣ на Невскомъ проспектѣ, въ

домѣ, если не ошибаюсь, принадлежащемъ нынѣ Купеческой управѣ. Ежедневно отъ Академіи назначался дежурный, который, кажется, въ пять часовъ обязанъ былъ прибыть въ его квартиру. Здѣсь въ первой комнатѣ стоялъ круглый столъ, на которомъ были разбросаны книги и записки по предметамъ академическаго курса. Пришедшій дежурный ждалъ его выхода въ англійскій клубъ, который онъ посѣщалъ ежедневно. Очень рѣдко, выходя, онъ скоро отпускалъ дежурнаго, чаще приходилось ожидать его довольно долго до возвращенія изъ клуба. И вотъ что однажды пришлось вынести Лаврентьеву. Едва онъ вошелъ, какъ камердинеръ объявилъ ему, что сегодня генералъ приказалъ дежурнаго посадить въ его большой залъ и тамъ дожидаться генерала. Понятно, что Лаврентьевъ усѣлся на стулъ въ залѣ еле освѣщенной и сталъ ожидать рѣшенія своей участи. Наконецъ, въ 11 часовъ камердинеръ позвалъ его къ генералу.

— Гдѣ ты сидѣлъ? спросилъ Сухозанетъ Лаврентьева.

— Въ большомъ залѣ, Ваше Высокопревосходительство.

— Все время тамъ?

— Такъ точно.

— Ну, а холодно тамъ?

— Да довольно прохладно, Ваше Высокопревосходительство.

— Не знаю топить или нѣтъ? завтра у меня балъ, сказалъ Сухозанетъ.

— Ну, можешь идти домой.

Можно понять, съ какимъ почтительнымъ чувствомъ уходилъ Лаврентьевъ отъ такого милаго начальника.

Надо замѣтить, что обращеніе съ офицерами въ то время было грубое, но обращеніе Сухозанета съ офицерами было возмутительное. Говорятъ, что такъ какъ бывшіе при Александрѣ I свитскіе офицеры, что соотвѣтствовало Генеральному Штабу, были въ большомъ числѣ между декабристами, то Николай Павловичъ назначилъ Сухозанета съ цѣлью искоренить свободный духъ въ Академіи.

Но если Сухозанетъ говорилъ офицерамъ ты, то онъ мало церемонился и съ профессорами. Тотъ же Лаврентьевъ передавалъ мнѣ, что Сухозанетъ однажды явился въ аудиторію въ то время, когда профессоръ военной исторіи полковникъ Богдановичъ читалъ лекцію о сраженіи 1813 года, въ которомъ участвовалъ Сухозанетъ. Остановивъ профессора, онъ сказалъ:

„Хотя я никогда не промышлялъ преподаваніемъ, но на этотъ разъ могу вамъ разсказать, какъ было дѣло“; и вслѣдъ затѣмъ сказалъ нѣсколько словъ о сраженіи, въ которомъ онъ участвовалъ.

Между тѣмъ, объ академическомъ режимѣ и о директорѣ ея хорошо было извѣстно и въ арміи, откуда число желающихъ поступить въ Академію становилось съ каждымъ годомъ все менѣе,

дойдя наконецъ до того, что въ старшемъ курсѣ, гдѣ были Лаврентьевъ, Беренесъ, Аничковъ, Махотинъ и др., оставалось семь человѣкъ, почему ихъ и прозвали семью новѣйшими мудрецами.

Вотъ тогда-то наконецъ спохватились и стали придумывать, какъ бы и чѣмъ заманить офицеровъ въ Генеральный Штабъ. Не знаю, правда или нѣтъ, но на этотъ счетъ ходили очень занимательные слухи; то одни предлагали Генеральному Штабу бѣлую подкладку, то другіе совѣтовали дать кавалерійскія рейтузы и сабли, наконецъ, нѣкоторые предлагали увеличить содержаніе и проч. Но лучше всѣхъ понялъ въ чемъ дѣло Императоръ Николай Павловичъ, который сообразилъ, что Сухозанетъ, изгоняя вольный духъ изъ Академіи, дѣйствовалъ не по разуму, разогнавъ единственное заведеніе, подготовлявшее офицеровъ для спеціальной службы.

Надо замѣтить, что хотя Сухозанетъ по своей службѣ и военнымъ заслугамъ двумъ Императорамъ и занималъ видное мѣсто, однако, по нѣкоторымъ причинамъ его не особенно долюбливалъ Императоръ Николай Павловичъ. Доказательствомъ служитъ то, что, увольняя его послѣ двадцатилѣтняго директорства въ Академіи, назначилъ его членомъ Военнаго Совѣта, а не Государственнаго, въ которомъ въ тѣ времена между талантами находилось много самыхъ заурядныхъ посредственностей.

Въ 1854 году какъ разъ передъ моимъ поступленіемъ въ Академію Сухозанетъ былъ уволенъ, а Академія была присоединена къ военно-учебнымъ заведеніямъ подъ начальство Ростовцева. Въ этотъ годъ держало экзаменъ нѣсколько десятковъ. Въ моемъ курсѣ уже было тридцать человѣкъ.

Оканчивая сказаніе о Сухозанетѣ, нельзя промолчать объ услужливомъ авторѣ статьи въ Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ. Нѣкто Р. Ш., оканчивая біографію Сухозанета, говоритъ, что въ теченіе болѣе двадцатилѣтняго директорства Сухозанета Академія заняла надлежащее ей мѣсто во главѣ русскихъ военно-учебныхъ заведеній. Не одно только требованіе строгой дисциплины внесъ Сухозанетъ въ Академію: одаренный навыкомъ намѣчать людей, подходящихъ къ дѣлу, онъ весьма скоро подобралъ себѣ способныхъ и добросовѣстныхъ помощниковъ. Плоды дѣятельности Сухозанета созрѣли въ новомъ поколѣніи генеральнаго штаба и съ того времени послѣдній уже не нуждался въ случайномъ пополненіи. Жаль, что авторъ статьи не приводитъ никакихъ подтвержденій относительно заслугъ Сухозанета въ этомъ отношеніи.

Изъ профессоровъ, читавшихъ въ мое время лекціи, можно указать на Д. А. Милютина, А. П. Карцева, М. И. Богдановича и

П. С. Лебедева. Въ мое время Д. А. Милютинъ, создавшій тогда предметъ военной статистики, читалъ въ старшемъ курсѣ послѣдній годъ. О немъ я говорить не буду, ибо кто не знаетъ его талантовъ и заслугъ на всѣхъ поприщахъ; я же о лекціяхъ его говорить не имѣю права, ибо самъ былъ въ это время на младшемъ курсѣ.

А. П. Карцевъ, полковникъ гвардейскаго генеральнаго штаба, былъ человѣкъ суроваго вида, рѣзокъ въ манерахъ и рѣчахъ, а недовольный отвѣтомъ, грубо возражалъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Но зато онъ читалъ превосходно; описывалъ ли онъ простое походное движеніе въ мирное время или бой какого-нибудь сраженія, онъ говорилъ это съ такимъ авторитетомъ, точно самъ участвовалъ въ дѣлѣ. Иногда, приводя въ примѣръ какое-нибудь сраженіе, онъ въ нѣсколькихъ словахъ очерчивалъ предварительный ходъ кампаніи, и мы гораздо лучше понимали, нежели о томъ же самомъ говорилось въ лекціи по военной исторіи.

М. И. Богдановичъ, читавшій военную исторію и стратегію, былъ довольно скучнымъ профессоромъ. Онъ, въ противоположность Карцеву, читалъ вяло, водя палочкой по картѣ вслѣдъ за тѣми линіями, которыя были обозначены на картѣ и въ концѣ концовъ, глядя на записочку, перечислялъ всегда очень исправно, сколько было въ сраженіи взято въ плѣнъ, сколько обѣими сторонами было потеряно людей, орудій, лошадей и зарядныхъ ящиковъ.

Совершенную противоположность Богдановичу составлялъ профессоръ П. С. Лебедевъ. Насколько фигура скромнаго Богдановича была противоположна фигурѣ Лебедева, настолько же противоположны и ихъ темпераменты. Первый изображалъ изъ себя скромную, худощавую фигуру, а другой полнаго краснощекаго и цвѣтущаго здоровьемъ человѣка. Богдановичъ читалъ лекцію медленно, монотонно, у Лебедева слова текли подобно быстрой рѣкѣ; Богдановичъ не гнался за краснорѣчіемъ и даже не былъ рѣчистъ, тогда какъ у Лебедева такъ и сыпались кстати и не кстати громкія фразы, неожиданныя сравненія и безпрестанные скачки въ сторону. Словомъ, это былъ трескучій фейерверкъ, послѣ сгоранія котораго ничего не остается. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ читалъ три совершенно различныхъ предмета: древнюю и среднюю военную исторію, военную администрацію и русскій языкъ. По этому на одной и той же лекціи приходилось слушать о военномъ писателѣ Carrion Nizas'ѣ, Пушкинѣ и Лермонтовѣ, о подвижныхъ магазинахъ, о дислокаціи и о чемъ угодно другомъ. Злые языки увѣряли, что однажды трое держали между собою пари о томъ, какой предметъ изъ трехъ читался на лекціи Лебедева, и никто не могъ рѣшить.

Покончивъ съ Академіею и оставшись на службѣ при главномъ штабѣ, приходилось позаботиться о своемъ матеріальномъ положеніи, ибо для жизни въ Петербургѣ одного казеннаго содержанія не хватало. Первая услуга въ этомъ отношеніи мнѣ оказана была моимъ двоюроднымъ братомъ П. А. Фроловымъ, бывшимъ сотрудникомъ „С.-Пб. Вѣдомостей", издававшихся въ то время при Академіи Наукъ Ампліемъ Николаевичемъ Очкинымъ. Введенный въ домъ этого почтеннаго и весьма образованнаго семейства, въ которомъ я нашелъ самый радушный пріемъ, я въ первый разъ въ жизни прикоснулся къ журнальному дѣлу, доставляя въ редакцію кое-какія мелочи. Но здѣсь меня не столько привлекала работа, сколько желаніе пользоваться гостепріимствомъ хозяевъ и бесѣдою съ ними и ихъ гостями, среди которыхъ я многое могъ узнать и услышать весьма полезнаго для моего знанія и опыта.

Вслѣдъ за тѣмъ тотъ же П. А. Фроловъ, бывшій также сотрудникомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" А. А. Краевскаго, уѣзжая по временамъ изъ Петербурга, рекомендовалъ меня Краевскому и Дудышкину какъ своего замѣстителя по отдѣлу „Современная Хроника Россіи". Но въ одинъ прекрасный день Краевскій заявилъ, что онъ пріобрѣлъ тогдашнюю знаменитость. Знаменитость эта проявилась въ лицѣ жандармскаго штабъ-офицера, корреспондента А. И. Герцена и вѣроятно и разныхъ другихъ корреспондентовъ. Впослѣдствіи этотъ новый сотрудникъ былъ губернаторомъ въ одной изъ привислянскихъ губерній.

Въ 1867 году гвардейское начальство, по примѣру существовавшаго въ то время „Морского Сборника", вздумало издавать для сухопутной арміи „Военный Сборникъ". Редакторомъ этого журнала выбрали двухъ военныхъ и одного штатскаго; военные были: Обручевъ и Аничковъ, а штатскій—Чернышевскій. „Морской Сборникъ", вдохновляемый своимъ генералъ-адмираломъ, тотчасъ же выступилъ со статьями, которыя шли въ разрѣзъ съ существовавшими въ то время цензурными условіями.

Статьи Пирогова о воспитаніи, и другія о службѣ вообще, о порядкахъ, существовавшихъ въ то время въ отношеніяхъ между служащими, и другія, по языку, формамъ изложенія и по содержанію были совершенно новы. Все, что дала въ результатѣ плачевнаго крымская кампанія, осуждалось безусловно. Словомъ, можно сказать, что нынѣшнее поколѣніе послѣ японской войны переживаетъ то же, что переживали въ свое время и мы; тѣ же сотни всякихъ комитетовъ, тѣ же массы сочиненій и брошюръ по всѣмъ воз-

можнымъ вопросамъ, тѣ же интриги и въ результатѣ ничего. Вся разница въ періодъ времени отъ крымской кампаніи до японской войны, въ періодъ отъ 1853 до 1902 г., т. е. въ теченіе почти полувѣка состояла въ томъ, что въ первую кампанію мы дрались палками, а во вторую ружьями, во всемъ прочемъ мы остались тѣми же, чѣмъ были и прежде.

Сколько ни говорилось въ то время о необходимости гуманнаго обращенія съ подчиненными; сколько ни писалось статей съ прозрачными намеками на то или другое лицо, безцеремонно обращавшееся съ подчиненными, все это не имѣло никакого вліянія на начальствующихъ. Они и послѣ японской войны, чѣмъ выше стоятъ, тѣмъ чувствительнѣе стараются задѣть самолюбіе своего подчиненнаго, разнося его при нижнихъ чинахъ, внушая черезъ то послѣднимъ все ничтожество самыхъ близкихъ къ нижнимъ чинамъ начальниковъ. Странно, что люди эти воображаютъ, что этимъ дикимъ способомъ они поддерживаютъ дисциплину, не подозрѣвая, что подрываютъ ее, унижая въ то же время свое личное достоинство.

Послѣ японской войны всѣ озабочены некомплектомъ офицеровъ, и, стараясь отыскать причину ихъ, находятъ нѣсколько, но неужели никому не приходитъ въ голову, что дурное, а иногда и дерзкое, обращеніе начальства не играетъ здѣсь извѣстной роли. Человѣкъ со средствами и самолюбіемъ конечно не захочетъ выслушиват неприличныя колкости и уйдетъ въ отставку, а человѣкъ безъ собственныхъ средствъ будетъ искать ихъ на сторонѣ.

Отчасти обличительную роль принялъ на себя и новорожденный „Военный Сборникъ“. Но это ему не удалось. Начальству тотчасъ же не понравилась принятая на себя „Военнымъ Сборникомъ“ обличительная роль, и оно надулось. Хотя статьи журнала, въ которомъ участіе, какъ свой человѣкъ, принималъ и я, были невиннымъ лепетомъ младенца въ сравненіи съ нынѣшними статьями, тѣмъ не менѣе однако онѣ вооружили противъ себя большое число недовольныхъ. Къ числу ихъ прежде все должно отнести гвардейское начальство, которое увидѣло, что оно само создало себѣ не союзника, а врага; вести же полемику по разнымъ вопросамъ обличительнаго характера было бы и опасно и не достойно. Поэтому нужно было выдумать какое-нибудь средство и пріискать ловкаго союзника.

На помощь гвардейскому начальству явилось вдругъ два союзника, изъ которыхъ одинъ былъ военный цензоръ полковникъ Штюрмеръ, а другой генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Меньковъ. И вотъ эти два союзника немедленно открыли походъ на „Военный Сборникъ“, лучше сказать на его редакцію.

Полковникъ Штюрмеръ окончилъ, какъ значилось въ его формулярѣ, Апликаціонную Школу въ Польшѣ, а затѣмъ послѣ 1831 года какимъ-то образомъ попалъ въ генеральный штабъ. Надо замѣтить, что это былъ безпощадный и ядовитый цензоръ. Его принципы въ цензурномъ отношеніи доходили до нелѣпости; иногда отъ его замѣчаній и поправокъ приходилось злиться, а иногда просто смѣяться. Онъ былъ очень не глупый человѣкъ и при замѣчаніяхъ своихъ всегда умѣлъ освѣтить авторскую мысль съ своей такъ сказать ехидной точки зрѣнія, иногда даже умышленно искажая смыслъ.

Мнѣ пришлось очень долго быть въ его тискахъ. Принявъ отъ Погосскаго журналъ для нижнихъ чиновъ „Досугъ и Дѣло", я для собственной безопасности не хлопоталъ объ изъятіи меня изъ подъ цензуры и терпѣлъ все время до самой его смерти. Даже въ то время, когда я уже былъ редакторомъ „Русскаго Инвалида", и когда моимъ единственнымъ цензоромъ былъ военный министръ, Штюрмеръ не переставалъ свои записочки передавать Дмитрію Алексѣевичу, указывая въ нихъ на тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, были не допустимы въ газетѣ. Интереснѣе всего было то, что иногда Штюрмеръ, не зная, что статья предварительно была представлена министромъ Государю и для напечатанія разрѣшена имъ, находилъ ее неудобною для газеты. Такія записки Штюрмера Дмитрій Алексѣевичъ передавалъ мнѣ съ улыбкою, не говоря ни слова.

Какъ ни горько, какъ ни оскорбительно было имѣть дѣло съ Штюрмеромъ, но я долженъ сказать, что съ умнымъ человѣкомъ все-таки легче сговориться, нежели съ невмѣняемымъ. Послѣдующій цензоръ довелъ меня до того, что я рѣшительно потребовалъ освобожденія отъ цензуры и получилъ требуемое.

Третьимъ союзникомъ гвардейскаго начальства былъ генералъ Меньковъ. Это былъ человѣкъ, котораго многіе считали очень умнымъ; въ дѣйствительности же это былъ не глупый, но очень практическій человѣкъ. Во время крымской кампаніи онъ былъ въ штабѣ князя Горчакова и велъ журналъ военныхъ дѣйствій; попутно онъ написалъ ѣдкую сатиру на нѣмцевъ подъ заглавіемъ „Нѣмцы на Дунаѣ". Эта брошюра, изданная сначала за границею, затѣмъ, какъ запретный плодъ явившаяся въ Россіи, и создала славу Петра Кононовича Менькова. Замѣчательно, что онъ былъ со всѣми дѣйствительными аристократами и такъ называемыми, на ты, начиная съ графа Григорія Строганова. Исключеніе, какъ говорили, составлялъ графъ Шуваловъ. Однако злые языки увѣряли, что въ этомъ дружескомъ ты ничего не было истинно-дружескаго, а все было просто результатомъ ловкости Петра Кононовича и совершалось

довольно искусно придуманнымъ способомъ. Говорили, что, познакомившись съ кѣмъ-либо изъ знатныхъ людей, онъ на первыхъ порахъ придумывалъ какой-нибудь предлогъ для маленькой ссоры болѣе или менѣе безобидной. Тогда въ это недоразумѣніе, по обыкновенію, вмѣшивались третьи лица, мирили противниковъ, и всѣ вмѣстѣ пили шампанское на брудершафтъ. Вѣрно это или нѣтъ, сказать не могу, но знаю хорошо, что не было человѣка, съ которымъ бы онъ не былъ въ показной дружбѣ.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось быть въ Виленскомъ военномъ округѣ подъ начальствомъ генерала Апполона Эрнестовича Циммермана, который приводилъ множество о немъ анекдотовъ, нѣкоторые изъ нихъ отличались необыкновенною рѣзкостью. Говоря однажды объ участіи Менькова въ сраженіи, Циммерманъ прервалъ меня словами:

— О какомъ сраженіи вы говорите. Ни въ какомъ сраженіи Меньковъ никогда не былъ.

— Однако онъ былъ контуженъ.

— Это было не въ сраженіи.

— А гдѣ же?

— Его ошпарилъ кипяткомъ поваръ на кухнѣ князя Горчакова.

Послѣ того я счелъ излишнимъ вести разговоръ о Меньковѣ.

И вотъ три союзника пошли въ походъ на „Военный Сборникъ", издаваемый по Высочайшему повелѣнію. Статьи въ „Русскомъ Инвалидѣ", подписанныя иниціалами П. К., а въ публикѣ именовавшіяся Покой Како, начали громить Сборникъ за либерализмъ, а Штюрмеръ въ цензурномъ комитетѣ сообщалъ, что это вредный органъ и при томъ опасный. Конечно, цѣль была достигнута, ибо чрезъ годъ или чрезъ два редакція была удалена, а редакторомъ былъ сдѣланъ тотъ же Петръ Кононовичъ Меньковъ [1]).

Потерявъ этотъ журнальный рынокъ, мнѣ пришлось искать заработка въ другихъ журналахъ, какъ „Русское Слово" и нѣкоторыхъ другихъ. Будучи въ это время въ Азіатскомъ отдѣленіи Главнаго Штаба и имѣя подъ рукою богатый матеріалъ, я помѣщалъ статьи въ журналахъ и издавалъ отдѣльными брошюрами, какъ-то: „Походъ Перовскаго въ Хиву", „Наши сосѣди въ Средней Азіи", „Осада Акъ-Мечети" и пр.

Все это до нѣкоторой степени увеличивало мои доходы, но въ то же время все это было довольно неопредѣленно, ибо зависѣло отъ свободнаго времени, количества и качества труда и журнальнаго требованія. Это заставило меня подумать о такомъ трудѣ, который

---

[1]) Впослѣдствіи тотъ же Меньковъ получилъ и „Русскій Инвалидъ".

былъ бы постояннымъ и опредѣленнымъ. Къ счастью въ это время оказалась свободною каѳедра тактики и военной исторіи сначала въ Дворянскомъ полку, а впослѣдствіи въ Пажескомъ корпусѣ.

Съ 60-хъ годовъ начались студенческіе безпорядки, а вмѣстѣ съ тѣмъ появились прокламаціи съ самыми разнообразными программами и заглавіями: тутъ были и „Черный Передѣлъ", и „Земля и Воля", и тысячи другихъ. Распространялись онѣ весьма разнообразно: иногда такое воззваніе доставлялось по городской почтѣ, другой разъ просто неизвѣстный звонилъ и чрезъ отворенную дверь передавалъ конвертъ съ прокламаціею, а чаще всего въ публичныхъ мѣстахъ вкладывались въ карманы верхняго платья. Я очень сожалѣю, что не сохранилъ ихъ для курьеза, ибо очень часто и на службѣ и въ частныхъ домахъ я въ карманахъ шинели находилъ иногда по нѣсколько экземпляровъ.

Всѣ эти прокламаціи были довольно однообразны. Въ нихъ говорилось, что крестьянская реформа не принесла никакой пользы крестьянамъ, что правительство ничего не понимаетъ, что оно глухо къ страданіямъ народа, что за дѣло должны приняться образованные люди, а если этого не случится, то дѣло это сдѣлаетъ самъ народъ. Въ одной изъ такихъ прокламацій было письмо къ Государю, въ которомъ требовалась конституція съ угрозою, что если желаніе это не будетъ исполнено, то не далѣе какъ въ 1863 г. поднимется самъ народъ.

Въ то же время изъ-за границы появился въ большомъ числѣ „Колоколъ" и прокламація къ Молодому поколѣнію, гдѣ молодежь вызывалась на пропаганду и революціонное выступленіе. Замѣчательно, что дѣятели почти всѣхъ революціонныхъ кружковъ были раскрыты, а инициіаторъ кружка и листка „Великороссъ" остается неизвѣстнымъ, а поплатился почти невинно В. А. Обручевъ, человѣкъ очень даровитый, окончившій военную академію и предназначавшійся для блестящей карьеры.

Г. Глинскій говоритъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ", что прокламаціи печатались въ типографіи академіи генеральнаго штаба. Но это совершенно невѣрно, ибо при академіи генеральнаго штаба типографіи не существовало. Это такъ же не вѣрно, какъ и портретъ Лаврова въ мундирѣ генеральнаго штаба, приложенный къ статьѣ того же г. Глинскаго.

Говоря объ участникахъ въ процессѣ Чернышевскаго, г. Глинскій говоритъ, что къ нимъ примыкали и нѣкоторые офицеры, вышедшіе въ періодъ времени съ 1857 по 1862 годъ изъ двухъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній—академіи генеральнаго штаба и артиллерійской академіи и позже погибшіе, преимущественно въ Царствѣ Польскомъ до и послѣ возстанія за сочувствіе къ польскому движенію.

Я ничего не могу сказать объ артиллерійскихъ офицерахъ, тѣмъ болѣе, что я никогда не видѣлъ ихъ въ домѣ Чернышевскихъ. Но что касается до офицеровъ генеральнаго штаба, то я могу съ точностью утверждать, что изъ нихъ только двое поплатились жизнью, изъ которыхъ одинъ былъ Жвирждовскій (Топоръ), а другой—Сѣраковскій (Доленго). Первый никогда не бывалъ у Чернышевскихъ, а Сѣраковскій бывалъ почти еженедѣльно.

Кромѣ меня бывали почти еженедѣльно у Чернышевскаго изъ офицеровъ генеральнаго штаба Н. Н. Обручевъ, впослѣдствіи начальникъ главнаго штаба и членъ Государственнаго Совѣта, В. М. Аничковъ, А. И. Беренсъ, С. С. Рехневскій и Сѣраковскій; изъ лицъ не военныхъ бывали А. Д. Галаховъ и Добролюбовъ. На этихъ вечерахъ не было ничего сколько-нибудь похожаго на политическій кружокъ. Болѣе всего насъ привлекала прекрасная хозяйка, Ольга Сократовна, всегда веселая, гостепріимная и радушная. Конечно, были разговоры на злобы дня и конечно, не обходилось безъ того, чтобы не осуждали тогдашнія дѣйствія правительства. Но все это было далеко отъ того, чтобы обсуждать какіе-нибудь революціонные планы. За отсутствіемъ карточной игры время проводилось въ разговорахъ, въ которыхъ Добролюбовъ блисталъ своимъ остроуміемъ, находчивостью и необыкновенною солью своихъ приговоровъ надъ дѣйствіями правительства. Самъ же Чернышевскій недолго оставался среди гостей; большую часть вечера онъ просиживалъ въ кабинетѣ за своею срочною работою въ „Современникѣ“.

Вообще можно сказать, что между шестидесятыми и семидесятыми годами въ Россіи былъ полный сумбуръ. Волновались не только студенты, но даже цѣлыя сословія такъ или иначе выражали свое неудовольствіе. Первымъ выступило на сцену Тверское дворянство, обратившееся къ Государю съ прошеніемъ, въ которомъ прямо просило о созваніи Земскаго сбора, гласнаго и независимаго отъ администраціи суда; словомъ, оно прямо выражало желаніе получить конституцію.

Результатомъ этого былъ арестъ въ Петропавловской крѣпости и судъ надъ подписавшими адресъ.

Но помимо тверского адреса были подобныя же заявленія и изъ другихъ губерній.

Петербургское земство для расширенія правъ земства проектовало въ своемъ собраніи созывъ центральнаго со всей Россіи земскаго собранія. Проектъ этотъ возбудилъ противъ себя Валуева.

Земство на протестъ его отвѣчало жалобою въ Сенатъ. Тогда Валуевъ испросилъ Высочайшее повелѣніе пріостановить дѣйствія собранія и распустить его, графа Андрея Шувалова выслать за

границу, а предсѣдателя губернской управы Крузе выслать изъ Петербурга въ Оренбургъ.

Собраніе это было довольно бурное, и на немъ говорилось свободно, при чемъ многіе изъ сановниковъ выражали свои идеи далеко не въ валуевскомъ духѣ.

Дѣйствія Валуева и графа Шувалова возмущали самыхъ мирныхъ людей и уже тогда слышались слова „такъ жить нельзя“.

Въ этотъ періодъ времени поплатились Чернышевскій, Михайловъ, Шелгуновъ, Лавровъ и нѣкоторые другіе, и были закрыты „Современникъ“, „Отечественныя Записки“, „Русское Слово“ и пр.

Одновременно былъ изъятъ изъ административной іерархіи даровитый и талантливый человѣкъ Н. А. Милютинъ, занимавшій постъ товарища министра, а на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Тимашевъ, все достоинство котораго состояло въ томъ, что онъ не дурно рисовалъ каррикатуры, удачно лѣпилъ статуэтки и былъ элегантенъ въ своемъ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ.

Смѣло можно сказать, что графъ Шуваловъ, Валуевъ и Тимашевъ совокупно съ ихъ наслѣдникомъ Потаповымъ употребили всѣ усилія, чтобы подорвать здоровыя силы Россіи и создать тѣ грустныя явленія, которыя переживаетъ настоящее поколѣніе.

Во время этого всеобщаго сумбура, когда съ одной стороны сыпались всякаго рода революціонныя прокламаціи, происходили судебные процессы, не всегда справедливые приговоры, какъ напримѣръ надъ Чернышевскимъ, а съ другой стороны шли разговоры о конституціи, о дворянскихъ и остзейскихъ притязаніяхъ на олигархическій ладъ, и появились на сценѣ видный и представительный Валуевъ, графъ Шуваловъ, князь Долгоруковъ и князь Суворовъ. Эти лица были тѣми дѣятелями интриги, которая свалила Муравьева; трубою же, повсюду разносившею всякія небылицы о Муравьевѣ, былъ добрѣйшій, но совершенно неспособный князь Суворовъ, любимецъ Александра II. Всѣ они не то полукатолики, не то полуправославные, но во всякомъ случаѣ не русскіе и при дворѣ и на всѣхъ перекресткахъ позорили Муравьева. Сами они, не получившіе русскаго воспитанія и образованія, дѣлали чуть не преступленія противъ Россіи, поощряя польскіе и остзейскіе замыслы и преслѣдуя малѣйшее проявленіе свободы.

Что же касается князя Суворова относительно его характера и поступковъ, никто не далъ ему столь рѣзкаго и справедливаго приговора, какъ князь Мещерскій въ своихъ воспоминаніяхъ, описывая недостойное поведеніе его послѣ покушенія въ апрѣлѣ 1866 года.

Что касается Муравьева, то въ числѣ его доброжелателей были

князь Горчаковъ, Д. А. Милютинъ и Зеленый, бывшій министромъ государственныхъ имуществъ.

Но кромѣ того, противъ Муравьева гремѣла иностранная пресса и заграничный герценовскій „Колоколъ“.

Дѣятельность Муравьева, однако, еще не кончилась. Въ 1866 году послѣдовалъ роковой каракозовскій выстрѣлъ, и Муравьевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи.

Въ одно время съ прокламаціями начались студенческіе безпорядки. Сначала студенты довольствовались требованіемъ устройства своихъ собственныхъ дѣлъ. Все это началось внутри университетскихъ стѣнъ, а съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія Путятина университетъ вышло на улицу, очутившись лицомъ къ лицу съ полиціей и жандармами. Собравшись предварительно на сходку въ университетъ, студенты рѣшили, вопреки новыхъ правилъ, денегъ не платить, матрикулъ не брать и пр.

Тогда правительство рѣшило закрыть университетъ; а это, въ свою очередь, взволновало студентовъ, и они рѣшили толпою отправиться къ попечителю.

Можно себѣ представить, что изъ этого вышло; Петербургъ увидѣлъ невиданное дотолѣ зрѣлище. Надо замѣтить, что попечитель Филипсонъ жилъ на противоположномъ отъ университета концѣ города. И вотъ отъ Васильевскаго острова двинулась огромная толпа студентовъ, къ которой тотчасъ же начали присоединяться любопытные, постепенно увеличивавшіе ее. По мѣрѣ движенія шествія отъ университета чрезъ Васильевскій островъ, Дворцовую площадь, Морскую и Невскій проспектъ до Колокольной улицы толпа такъ увеличилась, что запрудила и прилегающія къ дому Путятина улицы. Но такъ какъ полиція уже знала о предстоящей демонстраціи, то вслѣдъ за толпою чинно слѣдовали подъ начальствомъ оберъ-полицеймейстера и генералъ-губернатора конная и пѣшая полиція. Можно было подумать, что жизни Филипсона угрожаетъ смертельная опасность, ибо тутъ же были и какія-то войска. Филипсонъ вышелъ, успѣлъ успокоить студентовъ и уговорилъ ихъ вернуться въ университетъ, и толпа студентовъ отправилась назадъ тѣмъ же путемъ. Хотя имъ обѣщана была безнаказанность, однако, нѣкоторые были арестованы, а потомъ и судимы.

Я коснулся этой исторіи только потому, что имя мое едва не было замѣшано въ нее. На другой или третій день я получилъ отъ своего начальника генералъ-квартирмейстера записку съ приглашеніемъ, слѣдующаго содержанія: „Генералъ-Квартирмейстеръ предлагаетъ вашему высокоблагородію прибыть къ нему завтра въ 11 часовъ.

Баронъ Ливенъ“.

Какъ ни проста и обыкновенна по своему содержанію была эта записка, однако, она меня очень обезпокоила, ибо всякое приглашеніе начальства, кромѣ приглашенія на чашку чая или на обѣдъ, на маленькаго подчиненнаго дѣйствуетъ очень не успокоительно. Зачѣмъ, думалъ я, я вдругъ понадобился такъ экстренно барону Ливену; вѣдь, завтра онъ и такъ бы меня увидѣлъ. Недоумѣніе мое и безпокойство мѣшало мнѣ спать, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ одиннадцати часовъ. Остзейскій баронъ Ливенъ былъ благороднѣйшій и добрѣйшей души человѣкъ, къ тому же онъ былъ самымъ ближайшимъ человѣкомъ къ Государю и, какъ говорили, дѣлалъ очень много добра.

— Любезный другъ, началъ баронъ. Онъ иначе никого не называлъ.—Любезный другъ, я васъ позвалъ по очень важному дѣлу.

При этихъ словахъ меня бросило въ холодный потъ. Время было страшное тогда; изъ каждаго пустяка при желаніи можно было создать уголовное дѣло; никто не могъ ручаться за себя. Неосторожное слово, мимолетная острота, далекій намекъ, часто влекли за собою непріятныя послѣдствія.

— Итакъ, мой другъ, продолжалъ баронъ Ливенъ, я требую, чтобы вы, какъ честный человѣкъ, отвѣчали мнѣ.

— Ваше Высокопревосходительство, даю честное слово.

Я стоялъ въ недоумѣніи.

— Это не вы вчера вели студентовъ къ Филипсону?

Гора свалилась съ моихъ плечъ. Только теперь я понялъ, въ чемъ дѣло, и отъ удовольствія готовъ былъ облобызать добрѣйшаго барона Ливена.

— Я, Ваше Высокопревосходительство, не только не велъ студентовъ, но вчера даже изъ дому не выходилъ. Да къ тому же, будучи военнымъ, какъ бы могъ я принимать участіе въ подобномъ дѣлѣ.

— Ну, я очень радъ, что это не вы.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Впослѣдствіи говорили, что видѣли Бибикова, нынѣ умершаго. Но можно смѣло сказать, что если Бибиковъ и былъ, то конечно въ толпѣ безучастнымъ зрителемъ оригинальнаго зрѣлища, а уже никакъ не предводителемъ. Подозрѣніе же на меня совершенно исчезло вслѣдствіе совершенно случайнаго обстоятельства. Это я узналъ отъ помощника барона Ливена—генерала А. А. Скалона. Баронъ Ливенъ занималъ квартиру въ двухъ этажахъ и, когда онъ бывалъ въ нижнемъ этажѣ, то хорошо видѣлъ проходящихъ мимо его оконъ, а въ томъ числѣ конечно и меня, почти ежедневно бывавшаго въ штабѣ. Когда между нимъ и Скалономъ шелъ разговоръ по поводу полученнаго изъ III-го отдѣленія

свѣдѣнія объ офицерѣ генеральнаго штаба, бывшемъ въ толпѣ, и когда указанъ былъ блондинъ и не высокаго роста, одѣтымъ въ пальто, то подозрѣніе со стороны Скалона пало на меня.

— Нѣтъ, это не онъ, у него нѣтъ пальто, — возразилъ Ливенъ.

И дѣйствительно, въ то время у меня еще не было пальто, и я ходилъ въ шинели.

Тѣмъ и кончилась моя исторія.

Немедленно по окончаніи войны въ 1856 году, по Высочайшему повелѣнію, генералъ Тотлебенъ приступилъ къ составленію описанія обороны Севастополя. Онъ прежде всего поручилъ инженеръ-подполковнику Хлѣбникову составить журналъ обороны, который былъ оконченъ въ 1856 году. Но слѣдующіе два года Тотлебенъ по болѣзни пробылъ за границею, чрезъ что составленіе описанія замедлилось. По возвращеніи изъ-за границы онъ нашелъ весьма основательно, что однихъ инженерныхъ работъ недостаточно, а необходимо описать всю оборону, которую вынесли на себѣ не одни инженерныя войска. Онъ находилъ, что такъ какъ въ оборонѣ Севастополя участвовали войска всѣхъ родовъ оружія, то необходимо болѣе или менѣе полное описаніе обороны. Поэтому въ 1859 году была составлена комиссія, на которую и была возложена эта работа.

Приглашеніе меня въ Тотлебенскую комиссію было для меня совершенно неожиданнымъ. Я въ это время былъ въ Азіатскомъ отдѣленіи Главнаго Штаба, а начальникомъ былъ полковникъ Романовскій. Хорошо знакомый съ моими работами, какъ служебными, такъ и частными, онъ предложилъ мнѣ принять участіе въ этой работѣ. Однако, я согласился не съ разу. Съ одной стороны принимать живое участіе въ капитальной работѣ знаменитаго Тотлебена льстило моему самолюбію, а съ другой было опасеніе работать подъ руководствомъ и указаніемъ совершенно не знакомаго мнѣ по характеру человѣка. Въ концѣ концовъ я согласился и по приглашенію Тотлебена отправился къ нему на Васильевскій островъ, гдѣ онъ въ то время жилъ.

Встрѣтилъ меня Эдуардъ Ивановичъ весьма привѣтливо, бесѣдовалъ около часа, разсказывалъ нѣкоторые эпизоды изъ обороны Севастополя и въ концѣ концовъ разсказалъ весьма интересный анекдотъ, бывшій съ нимъ въ Петербургѣ. Въ Инженерномъ Управленіи была модель Севастополя, которая составляла секретъ.

Хотя модель эта въ то время уже вовсе не походила на современный Севастополь, однако, когда Тотлебенъ захотѣлъ посмотрѣть модель, то долженъ былъ откуда-то получить разрѣшеніе.

Вообще Тотлебенъ произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе, и я былъ очень доволенъ, что согласился участвовать въ коммиссіи, въ составъ которой вошли, кромѣ меня, слѣдующія лица: артиллеріи полковникъ К. Н. Шварцъ, инженеръ-подполковникъ М. М. Фроловъ, инженеръ-полковникъ Хлѣбниковъ и капитанъ А. П. Орда. Временами принимали участіе и нѣкоторые другіе въ томъ числѣ генеральнаго штаба А. И. Лаврентьевъ.

Но если я былъ доволенъ своимъ вступленіемъ въ коммиссію, то, въ продолженіе двухлѣтней работы въ ней, я неоднократно готовъ былъ отказаться отъ нея и при томъ не потому, чтобы былъ недоволенъ самимъ Тотлебеномъ, а самымъ такъ сказать механизмомъ его работы. Будучи рѣшительнымъ героемъ въ дѣлѣ активной обороны Севастополя, онъ былъ самымъ нерѣшительнымъ въ работѣ: онъ твердо зналъ все, что только происходило по инженерной части, ибо въ этомъ дѣлѣ онъ былъ иниціаторомъ и руководителемъ всей обороны. Но какъ только выходило дѣло изъ инженерной сферы, онъ дѣлался весьма нерѣшительнымъ; изъ желанія быть добросовѣстнымъ въ справедливомъ изображеніи того или другого факта, онъ безпрестанно, можно сказать, мучился сомнѣніями. Чрезъ это работа съ нимъ была для меня весьма тяжела, тѣмъ болѣе, что изъ 25 главъ перваго тома 12 выпало на мою долю.

Дѣло обыкновенно происходило такимъ образомъ. По прочтеніи какой-нибудь главы Тотлебенъ былъ почти всегда доволенъ.—„Да, это очень хорошо“—говорилъ онъ и нѣсколько времени молчалъ. Затѣмъ, подумавъ немного, онъ начиналъ снова.

— Мнѣ помнится, говорилъ онъ, указывая на какой-нибудь фактъ, что это было не такъ; это послѣ сраженія мнѣ разсказывалъ самъ Даненбергъ.

— Но, Эдуардъ Ивановичъ, этимъ разсказомъ самъ Даненбергъ себѣ противорѣчитъ, какъ видно изъ его же донесенія.

— Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста обратите на это вниманіе, постарайтесь разъяснить это недоразумѣніе.

И вотъ цѣлую недѣлю употребляешь на провѣрку источниковъ, сводишь показанія разныхъ лицъ, передѣлываешь какія-нибудь мелкія подробности, не измѣняя сущности дѣла, и вновь со стороны Тотлебена возникаютъ какія-нибудь новыя недоразумѣнія. И такъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Это впрочемъ понятно, онъ вынесъ на своихъ плечахъ всю оборону Севастополя, онъ всецѣло отдался инженерному искусству, и ему не было времени столь же зорко слѣдить за полевыми дѣйствіями войскъ, какъ за саперными работами. Если къ этому прибавить, что чуть не на другой день по окончаніи войны появились, какъ у насъ, такъ и за границею разныя сочиненія и

брошюры объ этой войнѣ, то сомнѣнія Тотлебена и его нерѣшительность придти къ окончательному выводу объясняются легко. Въ заключеніе надо прибавить неполноту и безпорядочность нашихъ оффиціальныхъ свѣдѣній.

Вынося на своихъ плечахъ половину этой тяжелой работы, я долженъ добавить нѣсколько словъ о самомъ Тотлебенѣ.

О немъ говорили, что онъ въ душѣ нѣмецъ, протежируетъ только лицъ этого происхожденія и будто не благоволитъ русскимъ.

Но это очень несправедливо. Что онъ былъ нѣмецъ по происхожденію, конечно это было вѣрно, но чтобы онъ не благоволилъ къ русскимъ и изъ своихъ подчиненныхъ выводилъ только нѣмцевъ, это не вѣрно. Въ теченіе трехлѣтняго короткаго съ нимъ знакомства я могъ вполнѣ убѣдиться, что въ душѣ онъ былъ вполнѣ русскимъ, искренно преданнымъ Государю и Россіи и никогда не думалъ, что можно служить Государю, но не Россіи; онъ никогда не раздѣлялъ убѣжденія одного, бывшаго русскимъ министромъ, который говорилъ, не стѣсняясь, что онъ служитъ великому князю Финляндіи, а отнюдь не Россіи.

Разсказывая различные эпизоды изъ обороны, онъ съ жаромъ приводилъ примѣры доблести нижнихъ чиновъ и самоотверженія офицеровъ, отдавая должную справедливостъ каждому, не взирая на національность. Словомъ, это былъ вполнѣ русскій человѣкъ. И если онъ носилъ нѣмецкую фамилію, то вѣроятно принадлежалъ къ тому роду Тотлебеновъ, одинъ изъ которыхъ также проливалъ за Россію кровь во время семилѣтней войны и былъ комендантомъ Берлина.

Если за трехлѣтній тяжелый мой трудъ я не былъ вознагражденъ ничѣмъ вещественнымъ, то за то я глубоко былъ признателенъ Тотлебену за то вниманіе и за тѣ хлопоты, которыя онъ оказалъ мнѣ. По окончаніи моего труда, онъ съ ходатайствомъ о награжденіи меня обратился разомъ въ два мѣста, изъ которыхъ одно адресовано было даже не по мѣсту моего служенія. Одно было адресовано на имя дежурнаго генерала главнаго штаба графа Ѳ. Л. Гейдена, а другое на имя моего непосредственнаго начальства—генералъ-квартирмейстера А. И. Веригина.

Письмо на имя Веригина было слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь,

Александръ Ивановичъ!

Находящійся въ моемъ распоряженіи для занятій по составленію описанія обороны Севастополя капитанъ генеральнаго штаба Зыковъ принимаетъ живѣйшее участіе въ этомъ огромномъ трудѣ, а обшир-

ныя познанія и рѣдкія способности этого офицера приносятъ дѣлу существенную пользу.

Свидѣтельствуя предъ Вашимъ Превосходительствомъ о неутомимо полезной дѣятельности капитана Зыкова, я долгомъ считаю покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, не оставить Вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ ходатайствомъ о производствѣ этого отличнѣйшаго офицера ко дню Св. Пасхи въ слѣдующій чинъ.

Къ сему обязываюсь присовокупить, что такъ какъ офицеръ этотъ по своимъ способностямъ незамѣнимъ при исполняемыхъ имъ нынѣ независимо отъ прямой своей обязанности, весьма многосложныхъ, занятіяхъ, и какъ труды его рѣзко выходятъ изъ ряда обыкновенной служебной дѣятельности, то испрашиваемое ему повышеніе будетъ только справедливымъ вознагражденіемъ, и я вполнѣ убѣжденъ, что принесетъ особенную пользу для службы. Въ случаѣ, если по непредвидѣннымъ мною причинамъ Вы изволите признать невозможнымъ, то я убѣдительнѣйше прошу Ваше Превосходительство не назначать г. Зыкову другой награды, чтобы этимъ не лишить его права воспользоваться чиномъ въ будущемъ году.

Въ ожиданіи обязательнаго отвѣта покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ истинномъ къ Вамъ почтеніи и совершенной преданности, съ коимъ имѣю честь быть.

Вашего Превосходительства

Всепокорнѣйшій слуга,

Э. Тотлебенъ.

№ 1336.
20 марта 1862 года.

Точно того же содержанія письмо за № 1335 было адресовано и графу Гейдену [1]).

---

1 мая 1863 года, въ годъ выхода Описанія обороны Севастополя, я получилъ изъ Канцеляріи генералъ-квартирмейстера предписаніе, въ которомъ было сказано, что я, по приказанію военнаго министра, командируюсь въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Вилькена и долженъ отправиться немедленно въ Могилевъ на Днѣпрѣ.

Назначенный въ распоряженіе совершенно незнакомаго мнѣ человѣка и для неизвѣстной мнѣ цѣли, я рѣшился спросить у А. И. Веригина.

— Что же я, Ваше Превосходительство, буду дѣлать у генерала Вилькена?

---

[1]) Оба письма по полученіи ихъ были переданы мнѣ Г. В. Мещериновымъ по приказанію А. И. Веригина. Оба они находятся у меня и нынѣ.

— Ничего вамъ сказать не могу, ибо иниціатива всего, что касается Сѣверо-Западнаго края, исходитъ отъ генерала Муравьева. Передъ отъѣздомъ вы должны представиться министру; можетъ быть онъ найдетъ нужнымъ передать вамъ какія-нибудь подробности. Больше я вамъ ничего не могу сказать.

Въ назначенный день наканунѣ моего отъѣзда я отправился къ Д. А. Милютину, съ которымъ въ первый разъ въ жизни долженъ былъ столкнуться лицомъ къ лицу.

Я никакъ не могу забыть этой встрѣчи, ибо я былъ первымъ экспропріаторомъ чужой собственности, хотя по необходимости и временно. Войдя въ переднюю и оправляя мундиръ, я, къ ужасу своему, замѣтилъ, что я забылъ надѣть кушакъ. Явиться къ министру въ первый разъ и въ неряшливомъ видѣ могло положить отпечатокъ на мою служебную физіономію. Но тутъ у меня блеснула экспропріаторская мысль. Прежде чѣмъ пустить камердинера съ докладомъ обо мнѣ, я обратился къ нему съ просьбою дать мнѣ кушакъ Дмитрія Алексѣевича. Камердинеръ, конечно, согласился, и мы, передвинувъ вслѣдствіе различія талій пряжки, оба были вполнѣ удовлетворены, а кушакъ по окончаніи аудіенціи былъ водворенъ на свое мѣсто.

Военный министръ, дѣйствительно, какъ говорилъ А. И. Веригинъ, разъяснилъ мнѣ, но не многое, и это меня не удовлетворило вовсе.

— Вамъ надо не медлить, а отправляться скорѣе; тамъ Горецкая шайка надѣлала Богъ знаетъ что; генералъ Вилькенъ не останется тамъ; можетъ вы его уже не застанете на мѣстѣ; Муравьевъ просилъ меня назначить туда князя Яшвиля, который, вѣроятно, скоро тамъ будетъ. Впрочемъ и князь Яшвиль не долго тамъ пробудетъ. Ему придется получить дивизію. Желаю вамъ счастливаго пути.

Я былъ радъ, что командировка моя кончится, когда князь Яшвиль получитъ дивизію.

Что же это я за несчастный мячикъ, который мое начальство перебрасываетъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, сначала отъ себя къ Вилькену, Вилькенъ къ князю Яшвилю, а послѣдній неизвѣстно къ кому меня заброситъ.

И задумался я болѣе всего на счетъ князя Яшвиля. Въ ранней молодости слышалъ я, что какой-то князь Яшвиль дрался на дуэли съ княземъ Долгорукимъ и, кажется, убилъ его. Потомъ припоминалъ, что въ Лейбъ-Гвардіи Гусарскомъ полку, которымъ онъ командовалъ, его называли Мамаемъ. Ну, думаю, все это не предвѣщаетъ мнѣ ничего хорошаго. Но все кончено, теперь поздно разсуждать;

надо ѣхать, немедля, какъ сказано въ предписаніи, въ Могилевъ на Днѣпрѣ.

И я поѣхалъ.

Въ лицѣ Вилькена я нашелъ дряхлаго, артиллерійскаго генерала.

— Честь имѣю представиться: подполковникъ Зыковъ, отрапортовалъ я.

— Очень радъ, отвѣчалъ Вилькенъ, и тутъ же сразу огорошилъ меня вопросомъ:

— А зачѣмъ васъ прислали сюда?

— Я полагаю, чтобы получить отъ васъ какія-либо приказанія.

— Никакихъ приказаній я вамъ дать не могу; можетъ быть вамъ самимъ что-нибудь нужно.

— Я бы желалъ знать только расквартированіе войскъ въ губерніи, но это я могу получить у васъ въ штабѣ.

Черезъ два дня я встрѣтилъ своего однокашника Бориславскаго, адъютанта Вилькена, и онъ мнѣ передалъ отзывъ обо мнѣ своего принципала.

— Какіе педанты эти офицеры Генеральнаго штаба; только пріѣхалъ, подавай ему росписаніе войскъ, сказалъ онъ Бориславскому.

А между тѣмъ меня интересовало вовсе не простое любопытство, я былъ убѣжденъ, что какъ только пріѣдетъ князь Яшвиль, то прежде всего объ этомъ спроситъ меня; я же рѣшился ожидать князя Яшвиля, никуда не показываться такъ, что даже не зналъ, когда выѣхалъ изъ Могилева Вилькенъ.

Надо замѣтить, что въ тѣ времена въ мѣстечкѣ Горки, въ Могилевской губерніи существовала земледѣльческая Горецкая школа, гдѣ, какъ и во всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, преобладали, если не поляки, то во всякомъ случаѣ католики. Въ училищѣ образовалась шайка, которая, не долго думая, рѣшила присоединить Могилевскую губернію къ Царству Польскому, гдѣ въ то время шло возстаніе, съ января 1863 года.

И вотъ въ одинъ прекрасный день въ училищѣ происходитъ слѣдующее:

Является вооруженная шайка всякаго сброда, по преимуществу польскаго, нападаетъ на несчастную инвалидную команду, ранитъ, убиваетъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ безоружныхъ, захватываетъ денежный сундукъ, и нѣкто Маргулецъ идетъ къ директору училища и заявляетъ ему, что польскія войска подъ начальствомъ воеводы, Топора, вступили въ городъ, а онъ, директоръ, находится въ плѣну.

Въ то же время студентъ Кушелевскій является къ директору

фермы, Юрьевичу, и требуетъ у него отъ имени Топора лошадей и фермеровъ для комплектованія своей шайки.

Изъ инвалидной команды было много убитыхъ и раненыхъ; на одного изъ инвалидовъ напало разомъ пятеро студентовъ, однако, онъ продалъ жизнь свою не даромъ, убивъ одного изъ главныхъ—Домороцкаго. Одинъ изъ студентовъ, Козелъ, занималъ въ шайкѣ Топора званіе начальника коннаго отряда. Въ этой же шайкѣ были помѣщики и даже нѣкоторые мировые посредники.

Когда я пріѣхалъ въ Могилевъ, то вся шайка уже была переловлена, и всѣ дѣйствовавшіе въ ней были арестованы.

До прибытія въ Могилевъ князя Яшвиля, я, конечно, ни во что не вмѣшивался, и когда ко мнѣ совершенно неожиданно явился маіоръ Шульгинъ съ просьбою очистить казармы отъ содержавшихся въ нихъ политическихъ арестантовъ, то я, несмотря на его основательные доводы, отказалъ, заявивъ, что до прибытія князя Яшвиля ничего сдѣлать не имѣю права.

Живя нѣсколько дней въ городѣ, я имѣлъ возможность увидѣть одно странное явленіе. Постоянно я вижу, что въ городѣ и на противоположномъ берегу горятъ въ домахъ огни даже среди ночи. Но одинъ изъ мѣстныхъ жителей объяснилъ мнѣ въ чемъ дѣло; оказалось, что противъ города расположено мѣщанское поселеніе Луполово. Со времени появленія Горецкой шайки напалъ страхъ на жителей обоихъ береговъ Днѣпра; горожане стали бояться, какъ бы жители русскаго населенія Луполово не вырѣзали городъ, а луполовцы боялись того же самаго отъ могилевскихъ поляковъ, и это продолжалось довольно долго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока были казнены главные дѣятели шайки.

Слѣдуетъ сказать, что раненые солдаты, отправленные въ городскую больницу, были встрѣчены медицинскимъ и служебнымъ персоналомъ, состоящимъ изъ поляковъ, весьма недружелюбно и даже враждебно. Къ сожалѣнію тогдашній губернаторъ Беклемишевъ не догадался посѣтить больницу и сказать нѣсколько словъ раненымъ и благодарить ихъ за вѣрную службу. Можетъ быть это охладило бы пылъ польскихъ патріотовъ Могилевской губерніи, и они не встрѣтили бы раненыхъ съ ругательствомъ, какъ заявляли тогда же сами раненые. Надо сказать однако, что Беклемишевъ былъ человѣкъ вполнѣ образованный, русскій и при томъ весьма дѣятельный, хотя пропустилъ время, чтобы предупредить нелѣпое возстаніе. Можетъ быть это было причиною, что Муравьевъ, хотя и оставилъ его на мѣстѣ, но, повидимому, недолюбливалъ его.

Но то, чего не сдѣлалъ Беклемишевъ, впослѣдствіи сдѣлалъ князь Яшвиль и при томъ въ истинно мамаевской формѣ.

Наконецъ, прибылъ и князь Яшвиль. Я предсталъ предъ человѣкомъ высокаго роста, съ суровымъ лицомъ, густо обросшимъ волосами, и весьма внушительною фигурою. Принятъ имъ я былъ просто, и между нами въ первое свиданіе произошелъ весьма короткій разговоръ.

— Очень радъ съ вами познакомиться, ваше имя и отчество.

— Сергѣй Павловичъ.

— Прошу васъ, Сергѣй Павловичъ, поселиться поближе ко мнѣ, такъ какъ я думаю, что намъ неизбѣжно придется часто нуждаться одному въ другомъ.

— Я какъ разъ устроилъ канцелярію въ томъ же домѣ, гдѣ будете жить и вы, ваше сіятельство.

— Ну и прекрасно. А знаете ли вы, что тутъ было съ ранеными въ больницѣ. Мнѣ Муравьевъ разсказывалъ, какъ доктора называли раненыхъ пся кревъ (собачья кровь).

— Да, я это слышалъ.

— Каковы подлецы! Вотъ я имъ покажу, какъ ругать русскаго солдата.

Тѣмъ разговоръ нашъ на этотъ разъ и кончился.

Впечатлѣніе, которое произвелъ на меня князь Яшвиль, было не въ его пользу; ты, братъ, дѣйствительно Мамай и жить съ тобой чѣмъ меньше придется, тѣмъ лучше, подумалъ я, уходя отъ него.

Но я жестоко ошибался; на немъ вполнѣ оправдалась басня Крылова, начинающаяся словами „наружность иногда обманчива бываетъ“. Этотъ по наружности суровый человѣкъ былъ добрѣйшей души, готовый на всякое снисхожденіе къ просьбѣ пострадавшихъ и за свое снисхожденіе иногда заслуживавшій порицаніе со стороны Муравьева. Къ тому же онъ былъ чрезвычайно богомоленъ.

Что же касается моихъ служебныхъ къ нему отношеній, то я никогда не желалъ бы имѣть лучшаго начальника.

На третій или на четвертый день по пріѣздѣ, князь Яшвиль вошелъ ко мнѣ въ комнату со словами:

— Ѣдемте, Сергѣй Павловичъ.

— Куда прикажете, князь?

— Въ госпиталь, надо навѣстить раненыхъ, давно бы надо было.

Хотя никто не оповѣщалъ объ этой поѣздкѣ, однако по прибытіи нашемъ на мѣсто, насъ встрѣтилъ въ чинномъ порядкѣ весь медицинскій персоналъ съ статскимъ совѣтникомъ въ генеральскихъ эполетахъ во главѣ.

Сдѣлавъ общій поклонъ, князь Яшвиль началъ обходить, спрашивая фамилію каждаго; пройдя всѣхъ, онъ вдругъ отступилъ шага на два и весьма грознымъ голосомъ закричалъ:

— Да что же это такое; вѣдь это не Могилевская губернія, а царство Польское.

Оказалось, что это были все польскія фамиліи.

— И зачѣмъ это вы сюда собрались?—продолжалъ Яшвиль, ваше мѣсто не здѣсь, а въ Польшѣ; туда и убирайтесь, а вы еще смѣете ругать русскаго солдата, который служитъ русскому царю, не какъ вы, а какъ честный человѣкъ.

Я, стоя въ сторонѣ, изумился этой выходкѣ и, полагая, что такому изступленію не будетъ конца, отошелъ еще далѣе.

Однако, этимъ дѣло и кончилось; вслѣдъ затѣмъ князь Яшвиль, въ сопровожденіи того же персонала, началъ обходить раненыхъ, благодаря ихъ за службу и въ то же время снабжая ихъ деньгами.

Убѣжденный, что князь Яшвиль находится въ крайнемъ раздраженіи и говорить съ нимъ о чемъ бы то ни было совершенно безполезно, я молчалъ. Но каково было мое удивленіе, когда, отъѣхавъ саженъ сто, онъ съ добродушною улыбкою обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А каково я ихъ отдѣлалъ, Сергѣй Павловичъ? Какъ вамъ это нравится?

— Все это хорошо, но я думаю, что съ вашей стороны было рискованно.

— Это почему?

— Да развѣ вы не замѣтили, что на правомъ флангѣ докторъ былъ въ генеральскихъ эполетахъ? Что, если бы онъ вздумалъ отвѣчать?

— Молоды вы, Сергѣй Павловичъ, оттого такъ и говорите; вѣдь все это п......цы. Вѣдь всѣ они остались здѣсь, чтобы сберечь свою шкуру. Вѣдь вотъ въ шайку-то они не пошли потому, что безопаснѣе и выгоднѣе дѣлать подлости здѣсь, да еще за это и деньги получать.

Противъ такого аргумента нельзя было ничего возразить.

Покончивъ одно, пришлось приняться за другое. Уже до пріѣзда князя Яшвиля, маіоръ Шульгинъ обращался ко мнѣ съ просьбою освободить гарнизонную казарму, въ которой помѣщались политическіе арестанты. До пріѣзда князя Яшвиля я не считалъ себя въ правѣ дѣлать какія бы то ни было распоряженія, а по пріѣздѣ его доложилъ объ этомъ ему. „Поѣзжайте, посмотрите вездѣ, гдѣ арестованные и сдѣлайте, что можно“, сказалъ мнѣ Яшвиль.

Собравъ свѣдѣнія обо всѣхъ арестованныхъ, я узналъ, что всего ихъ вообще было 449 человѣкъ, а помѣщались они, гдѣ только можно было: въ гарнизонныхъ казармахъ, въ острогѣ и, наконецъ, даже въ зданіи богоугодныхъ заведеній.

Для обозрѣнія я обратился только въ казармы гарнизоннаго батальона, гдѣ увидѣлъ рѣдкую картину. Въ помѣщеніи, отведенномъ для арестованныхъ, было 177 человѣкъ самаго разнообразнаго вида: тутъ были помѣщики въ обыкновенныхъ костюмахъ и халатахъ, другіе въ чамаркахъ, крестьяне въ бѣлыхъ свиткахъ и просто въ однѣхъ рубашкахъ и, наконецъ, къ величайшему моему удивленію, нѣкоторыя лица въ дворянскихъ мундирахъ.

При входѣ въ казарму, я былъ встрѣченъ всеобщимъ гвалтомъ, который выражалъ просьбу и заявлялъ свои желанія; кромѣ того, всѣ они говорили, что ни въ чемъ неповинны, а арестованы крестьянами по злобѣ на помѣщиковъ. Можетъ быть многіе говорили правду, но такъ какъ я не имѣлъ права входить въ подробности, то я объяснилъ, что пришелъ только осмотрѣть ихъ помѣщеніе и ничего болѣе.

Болѣе всего меня удивили тѣ изъ арестованныхъ, которые были одѣты въ дворянскіе мундиры. Объяснилось это однако просто. Когда русскіе крестьяне услышали, что поляки бунтуютъ противъ царя, то бросились въ помѣщичьи дома и принялись арестовывать господъ и представлять ихъ въ Могилевъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застали. Нѣкоторые же помѣщики, желая импонировать крестьянамъ, облеклись въ дворянскіе мундиры, разсчитывая, что это подѣйствуетъ на крестьянъ успокоительно. Но это имъ нисколько не помогло, и ихъ иногда даже связанными также доставляли въ казарму.

Командиръ гарнизоннаго батальона маіоръ Шульгинъ былъ совершенно молодой человѣкъ, бывшій гвардейскій офицеръ. Вѣроятно, дослужившись въ гвардіи до штабсъ-капитанскаго чина, онъ перевелся въ армію маіоромъ и по протекціи получилъ гарнизонный батальонъ, что въ то время было очень выгодно. Все у него было хорошо и спокойно, пока въ Западномъ краѣ не появились *польскія* войска, вздумавшія присоединить Могилевскую губернію къ царству Польскому. Но результатомъ всего этого оказалось только увеличеніе въ его владѣніяхъ населенія, съ которымъ онъ не зналъ, что дѣлать. Отдѣленіе помѣщенія для арестованныхъ стѣсняло остальныхъ; продовольствіе на арестантскія деньги возбуждало неудовольствіе помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ, бывшихъ въ числѣ арестантовъ; прекращеніе сношеній арестованныхъ съ внѣшнимъ міромъ было совершенно невозможно, ибо казарма вовсе не представляла собою тюремнаго зданія.

Все это печалило и страшило бѣднаго Шульгина, горячо просившаго меня все видѣнное мною передать князю Яшвилю съ просьбою облегчить его положеніе.

Выслушавъ ламентаціи Шульгина, я понялъ, что тутъ никакой князь Яшвиль не въ состояніи ничего сдѣлать. Поэтому обѣщавъ, что доложу все подробно князю, я совѣтовалъ Шульгину примириться съ своей судьбой и терпѣливо нести свой крестъ, наложенный на него *польскими* войсками, вступившими подъ начальствомъ довудца (воеводы) Топора въ Могилевъ.

Я, разумѣется, все доложилъ Яшвилю, и между нами завязался слѣдующій разговоръ, характеризующій добрый характеръ его.

— Что же вы сдѣлали? спросилъ онъ.

— Ничего, отвѣчалъ я.

— Но почему? Вѣдь тамъ есть и невинные, которыхъ надо освободить.

— Ничего нельзя сдѣлать, ибо это не мы арестовывали, и у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ производить надъ ними судъ и расправу, это дѣло губернатора и суда.

— Но вѣдь мы на военномъ положеніи.

— Это ничего не значитъ, и вы, князь, конечно въ Вильнѣ представлялись Муравьеву?

— Какъ же.

— И онъ давалъ же вамъ какія-нибудь инструкціи?

— Но эта инструкція коротка. „Не тяните дѣло. Рѣшайте его на мѣстѣ сами; задушите крамолу, въ которой замѣшаны у васъ офицеры, и поменьше всякихъ запросовъ мнѣ“.

— Коротка, это правда, но, мнѣ кажется, довольно ясная. Вѣдь крамолы-то въ Могилевской губерніи уже не существуетъ: вся она заключена въ казармахъ гарнизоннаго батальона, въ острогѣ и даже въ зданіи богоугодныхъ заведеній, слѣдовательно, главная часть инструкціи исполнена, а остальное будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

Немного подумавъ, князь Яшвиль спросилъ меня.

— Вы хорошо знаете законы о военномъ положеніи?

— Нѣтъ, во всей точности не знакомъ съ этимъ.

— Ну я тоже. Что же мы будетъ дѣлать?

— Я полагалъ бы вамъ въ это дѣло пока не вмѣшиваться, тѣмъ болѣе, что сегодня я получилъ свѣдѣнія, что въ числѣ арестованныхъ есть три офицера, бывшихъ въ шайкѣ. Вотъ когда дѣло дойдетъ до нихъ, тогда вамъ придется ихъ судить.

Князь не много подумалъ и съ видимою радостью воскликнулъ: а я знаю, что дѣлать; я батюшка, Сергѣй Павловичъ, выпишу вамъ человѣчка, который насъ съ вами не продастъ ни за что.

— Кто же это такой?

— Аудиторъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, Чернолуцкій.

Пишите пожалуйста сейчасъ же всюду, куда нужно, чтобы немедленно изъ Петербурга выѣхалъ Чернолуцкій.

Черезъ нѣсколько дней Чернолуцкій былъ уже въ Могилевѣ, князь Яшвиль успокоился, и мы съ княземъ принялись за дѣло.

Прежде всего, конечно, нужно было разобрать, насколько возможно, дѣла арестованныхъ, чтобы при посредствѣ губернатора, если не освободить, то облегчить положеніе менѣе заподозрѣнныхъ. Но какъ мы ни старались, ничего сдѣлать не могли. Да наконецъ нужно было подумать и о нижнихъ чинахъ гарнизоннаго батальона; вопли Шульгина имѣли полное основаніе; нижніе чины несли усиленную караульную службу въ трехъ мѣстахъ, не имѣя въ то же время никакой возможности исполнять свой долгъ относильно тюремныхъ правилъ. Арестованные безпрепятственно сносились съ внѣшнимъ міромъ, производили дебоши, дерзко предъявляли разныя требованія, словомъ, не считали себя тѣми арестантами, противъ которыхъ, въ случаѣ надобности, можно употребить силу оружія, они были убѣждены, что правительство не посмѣетъ употребить рѣшительныхъ мѣръ. Конечно, это дѣлали не тѣ несчастные, которые, повѣривъ вожакамъ на слово, пошли за ними какъ бараны и теперь горько оплакивали свою участь. Дебоши устраивали привилегированныя лица, понятія которыхъ о польскомъ возстаніи и о конечныхъ результатахъ его доходили до смѣшного. Многіе изъ этихъ господъ были вполнѣ убѣждены, что вмѣшательство постороннихъ державъ послѣдуетъ не позже іюля, и что онѣ заставятъ русское правительство освободить Польшу.

Вотъ эти-то интеллигенты и мучили несчастныхъ бѣлоруссовъ, съ однимъ изъ которыхъ я однажды и бесѣдовалъ.

— Скажи мнѣ, зачѣмъ ты пошелъ въ шайку? спросилъ я.

— Панъ говорилъ, что нужно; что каждый вѣрный католикъ долженъ идти въ шайку, такъ желаетъ и Папа.

— А ты ему такъ и повѣрилъ.

— А какъ же пану не вѣрить.

— Да вѣдь ты русскій.

— Нѣтъ, я не русскій, прервалъ меня мой собесѣдникъ, я католикъ.

Видя, что совершенно безполезно вести разговоръ о различіи между національностью и религіею, я продолжалъ:

— Что же тебѣ еще говорилъ твой панъ?

— Онъ говорилъ, что французы и англичане идутъ на Россію, а флотъ французскій уже въ Варшавѣ.

Этотъ мой разсказъ очень забавилъ Яшвиля.

— Я бы этого дурака свезъ въ Варшаву, чтобы показать, какой мошенникъ его панъ. Однако, нужно же что-нибудь сдѣлать.

— У насъ есть свое дѣло, какъ я вамъ уже докладывалъ; Муравьевъ же указалъ на офицеровъ. Надо прежде всего просить Муравьева о присылкѣ чиновъ для слѣдствія и суда; безъ этого мы ничего не можемъ сдѣлать.

— Хорошо. Ну что же мы будемъ дѣлать съ остальными; куда мы ихъ спустимъ?

— Трудно что-нибудь придумать.

— Ну ладно, я подумаю, сказалъ князь Яшвиль.

И дѣйствительно придумалъ. Не прошло недѣли, какъ князь Яшвиль при моемъ докладѣ вдругъ воскликнулъ:

— А я нашелъ!

— Что такое?

— А куда дѣть арестантовъ. Вѣдь недаромъ же Императоръ Николай Павловичъ строилъ крѣпости. Въ двухъ шагахъ отъ насъ находится Бобруйскъ; вотъ мы ихъ туда и сплавимъ. Распорядитесь.

Сдѣлавъ сношеніе съ Циммерманомъ, и по докладѣ его Муравьеву мысль князя была приведена въ исполненіе; большая часть арестантовъ была отправлена, и князь Яшвиль былъ освобожденъ отъ обязанности производить слѣдствіе и судъ при полномъ отсутствіи какихъ-либо чиновъ юридическаго вѣдомства, между тѣмъ какъ въ крѣпости все это было налицо.

Когда могилевскіе поляки узнали, что повстанцевъ отправили въ Бобруйскъ, то они нѣсколько пріуныли, они увидѣли, что правительство не шутитъ, и что отъ него можно ожидать и крутыхъ мѣръ. Однако, все-таки они не переставали надѣяться на иностранную помощь, которая въ концѣ концовъ явилась въ Варшавѣ въ образѣ какого-то бѣглаго зуава. Но и этотъ зуавъ, приглядѣвшись къ повстанцамъ, убѣжалъ отъ нихъ.

Воодушевленные дикими мечтами, могилевскіе поляки держали себя довольно надменно въ отношеніи русскихъ вообще и все время никакъ не хотѣли повѣрить, чтобы могли казнить кого бы то ни было.

Какъ только поселился князь Яшвиль въ своей квартирѣ, какъ она сдѣлалась какимъ-то сборнымъ мѣстомъ польской шляхты всѣхъ ранговъ и половъ. Ежедневно появлялись и дамы и мужчины съ разными просьбами и жалобами. Изъ мужчинъ чаще всего появлялся предводитель дворянства князь Любомірскій. Онъ всегда осуждалъ возстаніе, говорилъ о своей преданности, жалѣлъ и тѣхъ, которые были увлечены въ возстаніе, словомъ, это былъ человѣкъ вполнѣ русскій и надежный сынъ отечества. Но часто въ то время какъ князь Любомірскій распинался у князя Яшвиля, выставляя свою преданность, я получалъ свѣдѣнія, что наканунѣ въ такомъ-

то его имѣніи повстанцы благополучно ужинали, на счетъ князя; разумѣется, князь былъ тутъ ни при чемъ, виноватымъ всегда былъ или арендаторъ, или управитель княжескаго имѣнія. Никогда никакихъ прямыхъ доказательствъ противъ самого князя нельзя было найти. Муравьевъ тѣмъ не менѣе уволилъ князя Любомірскаго отъ предводительства.

Другой князь Любомірскій, посѣщавшій князя Яшвиля, былъ человѣкомъ совсѣмъ другого типа; насколько тонкія черты лица, умѣренныя позы и тихій голосъ одного напоминали іезуита, на столько все это въ другомъ обличало свѣтскаго человѣка, любящаго пользоваться всѣми утѣхами жизни. Онъ былъ вполнѣ правъ, когда говорилъ князю Яшвилю: Je ne m'occupe que des fleures et des femmes.

И дѣйствительно противъ него не было никакихъ уликъ.

Болѣе всего одолѣвали князя Яшвиля дамы самыхъ разнообразныхъ лѣтъ и состояній; всѣ онѣ обыкновенно приходили ежедневно, съ разными просьбами, иногда совершенно беззаконными, а иногда просто съ нелѣпыми. Князь Яшвиль держалъ себя вполнѣ корректно, и если онъ одной изъ нихъ удѣлялъ болѣе продолжительное время для разговора, то на это имѣлись весьма важныя причины.

Несмотря на всѣ возможные розыски, долгое время не могли узнать, кто такой Топоръ. Между тѣмъ было извѣстно, что наканунѣ нападенія на Горки Топоръ ночевалъ въ имѣніи мирового посредника Миткевича, гдѣ за отсутствіемъ мужа его принимала г-жа Миткевичъ. Вотъ эта госпожа чуть не ежедневно являлась къ Яшвилю, каждый разъ на что-нибудь жалуясь: то она говорила, что при обыскѣ у нея пропало серебро, то опечатали послѣднія туфли и ей приходится ходить чуть не босою; наконецъ, что ей просто житья нѣтъ отъ губернаторскихъ чиновниковъ, производящихъ слѣдствіе о ея мужѣ.

Сначала князь Яшвиль, разжалобленный слезами хорошенькой молодой временно соломенной вдовы, все это принималъ за чистую монету и возмущался за беззащитную женщину. Это стараніе князя Яшвиля болѣе всего отзывалось на мнѣ.

— Послушайте, Сергѣй Павловичъ, что тутъ дѣлается. Вѣдь это ни на что не похоже; переговорите съ губернаторомъ.

И вотъ я ѣду къ губернатору и передаю ему жалобу, тотъ призываетъ правителя канцеляріи Гортынскаго; тутъ же производится разслѣдованіе, и вся исторія оказывается совершеннымъ вздоромъ или самое большое преувеличеніемъ во сто разъ того или другого факта.

Надо сказать, что очень многіе подъ предлогомъ жалобы являлись только за тѣмъ, чтобы изъ разговоровъ узнать что-нибудь, а въ особенности на счетъ Топора: всѣхъ интересовало, узнали ли, кто такой Топоръ. Князь Яшвиль неоднократно заводилъ разговоръ съ Миткевичъ и спрашивалъ ее, не знаетъ ли она, кто скрывается подъ этимъ псевдонимомъ, но она, конечно, клялась всѣми святыми, что не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія.

Справки обо всѣхъ жалобахъ, почти всегда неосновательныхъ, мѣшали мнѣ заниматься дѣломъ, и я просилъ князя Яшвиля не отрывать меня отъ моихъ занятій, на что онъ и согласился. Но какъ-то разъ князь входитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Ну. батюшка, извините, а когда сегодня придетъ ко мнѣ мадамъ Миткевичъ, я васъ позову.

— Это по какому же случаю?

— А вотъ увидите, это мой секретъ, только предупреждаю васъ, не засматривайтесь на нее, а смотрите на меня, пока я съ нею буду разговаривать.

Я, разумѣется, съ нетерпѣніемъ ждалъ время, когда должна была появиться госпожа Миткевичъ. Едва прошло полчаса, какъ князь Яшвиль прислалъ за мною. При входѣ въ комнату я засталъ князя сидящимъ у стола визави съ Миткевичъ, а передъ нимъ развернутый листъ бѣлой бумаги. Она продолжала начатый до меня разговоръ на французскомъ языкѣ.

— Но вы, князь, конечно уже знаете настоящее имя Топора?

— Къ сожалѣнію, есть только подозрѣніе, которое можетъ не оправдаться.

Хотя князь Яшвиль не велѣлъ мнѣ глядѣть на госпожу Миткевичъ, однако, я отъ времени до времени на нее взглядывалъ и видѣлъ на ея лицѣ выраженіе крайняго любопытства. Въ то же время я замѣтилъ, что Яшвиль пальцемъ водитъ по бумагѣ. Оказалось, что онъ довольно крупно начертилъ сначала букву Ж, потомъ довольно быстро слѣдующія: в и р. Это была послѣдняя буква, вслѣдъ за начертаніемъ которой, на глазахъ Миткевичъ навернулись слезы, она поднесла къ глазамъ платокъ и, ни слова не сказавъ, быстро удалилась изъ комнаты. Она поняла, что псевдонимъ Топоръ, прикрывавшій собою настоящее имя офицера генеральнаго штаба Жвирждовскаго, разоблаченъ окончательно, и воеводѣ Могилевской губерніи грозитъ печальная участь. Теперь уже не было никакого сомнѣнія, что Топоръ и Жвирждовскій синонимы.

Съ тѣхъ поръ, госпожа Миткевичъ не переступала порога въ квартиру князя Яшвиля.

Понятно, что все дѣло Горецкой шайки касалось мужа, а отнюдь не госпожи Миткевичъ, съ которой никакихъ дальнѣйшихъ непрі-

ятностей не происходило. Жвирждовскій же вскорѣ былъ пойманъ и казненъ.

Что же касается самого Миткевича, то я не знаю, какая судьба его постигла.

Между тѣмъ Муравьевъ безпрестанно напоминалъ Яшвилю, отчего до сихъ поръ ничего не сдѣлано по дѣлу взятыхъ въ шайкѣ трехъ артиллерійскихъ офицеровъ поручика Корсакъ и двухъ прапорщиковъ братьевъ Манцевичахъ и эмигрантѣ Анципѣ. Но дѣло это и не могло идти быстро, ибо у насъ не было никакихъ судебныхъ органовъ. Тогда для суда Муравьевъ прислалъ изъ Вильны какого-то моряка Коломотьяно; для слѣдствія у насъ былъ, какъ я уже сказалъ, выписанный изъ Петербурга аудиторъ—Чернолуцкій.

Дѣло шло очень медленно вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, а между тѣмъ оно очень раздражало Муравьева, тѣмъ болѣе, что начальники отдѣльныхъ частей, которымъ Муравьевъ далъ право окончательно конфирмовать приговоры, весьма рѣдко пользовались своимъ правомъ, а, вопреки приказу его, окончательные приговоры посылали къ нему. Что касается конфирмаціи Яшвиля, то теперь, по прошествіи 46 лѣтъ, я не могу припомнить, самъ ли князь Яшвиль конфирмировалъ смертный приговоръ или посылалъ Муравьеву. Думаю, что самъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ бы получилъ отъ Муравьева выговоръ, чего, кажется, не было.

Утверждать смертный приговоръ приходилось надъ четырьмя лицами, изъ числа которыхъ было три офицера, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Два изъ нихъ были совершенно юные прапорщики Манцевичи и подпоручикъ Корсакъ и четвертый Анципа, вернувшійся сюда послѣ амнистіи въ 30-хъ годахъ. Вина Манцевичей, и безъ того уже за свое преступленіе подлежавшая тягчайшему наказанію, усугублялась еще тѣмъ, что они обманомъ увлекли за собою своихъ денщиковъ. Говорили, что будто сама мать благословляла ихъ передъ отправленіемъ въ шайку. Можетъ быть это и не вѣрно, но весьма правдоподобно, при томъ непонятномъ воодушевленіи, какимъ одержимы были въ то время поляки. Когда имъ говорили, что вина Манцевичей вѣроятно повлечетъ за собою смертную казнь, то они едва не смѣялись, утверждая, что въ виду заступничества за нихъ Франціи и Англіи Россія не посмѣетъ это сдѣлать. И только послѣ совершенія приговора, когда они убѣдились, что время шутокъ прошло, впали въ совершенно противоположное состояніе, выражая полную пришибленность.

Когда должна была совершиться смертная казнь, князь Яшвиль обратился ко мнѣ.

— Ну, Сергѣй Павловичъ, я попрошу васъ присутствовать на мѣстѣ.

— Позвольте, князь, вѣдь это вовсе не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей.

— Я васъ и не заставляю; я бы могъ приказать это командиру гарнизоннаго батальона, но я желалъ бы, чтобы именно вы были на мѣстѣ, чтобы я могъ точно и подробно узнать, какъ все это произойдетъ, и распорядились бы, если будетъ нужно. Пока вы будете тамъ, я здѣсь прикажу, чтобы люди въ это время не выходили изъ казармъ и были наготовѣ.

— Можно навѣрное сказать, что ничего серьезнаго быть не можетъ; но если это ваше непремѣнное желаніе, то я буду на мѣстѣ.

Какъ ни непріятно было для меня это порученіе, я на слѣдующій день направился на мѣсто, гдѣ уже собралось множество народа, среди которыхъ преобладалъ польскій языкъ. Рѣзко замѣтно было, что лица, костюмы, оживленные разговоры вовсе не соотвѣтствовали той трагедіи, которая должна была разыграться на ихъ глазахъ, чрезъ нѣсколько минутъ. Повидимому, никто не ожидалъ кровавой развязки. Если не всѣ, то большинство было убѣждено, что все это одна комедія, что въ данный моментъ явится гонецъ и объявитъ, что смертная казнь замѣнена другимъ наказаніемъ.

Что касается приговоренныхъ къ казни трехъ офицеровъ, то надо сказать, что они были уже полуживые, съ трудомъ передвигали ноги, Анципа же до самой послѣдней минуты былъ совершенно спокоенъ и шелъ на казнь, ковыряя въ зубахъ соломенкою.

Я, конечно, не имѣлъ ни права, ни желанія вмѣшиваться въ судебное дѣло, но долженъ сказать, что менѣе всѣхъ былъ виноватъ Анципа, который не заслуживалъ участи Корсака и Манцевичей. Правда, онъ былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, но онъ главнымъ образомъ перерѣзывалъ телеграфныя проволоки, усугублялась же вина его только потому, что онъ былъ уже однажды амнистированъ послѣ 1831 года.

Когда послѣдовали выстрѣлы, и когда собравшіеся увидѣли трупы, то раздался громкій крикъ и плачъ.

Всѣ, такъ весело болтавшія за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, дамы теперь съ плачемъ и рыданіемъ бросились бѣжать съ поля.

Когда я по возвращеніи все разсказалъ князю Яшвилю, онъ верхомъ объѣхалъ городъ, а всѣ встрѣчавшіеся снимали шляпы и низко кланялись. Польское настроеніе совершенно исчезло. Что же касается самого воеводы Могилевской губерніи штабсъ-капитана генеральнаго штаба Жвирждовскаго, то онъ впослѣдствіи былъ пойманъ и казненъ, кажется, въ Вильнѣ.

Теперь дѣло Могилевской губерніи можно бы было считать оконченнымъ, если бы въ сосѣдней Минской не безчинствовала

большая шайка подъ начальствомъ помѣщика Свенторжецкаго и какого-то инженернаго офицера, если не ошибаюсь—Ласковскаго. Шайка эта, преслѣдуемая въ Минской губерніи, бросалась въ Могилевскую, производя неистовства въ обѣихъ. Надо было покончить съ этимъ во что бы то ни стало. И вотъ мы списались съ командующимъ войсками Минской губерніи генераломъ Русиновымъ и пошли на облаву. Князь Яшвиль пошелъ въ одну сторону, я съ двумя ротами и казачьею сотнею въ другую, а Русиновъ въ третью.

Мы условились съ княземъ Яшвилемъ, что прежде я выступлю изъ Могилева, а онъ на другой день, при чемъ для большей скрытности около полуночи—оба. Мнѣ пришлось выступить въ пятницу. Я уже собрался въ дорогу, какъ въ 11 часовъ ночи за мной присылаетъ князь.

— Дайте мнѣ, Сергѣй Павловичъ, карты Могилевской и Минской губерній.

— Зачѣмъ, князь, онѣ вамъ понадобились? Вѣдь мы съ вами на картахъ ничего не увидимъ кромѣ лѣсовъ, болотъ и весьма часто невѣрныхъ дорогъ. Вѣдь мы съ вами не войну ведемъ, а простую охоту на повстанскія шайки.

— А все-таки присмотрѣться заранѣе лучше.

Дѣлать было нечего; я принесъ карты и сказалъ:

— Напрасно вы только будете утруждать свое зрѣніе; не даромъ говорятъ, что Бобруйскъ среди болотъ искалъ Наполеонъ и никакъ не могъ его найти.

Затѣмъ всѣ дѣйствія князя Яшвиля стали для меня совершенно непонятными. Онъ водилъ какъ-то неопредѣленно по дорогамъ пальцами, останавливался противъ нѣкоторыхъ городовъ, разспрашивалъ меня, не служилъ ли въ этихъ краяхъ, и, узнавъ, что я началъ службу въ Минской губерніи, направилъ разговоръ на тему, которая не имѣла никакого отношенія къ дѣлу. Я только недоумѣвалъ, къ чему все это клонится, и что за любознательность одолѣла моего князя. Но чрезъ нѣкоторое время часы начали бить полночь. Едва раздались первые звуки часового боя, какъ Яшвиль вдругъ отодвинулъ отъ себя карты и, протягивая мнѣ руку, произнесъ:

— До свиданія, Сергѣй Павловичъ, желаю вамъ успѣха и счастья; никакихъ картъ мнѣ не было нужно, а надо мнѣ было задержать васъ, вы забыли, что была пятница, а я въ этотъ день не вѣрю, а потому я хотѣлъ задержать васъ до субботы, вотъ теперь и поѣзжайте съ Богомъ.

Вслѣдъ затѣмъ я разстался съ Яшвилемъ на цѣлую недѣлю и началъ съ своими двумя ротами Смоленскаго и Орловскаго полковъ и сотнею казаковъ таскаться по болотамъ и лѣсамъ двухъ губерній.

Очистивъ Могилевскую, я перешелъ въ Минскую, гдѣ свирѣпствовалъ съ своею шайкою Свенторжецкій и Ласковскій. Мнѣ пришлось дней пять дѣлать усиленные переходы среди болотъ, безпрестанно нападать на слѣды шайки, которая очевидно при приближеніи войскъ разбѣгалась, а потомъ въ извѣстномъ пунктѣ снова собиралась, отчего много терпѣли войска. Усталыя, весьма часто голодныя и мокрыя во время дождя, они тѣмъ не менѣе съ охотою поднимались съ бивака и бодро шли, едва только получались свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія шайки; и это не одинъ я могъ засвидѣтельствовать и въ другихъ отрядахъ было то же самое; войска и крестьяне страшно были вооружены противъ мятежниковъ и готовы были терпѣть всевозможныя лишенія, лишь бы только уничтожить ихъ. Вотъ что писалъ намъ губернаторъ Беклемишевъ:

„Шайка Свенторжецкаго человѣкъ въ 400 направилась по слухамъ въ Борисовскій уѣздъ. Агентъ намъ сообщаетъ, что войска наши страшно утомлены и ропщутъ противъ своихъ начальниковъ, утверждая, что они не хотятъ ихъ вести противъ мятежниковъ. Между прочимъ разсказываютъ, что какой-то ротный командиръ расположился для отдыха, и на вопросъ солдатъ, зачѣмъ онъ не ведетъ ихъ далѣе, отвѣчалъ, что нѣтъ хлѣба. Тогда солдаты довольно дерзко закричали: „Вы ужъ только ведите насъ, а мы и голодные пойдемъ“. Крестьяне по показанію агента ожесточены противъ мятежниковъ, но боятся ихъ преслѣдовать, утверждая, что мѣстные полицейскіе чиновники даже наказываютъ ихъ за то и приказываютъ принимать польскія войска хорошо и давать все то, что они потребуютъ“.

Чуть не каждый день мы настигали шайку, которая, лучше насъ зная мѣста, невидимо скрывалась и вновь появлялась въ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, мы рѣшились во что бы то ни стало захватить хоть одного человѣка и допытаться о мѣстѣ ея нахожденія. Случай намъ помогъ; при преслѣдованіи удалось захватить одного повстанца, котораго и привели ко мнѣ.

— Ну разсказывай, куда пошла твоя шайка, спросилъ я его.

— А я почему знаю, я не въ шайкѣ.

— А какъ же ты очутился здѣсь въ лѣсу?

Предвидя, что дѣло не обойдется безъ суровыхъ мѣръ, я отошелъ въ сторону и поручилъ штабсъ-капитану Егорову, прапорщику Никольскому и сотенному командиру допросить повстанца. Не достигнувъ никакого результата, они подошли ко мнѣ и просили позволенія употребить дѣйствительныя средства.

— Мы уже который день шляемся по болотамъ и чуть не каждый день голодаемъ, а они насъ дурачатъ, такъ и конца не будетъ.

Позвольте, полковникъ, познакомить ихъ съ казачьими нагайками.

— Дѣлать нечего, попробуйте, можетъ, что-нибудь и выйдетъ.

Отойдя въ сторону, я услышалъ крикъ повстанца и хлопанье казачьихъ нагаекъ, не успѣлъ я насчитать и десяти ударовъ, какъ оба офицера прибѣжали ко мнѣ съ извѣщеніемъ, что повстанецъ скажетъ все. До нагаекъ онъ держалъ себя довольно смѣло, но послѣ нагаекъ выложилъ все, что ему было извѣстно. Онъ указалъ имена многихъ и начальника шайки, что впрочемъ мнѣ было извѣстно, и помѣщиковъ, какъ бывшихъ въ шайкѣ, такъ и продовольствовавшихъ ее, и всѣ ея похожденія.

Заручившись такими свѣдѣніями, медлить было нечего, и, несмотря на усталость, мы тотчасъ же поднялись и отправились въ путь, при чемъ повстанцу было сказано, что если онъ совретъ, то будетъ повѣшенъ, а если вздумаетъ бѣжать, то разстрѣлянъ.

13 іюня послѣ почти пятнадцативерстнаго перехода мы нашли шайку Свенторжецкаго за обѣдомъ. Теперь ясно, что все дѣло было кончено. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ шайка начала разбѣгаться въ разныя стороны. Мнѣ же оставалось только преслѣдовать ихъ, захватывать и, проходя въ пути разныя деревни, ободрять забитыхъ крестьянъ.

Кстати будетъ сказать, что въ то время сельское духовенство въ Минской губерніи было на самой низкой степени общественнаго положенія. Почти повсюду я встрѣчалъ священниковъ, только что обращенныхъ изъ уніатовъ, плохо говорившихъ по-русски и въ страшно унизительномъ положеніи: священникъ дрожалъ передъ каждымъ польскимъ шляхтичемъ и при ласковомъ къ нему отношеніи съ моей стороны пытался цѣловать мою руку. Нисколько не лучше, если не хуже было положеніе и въ такъ называемыхъ древлеправославныхъ приходахъ, гдѣ священники были изъ не-уніатовъ. Какъ мало стѣснялись помѣщики-католики съ православными священниками, можетъ служить фактъ повѣшенія Свенторжецкимъ священника въ Богушевичахъ.

За совершеннымъ разгромомъ шайки Свенторжецкаго крестьяне ободрились и начали ловить разбѣжавшихся въ разныя стороны повстанцевъ. По необходимости части отряда пришлось обратиться въ конвой.

Послѣ усиленнаго перехода надо было остановиться на дневку, во время которой я захотѣлъ познакомиться съ своими плѣнниками.

Разгромленная шайка по составу своему была весьма разнообразна; въ ней были одинъ или два помѣщика, между которыми я помню Карказевича, потѣшавшаго меня своею трусостью и наив-

ностью показанія при допросѣ, арендаторы помѣщичьихъ имѣній, поссессоры, крестьяне, католики и помѣщичьи слуги.

Въ отрядъ съ собою я взялъ исправника Рогачевскаго уѣзда Блохина, какъ хорошо знающаго и мѣстность и жителей уѣзда. Ему-то я поручилъ сдѣлать въ моемъ присутствіи допросъ.

Первымъ предсталъ предъ нами мужчина высокаго роста и внушительнаго вида.

— Кто вы такой? спросилъ его я.

— Я помѣщикъ Карказевичъ.

— Вы снарядили и продовольствовали шайку Свенторжецкаго, не отпирайтесь, намъ извѣстно.

— Али трошки (немного). Такой комичный отвѣтъ развеселилъ всѣхъ присутствующихъ при допросѣ.

— Но вѣдь вы не только продовольствовали шайку, вы и дрались; вы хоть и бросили ружье, но взяты съ оружіемъ въ рукахъ, вы, значитъ, стрѣляли.

При этихъ словахъ къ общему изумленію высокій, здоровый мужчина зрѣлыхъ лѣтъ вдругъ бросился на колѣни, сложилъ крестомъ два пальца и плаксивымъ голосомъ произнесъ:

— Стшѣлялъ, но дали Бугъ (ей Богу) стшѣлялъ съ далека.

Видя и слыша все это, присутствовавшіе, не исключая солдатъ, покатились со смѣху.

Совсѣмъ другимъ типомъ оказался слѣдующій повстанецъ, служившій писцомъ въ какомъ-то уѣздномъ управленіи, по фамиліи Тельшевскій, онъ былъ командированъ Свенторжецкимъ съ командою въ нѣсколько человѣкъ въ деревню Богушевичи, чтобы казнить православнаго священника.

— Вы повѣсили священника въ Богушевичахъ? спросилъ я.

— Да, я, смѣло отвѣчалъ Тельшевскій.

— Какъ же вы на это рѣшились?

— Я получилъ приказаніе отъ начальника.

— Но получивъ такое незаконное приказаніе, какъ вы рѣшились его исполнить.

— Меня никто не принуждалъ идти въ шайку, а вступивъ въ нее, я долженъ былъ повиноваться. Развѣ, г. полковникъ, не исполнили бы вы приказанія своего начальства?

Тѣмъ разговоръ, конечно, и кончился.

Наконецъ, среди арестованныхъ я увидѣлъ мальчика лѣтъ 15 не болѣе.

— Ты что же дѣлалъ въ шайкѣ? спросилъ я, небось тоже дрался?

— Нѣтъ, я не дрался, я пану служилъ.

— А гдѣ же твой панъ?

— Убѣгъ, какъ жолнеры (солдаты) пришли.

— Убирайся ты къ своему пану, сказалъ я, и велѣлъ отпустить его на всѣ четыре стороны. Едва очутившись на свободѣ, мальчишка бросился бѣжать, а солдаты, видя эту сцену, при всеобщемъ смѣхѣ начали кричать: „держи его, ату, лови, лови!“

Допрашивать остальныхъ я предоставилъ Блохину, а самъ, давъ отдыхъ, отряду сталъ готовиться къ возвращенію въ Могилевъ.

Между тѣмъ князь Яшвиль совершенно напрасно колесилъ по болотамъ, не встрѣтивъ мятежниковъ. По этому поводу онъ мнѣ писалъ:

„Извѣщаю васъ, Сергѣй Павловичъ, что экспедиція Минская кончена, и если мы не видали Свенторжецкаго, то и онъ насъ не видѣлъ также.

Что же касается Кракузевича, то мы были у него на дворѣ, а онъ у насъ не былъ, вотъ и все.

При этомъ присовокупляю, что былъ у меня Заболоцкій и Русиновъ, выпросили у меня отрядъ Савицкаго и сотню казаковъ и точно послѣ венгерской кампаніи сказали намъ: merci, adieu.

Представьте себѣ, что единственный членъ земской полиціи былъ у меня на другой день послѣ переправы чрезъ Березину, а на другой день онъ пропалъ, и о немъ у меня нѣтъ ни слуха.

Я предпринялъ маршъ въ Лою, прихожу туда и вмѣсто проводниковъ нахожу: эконома, садовниковъ и мызника Слатвинскаго, которые сейчасъ дали знать о нашемъ прибытіи; намъ же показали шишъ.

Я золъ, какъ я не знаю что; теперь въ мѣстечкѣ Березина жду завтра Митавскихъ гусаръ, съ которыми уѣду на Бѣлыничи въ Могилевъ, чего и вамъ желаю“.

Остаюсь приверженнѣйшимъ вашимъ слугою

В. Яшвиль.

14 іюня.

Вскорѣ князь Яшвиль получилъ кавалерійскую дивизію и долженъ былъ уѣхать въ Ковно. Я радостно поздравилъ князя, поблагодарилъ его за наши взаимныя отношенія, пожелалъ ему счастливаго пути и выразилъ надежду, что и я отправлюсь въ Петербургъ.

— И не думайте, батюшка, я васъ не отпущу, поѣдемъ вмѣстѣ въ Ковно. Я буду объ этомъ просить Муравьева.

Сначала я задумался, но потомъ разсудилъ, что надо соглашаться; что мы уже сжились, другъ друга знаемъ, что наши взаимныя отношенія не походили на отношенія подчиненнаго къ

начальнику, а потому гораздо хуже будетъ, если Муравьеву вздумается, вмѣсто Яшвиля, сунуть меня къ незнакомому человѣку.

— Ну, хорошо, князь, я поѣду; только вы отпустите меня на нѣсколько дней въ Петербургъ.

— Хорошо, но изъ Ковна. Прошу васъ въ знакъ дружбы принять мою фотографическую карточку.

Вслѣдъ затѣмъ, князь Яшвиль уѣхалъ, а я пока остался нѣкоторое время въ Могилевѣ.

Но не прошло и трехъ дней, какъ уже получилъ изъ Ковна слѣдующую телеграмму: „прошу Циммермана выслать васъ скорѣй сюда съ Чернолуцкимъ. Желаніе отъѣзда исполнится изъ Ковна. Яшвиль“.

По прибытіи въ Вильну, я 8 іюля получилъ разомъ три бумаги: въ одной говорилось, что я по желанію командующаго войсками долженъ временно оставаться при князѣ Яшвилѣ, другая, что я долженъ явиться къ Муравьеву, а третья, что я долженъ принять подъ свое начальство двѣ казачьи сотни и направиться съ ними въ Вилькомиръ на соединеніе съ княземъ Яшвилемъ.

Прежде всего я явился Муравьеву.

— Я вами очень доволенъ, полковникъ, сказалъ Муравьевъ, князь Яшвиль отзывался о васъ одобрительно, благодарю васъ, онъ просилъ меня оставить васъ при немъ, а потому, отправляясь въ Ковно, вы возьмете подъ свое начальство двѣ сотни казачьяго полка и оставите ихъ въ Вилькомирѣ. Можете отправляться.

Прибывъ въ Ковно и познакомившись съ тамошними дѣлами, я напомнилъ князю о его обѣщаніи отпустить меня въ Петербургъ.

— Ну, поѣзжайте съ Богомъ, но не засиживайтесь тамъ.

Въ іюлѣ я былъ въ Петербургѣ, а 1 августа получилъ уже телеграмму слѣдующаго содержанія: „Выѣзжайте скорѣй, очень нужно, жду нетерпѣливо; здоровы ли вы, пожалуйста, скорѣй назадъ. Яшвиль“.

Между тѣмъ пребываніе въ Петербургѣ для меня имѣло большую важность. Въ это время шелъ вопросъ о сліяніи инспекторскаго департамента съ департаментомъ генеральнаго штаба. При общей сутолокѣ, всегда происходитъ, что les absents ont toujours tort, поэтому мнѣ хотѣлось уяснить свое будущее положеніе, чтобы въ концѣ концовъ не остаться на воздухѣ.

Ввиду опасности остаться въ неопредѣленномъ положеніи и желанія выяснить свое будущее, я письменно обратился къ своему

непосредственному начальству, отъ котораго получилъ слѣдующій отвѣтъ:

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

Военный Министръ, получая со всѣхъ сторонъ самые лестные отзывы о Вашей отличной распорядительности и службѣ, въ особенности же отъ свиты Его Величества генералъ-маіора князя Яшвиля, который съ большою похвалою отзывается о вашихъ трудахъ и дѣятельности, поручилъ мнѣ объявить вамъ, какъ о вышеизложенномъ, такъ и о томъ, что Его Превосходительство оставляетъ Васъ пока въ Виленскомъ военномъ округѣ только въ томъ вниманіи, чтобы доставить Вамъ болѣе случаевъ быть на виду и сдѣлать служебную карьеру, при настоящихъ военныхъ обстоятельствахъ. Но если Вы желаете возвратиться въ Петербургъ, то объ этомъ увѣдомьте меня съ полною откровенностью.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи

Вашъ покорный слуга
Григорій Мещериновъ.

№ 659
9 іюля 1863 г.

Это письмо, конечно, произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе, ибо кромѣ обнадеживанія, что я, при новыхъ условіяхъ, не буду выкинутъ за бортъ, оно говорило мнѣ, что на меня обращено вниманіе просвѣщеннаго военнаго министра.

Но еще опредѣленнѣе было слѣдующее письмо того же Мещеринова.

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

По докладѣ Генералъ-Квартирмейстеру Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества письма Вашего, Его Превосходительство отозвался, что при утвержденіи новыхъ штатовъ Департамента Генеральнаго Штаба Вы получите штатную должность и при назначеніи на оную, немедленно вызваны будете въ Петербургъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности.

Григорій Мещериновъ.

№ 7865
22 августа 1863 г.
С.-Петербургъ.

Теперь я совершенно спокойно могъ оставаться при князѣ Яш-

вилѣ впредь до назначенія начальникомъ штаба 1-ой кавалерійской дивизіи другого лица.

Данныя мнѣ обѣщанія были исполнены въ точности; въ концѣ 1863 года я былъ вызванъ въ Петербургъ и получилъ мѣсто начальника военно-ученаго отдѣленія Главнаго Штаба и Члена Совѣщательнаго Комитета, переименованнаго впослѣдствіи въ военно-ученый.

Въ одинъ изъ вечеровъ князь Яшвиль зашелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Я, Сергѣй Павловичъ, сдѣлалъ представленіе васъ къ наградѣ; думаю, что лучшая награда будетъ чинъ, а теперь вы садитесь и пишите.

— Что же писать?

— Письмо Циммерману.

— О чемъ?

— О вашемъ производствѣ.

— Но какъ же, князь, вы хотите, чтобы я самъ расписывалъ о своихъ заслугахъ. Чѣмъ лучше вы напишете обо мнѣ, тѣмъ для меня пріятнѣе, но самому составлять о себѣ хвалебное и просительное письмо, извините, я не могу. Да и вы, князь, сами перемѣните обо мнѣ мнѣніе, если я на это поддамся. Пишите ужъ вы сами, а что напишете, то я велю перебѣлить. Вотъ и все.

Тогда князь Яшвиль присѣлъ къ столу, на которомъ были разбросаны клочки бумагъ, выбралъ два неполныхъ листика и началъ писать своими особенно оригинальными литерами и своеобразнымъ слогомъ письмо слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь
Аполлонъ Эрнестовичъ.

Я рѣшился прибѣгнуть къ Вашему Превосходительству съ моею всепокорнѣйшею просьбою.

Когда служишь съ человѣкомъ и видишь его безотвѣтнымъ работникомъ и бываешь свидѣтелемъ трудовъ постоянныхъ и убѣждаешься, что безъ его трудовъ и половины бы того не сдѣлалъ, что сдѣлано, то приходишь въ то положеніе, что не знаешь, что бы для него сдѣлать, лишь бы наградить его тѣмъ, именно, что бы дѣйствительно было бы наградою.

Ваше Превосходительство хорошо знаете, что въ наше время почитается дѣйствительно за награду—и потому я Васъ всепокорнѣйше прошу доложить Его Высокопревосходительству, ежели доволенъ былъ дѣйствіями, въ Могилевѣ бывшими, и результатами, тамъ въ непродолжительное время добытыми, то я всепокорнѣйше прошу наградить за все это одного подполковника Зыкова.

Съ начала мая и до сего дня офицеръ этотъ со мною въ трудахъ постоянныхъ, и я смѣю надѣяться, что въ непродолжительномъ времени мы и здѣсь дойдемъ до положенія, за которое заслужимъ спасибо.

Ваше Превосходительство, прошу Васъ убѣдительно или Зыкову дать чинъ или возвратить мнѣ назадъ мое представленіе, дабы мы снова заслужили то, чего просимъ [1]).

Кончивъ это письмо и передавъ его мнѣ, онъ сказалъ:

— Ну, что еще сказать?

Прочитавъ письмо, я поблагодарилъ и сказалъ, что я самъ никогда не написалъ бы лучше.

— Велите переписать; я его завтра же отправлю.

— А вашъ собственноручный черновикъ я оставлю у себя на всякій случай, чтобы не быть гречневой кашей, которая сама себя хвалитъ.

Письмо было отправлено 11 августа, а 19 сентября я получилъ письмо отъ Циммермана слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

Спѣшу увѣдомить Васъ, что вчера командующій войсками подписалъ представленіе Ваше къ золотой шашкѣ, и сегодня оно будетъ отправлено въ Петербургъ. Теперь хлопочите въ Инспекторскомъ Департаментѣ, чтобы скорѣе вышло Вамъ.

Будьте здоровы, желаю Вамъ отъ души всего лучшаго.

Весь Вашъ А. Циммерманъ.

Въ заключеніе о моей совмѣстной съ княземъ Яшвилемъ дѣятельности я не могу удержаться, чтобы не привести тотъ приказъ по 1-ой кавалерійской дивизіи, которымъ почтилъ меня князь.

ПРИКАЗЪ.

1-ой кавалерійской дивизіи,
гор. Ковна. Сентября 1863 года.

Исправляющему должность начальника моего штаба Генеральнаго штаба подполковнику Зыкову, оставляющему нынѣ здѣшнія войска, свидѣтельствую мою полную душевную и сердечную благодарность. Съ начала мая мѣсяца дѣйствуя по укрощенію мятежа

[1]) Оригинальное письмо это находится у меня.

въ Могилевской губерніи, подполковникъ Зыковъ неутомимою дѣятельностью по управленію войсками и обширнымъ краемъ былъ моимъ единственнымъ помощникомъ.

Освѣщаясь его прозорливостью, я могу смѣло сказать, что если успѣхи наши были быстры и прочны, то этимъ я обязанъ усердію и способностямъ подполковника Зыкова.

Отряды, дѣйствовавшіе противъ шаекъ въ Минской губерніи, были ведены имъ съ энергіею, а настойчивое преслѣдованіе разбитыхъ шаекъ привело къ тому результату, что шайки были разсѣяны, а предводители ихъ переловлены и представлены начальству Минской губерніи.

Здѣсь въ Ковно подполковникъ Зыковъ въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ занимался управленіемъ военнаго отдѣла съ тою же дѣятельностью, съ тѣмъ же безграничнымъ усердіемъ. Своимъ трудолюбіемъ и своимъ прямодушіемъ заслужилъ здѣсь общее уваженіе.

Благодарю его еще разъ какъ начальникъ, прощаюсь съ нимъ какъ съ другомъ, и какъ начальникъ свидѣтельствую ему мою признательность за его службу со мною, какъ товарища и друга моего благодарю его за жизнь со мною.

Командующій дивизіей Свиты Его Величества генералъ

князь Яшвиль.

Въ довершеніе всего мнѣ предложено было сдѣлаться могилевскимъ помѣщикомъ, пріобрѣтя на крайне льготныхъ условіяхъ одинъ изъ казенныхъ участковъ. Не имѣя никакихъ познаній въ сельскомъ хозяйствѣ и не будучи въ состояніи отличить рожь отъ ячменя или овса, я съ благодарностью благоразумно отказался; бывшій же у меня въ штабѣ поручикъ Бухманъ воспользовался этимъ правомъ.

До 1-го января 1863 года газета „Русскій Инвалидъ" находилась въ арендномъ содержаніи у полковника генеральнаго штаба Н. Г. Писаревскаго. Какія были условія при заключеніи контракта, и что послужило причиною его нарушенія, мнѣ неизвѣстно, какъ неизвѣстно и то, какой убытокъ понесло военное министерство при расторженіи контракта.

19-го ноября 1862 года циркуляромъ инспекторскаго департамента было объявлено, что съ 1-го января 1863 года изданіе газеты въ хозяйственномъ отношеніи переходитъ въ завѣдываніе военнаго министерства. Далѣе было сказано, что „Русскій Инвалидъ" составляетъ оффиціальный органъ военнаго министерства только по своей

оффиціальной части; по всѣмъ же прочимъ отдѣламъ, которые войдутъ въ составъ газеты, согласно новой объявленной для нея программѣ, изданію предоставлена самостоятельность съ отвѣтственностью за статьи, помѣщаемыя въ неоффиціальной части, самихъ редакторовъ; но при этомъ отъ надзора общей цензуры газета будетъ уже освобождена.

Первыми редакторами были: генеральнаго штаба полковникъ Романовскій и профессоръ университета А. Н. Бекетовъ. Послѣдній впрочемъ оставался очень недолго. Съ удаленіемъ его мнѣ пришлось быть ближайшимъ сотрудникомъ Д. И. Романовскаго, что продолжалось до 1865 года, когда я самъ сдѣлался редакторомъ.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ я имѣлъ возможность близко узнать Д. А. Милютина. Бывая часто у него со статьями своими или чужими, требовавшими предварительнаго доклада, я имѣлъ возможность замѣтить его взглядъ на тотъ или другой общественный или политическій фактъ, что давало мнѣ возможность оріентироваться въ направленіи газеты.

Въ новой редакціи газеты постоянными сотрудниками были слѣдующія лица: Андрей Николаевичъ Бекетовъ, Артуръ Богдановичъ Бушенъ, Викторъ Петровичъ Буренинъ, Александръ Өедоровичъ Гильфердингъ, Андрей Парфенычъ Заболоцкій, Михаилъ Іосифовичъ Кояловичъ, Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ, князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій, Владиміръ Ивановичъ Ламанскій, Н. А. Милютинъ, Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ и Евгеній Михайловичъ Өеоктистовъ. Кромѣ того, редакція озаботилась привлеченіемъ къ изданію заграничныхъ корреспондентовъ, въ Германіи, въ Австріи, Италіи и въ Парижѣ, въ числѣ коихъ были: баронъ Торнау, Калошинъ и Боборыкинъ.

Механизмъ редакціонной работы состоялъ въ томъ, что передовая статья, трактующая внѣшнюю политику, обязательно должна была быть прочитанной министру, для чего я ежедневно вечеромъ къ нему и ѣздилъ. Вѣроятно, Дмитрій Алексѣевичъ опасался, что какая-нибудь неосторожность со стороны редакціи подастъ поводъ для претензій со стороны князя Горчакова. Поэтому передовыя статьи по иностранной политикѣ были жиже воды и во все время моего редакторства ни одной поправки, сдѣланной министромъ, я не помню.

Что касается до внутренней политики, то здѣсь редактору была дана извѣстная свобода, при чемъ, однако, весьма часто собственное благоразуміе редактора останавливало его и заставляло обращаться за санкціею къ министру. Такимъ образомъ, нельзя сказать, что министръ постоянно инспирировалъ редакцію; напротивъ,

редакція, слѣдя за общественными явленіями и событіями, смотря по важности, докладывала о нѣкоторыхъ изъ нихъ министру и, смотря по обстоятельствамъ, отзывалась о нихъ въ газетѣ.

Какъ ни ничтожны были передовыя статьи объ иностранной политикѣ въ газетѣ, тѣмъ не менѣе одна изъ нихъ надѣлала большого шума въ нашемъ муравейникѣ. При одномъ изъ вечернихъ докладовъ министръ спросилъ меня:

— Скажите, Сергѣй Павловичъ, что у насъ было въ „Инвалидѣ" о баронѣ Брунновѣ, я что-то совсѣмъ не помню.

— Я хорошо помню, что фамилія барона не фигурировала въ газетѣ.

— Справьтесь и скажите мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Слушаю, а что же случилось?

— Государь мнѣ сегодня сказалъ, что ему жаловался баронъ на то, что Инвалидъ ведетъ свою политику и мѣшаетъ ему.

Какъ ни смѣшны мнѣ были слова барона Бруннова, придававшаго такую важность газетѣ съ жидкими статьями политическаго содержанія, тѣмъ не менѣе, однако, я былъ встревоженъ и отвѣчалъ:

— Слушаю, завтра же перерою газету за цѣлый мѣсяцъ и доложу о результатѣ.

И вотъ, на другой день дѣйствительно вся редакція начала перечитывать всѣ передовыя статьи и ничего не нашла подобнаго тому, о чемъ говорилъ мнѣ министръ.

Впослѣдствіи это объяснилось, и какъ кажется справедливо, слѣдующимъ образомъ. Писавшій передовыя статьи, получавшій иногда свѣдѣнія изъ министерства иностранныхъ дѣлъ былъ хорошъ съ двумя сателлитами князя Горчакова, Катакази и Гамбургеромъ, которые, вѣроятно въ угоду князю Горчакову, и подсунули фразу, смыслъ которой долженъ былъ понять никто другой, какъ только баронъ Брунновъ и князь Горчаковъ.

Въ дальнѣйшемъ, впрочемъ, вскорѣ все это было забыто.

Съ преобразованіемъ „Русскаго Инвалида" совершенно измѣнилась его роль. Бывъ прежде исключительно военнымъ органомъ, онъ теперь дѣлался серьезною политическою газетою, съ которою за короткое время ея существованія приходилось считаться не только русской прессѣ, но и заграничнымъ органамъ печати. Въ особенности роль „Инвалида" за границею возрасла съ 1864 года, когда при газетѣ сталъ издаваться на трехъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ литографированный листокъ „Correspondanse Russe", о чемъ будетъ сказано ниже.

Газета, дотолѣ печатавшая приказы да обрывки изъ „Journal de

S.-Pétersbourg“, вдругъ, благодаря своимъ даровитымъ сотрудникамъ, заговорила смѣлымъ и неподкупнымъ языкомъ о внутренней политикѣ, о торговлѣ и промышленности, о желѣзныхъ дорогахъ, о литературѣ. Русское общество скоро замѣтило направленіе безпристрастной газеты, и уже въ 1864 году я получилъ изъ Харькова слѣдующую телеграмму:

„Харьковское общество всѣхъ сословій, въ числѣ 360 человѣкъ: дворянъ, купцовъ, ученыхъ, военныхъ, мѣщанъ, цеховыхъ и крестьянъ на торжественномъ обѣдѣ, данномъ по поводу судебной реформы, шлетъ вамъ благодарность свою за поддержаніе вашею газетою мысли о проведеніи велико-торгово-промышленной южной желѣзной дороги изъ Москвы, черезъ Харьковъ, къ Черному морю.

Г. Данилевскій.
Н. Нельговскій.
Городской голова Скрыпниковъ“.

Выше уже упоминалось о Земскомъ собраніи въ Петербургѣ, въ томъ же году состоялось и дворянское собраніе. О предстоящемъ собраніи говорили уже заранѣе, при чемъ вмѣстѣ съ собраніемъ упоминалось и имя царскосельскаго предводителя г. Платонова. Всѣ чего-то ждали отъ него и говорили о какой-то его запискѣ, которая будетъ имъ прочитана.

Собраніе было открыто необыкновенно торжественно. Болѣе двухсотъ человѣкъ дворянъ, засѣдавшихъ въ собраніи въ своихъ разнообразныхъ блестящихъ мундирахъ съ разнообразными физіономіями, составляли блестящую живописную картину. Сѣдовласые генералы, увѣшанные орденами, рядомъ съ юными корнетами и прапорщиками въ блестящихъ гусарскихъ доломанахъ и простыхъ армейскихъ мундирахъ, скромные дворянскіе мундиры подлѣ золотыхъ камергергскихъ и камеръ-юнкерскихъ, и все это освѣщалось яркимъ солнцемъ.

Въ первую недѣлю засѣданій публика на хорахъ была весьма не многочисленна, едва первыя скамейки одной стороны были заняты. Но съ каждымъ днемъ число любопытныхъ возрастало, и подъ конецъ засѣданій не только всѣ скамейки со всѣхъ сторонъ были заняты, но трудно было найти мѣстечко, чтобы видѣть и слышать, что дѣлается и говорится въ залѣ. Особенно много было дамъ, принадлежавшихъ, повидимому, къ высшему кругу потому, что только слышалась отъ нихъ бойкая французская рѣчь, такъ что можно было забыть, что находишься въ русскомъ собраніи, а не во французской палатѣ. Надо впрочемъ отдать справедливость многимъ изъ нашихъ дамъ, что, несмотря на свой чисто парижскій діалектъ,

онѣ сильно интересовались происходившими преніями о чисто русскихъ жизненныхъ вопросахъ и внимательно по цѣлымъ часамъ прислушивались къ нимъ.

16 марта, наконецъ, читалась записка г. Платонова. Въ этотъ день публика была особенно многочисленна. Тутъ были и чиновники, и военные, и профессора, и помѣщики, а дамъ было еще больше, и еще громче раздавались французскія фразы. Во время же чтенія столь давно и столь многими ожидаемой записки царствовала мертвая тишина. „Великое народное событіе—уничтоженіе крѣпостного права—поставило какъ сословіе дворянъ, такъ и другія сословія въ новыя отношенія, требующія совершеннаго возрожденія нашего земскаго быта и упроченія за нимъ самостоятельнаго управленія“. Такъ началъ чтеніе г. Платоновъ.

Исходя изъ такой точки зрѣнія, онъ говорилъ, что при разноправности сословій можно было помѣщикамъ довольствоваться коекакими прежними порядками, ибо, и не участвуя въ земскихъ дѣлахъ, они были обезпечены въ своихъ интересахъ и безъ хлопотъ получали опредѣленные доходы съ имѣній. Оттого дворянство, отдѣлясь отъ остального земства, болѣе и болѣе примыкало къ бюрократіи, и выборное начало, подавляемое администраціею, было безплодно. Теперь не то, самые интересы помѣщиковъ требуютъ соединенія сословій и общаго участія въ дѣлахъ земства; вмѣсто крѣпостного права, является потребность въ равноправности для охраненія личности и собственности каждаго отъ произвола; является настоятельная нужда въ томъ, чтобы лучшіе избранные люди, русской земли, принимали бы участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

Такова была безупречная, повидимому, тема, развитая г. Платоновымъ; но для болѣе ясной оцѣнки всего содержанія ея во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, оказывалось нѣсколько, такъ сказать, исключительно дворянскихъ тенденцій, о чемъ тотчасъ же и заявилъ свое мнѣніе „Русскій Инвалидъ“.

Мнѣніе это газета изложила въ слѣдующей заключительной о собраніи статьѣ:

„Лѣтопись наша окончена. Намъ остается сказать только нѣсколько словъ о духѣ и результатахъ труда почтеннаго собранія. Еще въ первой статьѣ своей мы откровенно высказали, что дворянство можетъ и желаетъ принять дѣятельное участіе въ обсужденіи отечественныхъ вопросовъ и въ содѣйствіи правительству къ усиленному ихъ рѣшенію. Мы и теперь остаемся при томъ же мнѣніи. Что же касается до безпристрастія въ рѣшеніи вопросовъ, то мы, къ сожалѣнію, въ немъ сомнѣваемся. Много разсуждали въ собраніи о равенствѣ всѣхъ сословій передъ закономъ, о равноправ-

ности; но въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ ясно обнаружились сословные предразсудки, которыми проникнуто большинство; ясно высказались сословныя стремленія къ защитѣ во что бы то ни стало дворянскихъ привилегій. И это впрочемъ понятно и естественно: вѣковыя привычки и стремленія не могутъ потерять своей силы въ нѣсколько лѣтъ. Такъ было въ исторіи почти всѣхъ европейскихъ дворянствъ, начиная съ римскихъ патриціевъ до нѣмецкаго юнкерства и англійской аристократіи; медленно, шагъ за шагомъ, уступали они свои привилегіи и только послѣ болѣе или менѣе упорной и продолжительной борьбы равнялись передъ законами съ другими сословіями. Такъ будетъ и у насъ, хотя, къ счастію, борьба съ нашимъ слабымъ искусственнымъ аристократизмомъ не можетъ быть ни упорна, ни продолжительна. Насъ обвиняютъ въ демократизмѣ напрасно: мы не противъ дворянства доступнаго всѣмъ сословіямъ, какъ наше, и можетъ быть, какъ элементъ, выработанный нашей исторіей, оно необходимо для дальнѣйшаго развитія нашего общества;—не даромъ же оно болѣе двухъ вѣковъ питалось трудомъ народа, выростало на его согнутой спинѣ. Но, развиваясь и преуспѣвая, пусть же дворянство не мѣшаетъ общему развитію и преуспѣванію, присвоивая себѣ права на предсѣдательство въ земскихъ собраніяхъ, право на непосредственное ходатайство передъ верховной властью и т. п. Ревниво оберегая и защищая эти устарѣлыя привилегіи, оно подражаетъ отсталымъ нѣмецкимъ феодаламъ, а не либеральнымъ англійскимъ джентльменамъ, и само произноситъ надъ собою приговоръ. Дворянскія тенденціи проглядываютъ даже въ лучшихъ людяхъ, даже, повидимому, въ безкорыстныхъ предложеніяхъ. За примѣромъ ходить не далеко. Записка г. Платонова, которую мы частью изложили, и которой во многомъ сочувствуемъ, начинается и кончается дворянскими выгодами; хотя въ ней безпрестанно повторяется мысль объ уравненіи и соединеніи всѣхъ сословій. При крѣпостномъ правѣ намъ было выгодно,—мы молчали, теперь не то, и мы заговорили. Къ счастью русскаго народа, правительство наше гораздо либеральнѣе дворянства".

Такая оцѣнка проекта г. Платонова подняла на ноги всѣхъ тѣхъ, которые никакъ не могли помириться съ уничтоженіемъ крѣпостного права. Главнымъ органомъ крѣпостнической партіи была въ это время газета „Вѣсть", издававшаяся г. Скарятинымъ и Юматовымъ. Она съ пѣною у рта обрушилась на „Русскій Инвалидъ", обвиняя его въ радикализмѣ и подчеркивая все, что только могло возбудить вниманіе начальствующихъ лицъ; она это дѣлала тѣмъ запальчивѣе, что за ея спиною стояли покровители, занимавшіе властные посты въ лицѣ Валуева, Тимашева, Потапова и др.

Съ этой минуты рѣдкій номеръ газеты „Вѣсть“ появлялся безъ самыхъ желчныхъ нападокъ на „Инвалидъ“ и на редакцію. Болѣе всего возмущалась она тѣмъ, что не могла прямо назвать по имени того истинно государственнаго человѣка, который, сочувствуя благимъ начинаніямъ Александра II, до конца своего служебнаго поприща стоялъ за государственные интересы Россіи, тогда какъ редакція „Вѣсть“ съ яростью стояла за крѣпостничество, за баронскія притязанія остзейцевъ, за безумныя мечты польскихъ магнатовъ.

Она въ этомъ случаѣ по русской поговоркѣ била „не по коню, такъ по оглоблямъ“.

А могла ли редакція „Инвалида“ равнодушно относиться къ затѣямъ тѣхъ администраторовъ, которые, безъ зазрѣнія совѣсти, продавали самые дорогіе интересы Россіи, служа ей вѣроломно. Въ потаповское время управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ редакція получала массу писемъ, въ которыхъ шагъ за шагомъ описывались всѣ коварныя дѣйствія тамошней администраціи, клонившіяся постоянно къ тому, чтобы выжить оттуда русскихъ людей и замѣнить ихъ поляками, или такими русскими, для которыхъ государственные интересы ничего не стоили.

Я приведу здѣсь одно изъ сохранившихся у меня писемъ слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь.

„Съ марта мѣсяца въ нашемъ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ Вамъ вѣроятно уже отчасти извѣстно, происходятъ новые порядки, или иначе говоря, для обрусенія края приспособляется программа „Новаго Времени“ [1]); газеты „Вѣсть“ и „Новое Время“ постоянно проповѣдывали, что здѣшніе крестьяне надѣлены русскими мировыми посредниками бо̀льшимъ количествомъ земли, чѣмъ бы слѣдовало, хотя это совершенно несправедливо. Значитъ, по понятію этихъ газетъ для возстановленія законности, порядка, правосудія, правъ собственности и даже самаго спокойствія слѣдуетъ перепровѣрить дѣйствія повѣрочныхъ комиссій. Но, такъ какъ для этой цѣли не годятся, конечно, прежніе мировые посредники, то генералъ-губернаторъ Потаповъ въ первые же два мѣсяца своего управленія краемъ уже успѣлъ смѣнить болѣе сорока человѣкъ посредниковъ, при чемъ нѣкоторымъ изъ нихъ было предписано даже немедленно и вовсе оставить край. Прежніе губернаторы, утверждавшіе дѣйствія повѣрочныхъ комиссій, а равно и другіе начальники отдѣльныхъ частей также не были пригодны для этой цѣли, а потому почти всѣ поголовно и были смѣнены.

[1]) Говорится о газетѣ, которая издавалась въ то время Киркоромъ.

Слѣдовало, затѣмъ, уничтожить самую гласность, чтобы никто отсюда не смѣлъ писать, что творится, въ видахъ правосудія, однимъ словомъ, чтобы насталъ прежній мракъ для Россіи по дѣламъ здѣшняго края. Для этого редактору „Новаго Времени" Киркору, какъ распространяющему ложь о здѣшнихъ дѣлахъ, вопреки рѣшенія Государственнаго Совѣта было выдано Потаповымъ 4.000 руб., а корреспондентовъ „Голоса" и „Московскихъ Вѣдомостей" рѣшено выгнать со службы и даже выслать изъ края. Такъ г. Антропову, который писалъ въ защиту Главацкаго и который объявилъ Потапову, что дѣйствительно онъ писалъ предъявленную ему статью въ „Голосъ", было приказано подать въ отставку. Ксендзъ Ковловскій, принявшій православіе, былъ лишенъ прихода, жалованья и, писавшій статьи о принадлежности Остробрамской иконы православнымъ, долженъ былъ прекратить свои изысканія, такъ какъ Потаповъ прямо объявилъ ему, что ежели онъ будетъ продолжать писать, то онъ его сошлетъ въ Вятку. Мнѣ тоже лично объявлено, что вышлетъ изъ края. Затѣмъ послѣдовательно одно за другимъ, отмѣнены всѣ прежнія Муравьевскія распоряженія. Въ то же время польскимъ литографіямъ и типографіямъ возвращали залоги, полякамъ дозволили имѣть ружья, брать порохъ изъ казенныхъ складовъ...

Городскимъ головою въ Вильнѣ Потаповъ назначаетъ графа Тышкевича, а между тѣмъ поляки не зѣваютъ и, кажется, задумываютъ опять устроить свое собственное сѣверо-западное войско. По крайней мѣрѣ въ казармахъ, занимаемыхъ Троицкимъ полкомъ, нашли прокламаціи, зазывающія офицеровъ и солдатъ въ польскія войска, гдѣ имъ будетъ лучше, и гдѣ имъ будутъ платить жалованья больше.

Такимъ образомъ, достаточно и этихъ нѣсколькихъ строкъ, чтобы хотя отчасти понять печальное положеніе здѣшнихъ русскихъ въ настоящее время, тѣхъ русскихъ, которые служатъ здѣсь Государю и Отечеству, перенося всѣ тяжести жизни, всѣ оскорбленія съ истино рыцарскимъ самопожертвованіемъ".

Понятно, что письмо это не могло быть помѣщено въ газетѣ, но оно было мною прочитано военному министру. Точно также я доложилъ ему и не менѣе характерное письмо слѣдующаго содержанія.

Милостивый Государь.

„Дней десять тому назадъ, на возвратномъ пути изъ своего заграничнаго путешествія, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Вильну редакторъ „Вѣсти" г. Скарятинъ. Разговоры его при посѣщеніи нѣкоторыхъ лицъ, здѣсь живущихъ, оказались весьма занимательными, а потому я рѣшился сообщить ихъ Вамъ. Кромѣ Г. и Р. онъ

былъ въ комиссіи по церковнымъ дѣламъ, которой завѣдуетъ г. Никитинъ, также онъ былъ въ комиссіи, гдѣ предсѣдательствуетъ Главацкій. Главацкому онъ доказывалъ между прочимъ, что самый надежный оплотъ Россіи остается только въ аристократіи; все остальное гниль, угрожающая государству анархіей. Къ числу аристократовъ, составляющихъ оплотъ Россіи, кромѣ Валуева, Шувалова, Суворова, Потапова, онъ представляетъ конечно и себя.

Съ Г. онъ былъ еще откровеннѣе. Онъ говорилъ ему, что съ возвращеніемъ Государя изъ-за границы въ Варшавѣ рѣшится окончательно вопросъ о либерально-гуманной политикѣ Россіи относительно внутреннихъ ея вопросовъ, и навсегда покончится счетъ съ старорусскою партіей, т. е. съ военнымъ министромъ и его безобразною партіей. Цинизмъ его откровенія дошелъ наконецъ до того, что онъ прямо увѣрялъ, что у нихъ, у этихъ защитниковъ польскихъ и нѣмецкихъ интересовъ въ Россіи, есть вѣрное средство всегда остановить Государя отъ исполненія совѣтовъ этой безобразной партіи: стоитъ только напомнить о Каракозовѣ. Вотъ какими средствами эти гуманисты дѣйствуютъ на великодушнаго монарха, такъ доселѣ славно ведущаго по мирному пути прогресса. Вотъ такихъ людей слѣдуетъ высылать изъ края, а между тѣмъ теперь они у насъ пользуются почетомъ: даже Киркоръ обѣдалъ у Потапова, а губернаторъ Шестаковъ поспѣшилъ отдать ему визитъ. Сегодня опять ждутъ сюда Скарятина, который, кажется, хочетъ вмѣстѣ съ Потаповымъ отправиться въ Варшаву, гдѣ будетъ Совѣтъ Министровъ.

О подвигахъ настоящаго нашего генералъ-губернатора Вы уже достаточно, конечно, знаете изъ газетъ. Выславъ изъ края самыхъ лучшихъ мировыхъ посредниковъ болѣе ненавистныхъ полякамъ, выславъ всѣхъ корреспондентовъ газетъ, съ патріотическимъ направленіемъ,—корреспонденты „Вѣсти“ и „Новаго Времени“ въ особенномъ почетѣ,—Потаповъ взялся выслать и русскихъ священниковъ. Участь Смарагда, сказавшаго проповѣдь 14-го апрѣля, Вамъ конечно извѣстна. Теперь Потаповъ написалъ епископу Александру, назначенному въ Минскъ, предложивъ немедленно удалить отъ должности пять священниковъ его новой епархіи; въ случаѣ же, если онъ замедлитъ исполненіемъ этого его распоряженія, то, на основаніи военнаго положенія, онъ ихъ вовсе вышлетъ изъ края. Добавлять къ подобнымъ фактамъ, кажется, нечего“.

А вотъ свѣдѣнія о происходившемъ въ то же время въ юго-западномъ краѣ.

Милостивый Государь.

„Нѣтъ сомнѣнія, что, читая въ „Кіевлянинѣ“ описаніе первой поѣздки генерала-губернатора Безака по Кіевской губерніи для ревизіи, Вы, ежели не имѣли частныхъ свѣдѣній болѣе вѣрныхъ, то повѣрили благотворному вліянію этого путешествія для поднятія вообще русскаго духа въ этомъ краѣ; но Вы, можетъ быть, не знаете, что „Кіевлянинъ“ получаетъ отъ мѣстнаго начальства субсидію, что онъ помѣщаетъ то, что ему сообщено отъ оффиціальныхъ корреспондентовъ восторженниковъ по заказу, а не то, что въ сущности происходитъ. Но на все есть предѣлъ, и въ „Кіевлянинѣ“ на столько, кажется, хватило совѣсти, чтобы не восхвалять дальнѣйшихъ поступковъ г. Безака, представляя ихъ въ розовомъ цвѣтѣ, потому что это было бы просто измѣною всѣмъ роднымъ интересамъ, вводя такимъ образомъ русское общество въ заблужденіе на счетъ дѣйствительности происходящаго. Мы уже не говоримъ о дѣйствіяхъ Анненкова, коего поступки и побужденія болѣе всего зависѣли отъ всякой встрѣчной польской юбки; его карьера къ нашему общему благополучію кончена, но видно этому юго-западному краю уже такъ на роду написано подвергаться испытаніямъ одно другого хуже. За Анненковымъ слѣдуетъ Безакъ, вотъ о его подвигахъ мы и намѣрены Вамъ повѣдать, изложивъ путешествіе его по Волынской губерніи. Утромъ 12-го августа его высокопревосходительство изволили выѣхать изъ Кіева и на 65 верстѣ, и на станціи Ставища, вкусно обѣдать у поляка князя Гедройца, представившагося ему въ мундирѣ папскихъ войскъ. Далѣе продолжая путешествіе, онъ не ночевалъ съ 13 на 14, какъ предполагалось по печатному маршруту въ г. Овручѣ, гдѣ ждалъ его волынскій губернаторъ, два дня, не доѣзжая до него одну станцію. Прибывъ въ Овручъ, онъ отказался отъ обѣда, приготовленнаго ему губернаторомъ, вѣроятно желая высказать ему личное неудовольствіе, до котораго намъ, конечно, нѣтъ никакого дѣла и которое предъ поляками выказывать уже никакъ не слѣдуетъ. Далѣе, онъ отправился въ городъ Заславль; здѣсь также, какъ и въ Овручѣ и вообще вездѣ, посмотрѣлъ на стѣны присутственныхъ мѣстъ,—онѣ всѣ были выбѣлены—и отправился въ Острогъ на обѣдъ къ ясновельможному пану князю Яблоновскому. Надо Вамъ знать, что князь Яблоновскій въ 1863 году угощалъ обѣдами также и повстанцевъ въ своихъ деревняхъ: Плужномъ и Мякотахъ, за что экономы этихъ деревень, сильныя орудія его воли, сидятъ въ тюрьмѣ, а онъ, какъ и всегда бываетъ съ богатыми панами, на свободѣ. Объ этомъ зналъ предварительно и оффиціально и г. Безакъ; поэтому можно и даже должно было

ожидать, какъ и ожидали, совершенно другого результата относительно князя Яблоновскаго и другихъ вѣдомыхъ всѣмъ инсургентовъ: г.г. Іодки, графа Иллинскаго, въ обществѣ которыхъ онъ обѣдалъ. Затѣмъ, послѣ обѣда онъ отправился въ м. Межиричи, и тутъ-то произошла сцена съ мужиками совсѣмъ въ другомъ вкусѣ, чѣмъ за обѣдомъ съ милыми поляками. Мужики эти уклоняются отъ взыска оброка; слѣдовательно, не слушаются. До начала, когда имъ была объявлена свобода, въ 1861 году, ихъ торопили съ грамотами: кто послушается, говорили, тотъ скорѣе будетъ собственникомъ. Нѣкоторые дѣйствительно послушались: паны получили выкупную сумму, и послушные мужики выплачиваютъ теперь почти двойную сумму противъ тѣхъ, кои не послушались, такъ какъ теперь идетъ новая переоцѣнка земли и повѣрка грамотъ русскими мировыми посредниками. Но пока идетъ эта повѣрка, съ нихъ требуютъ взноса оброка по первоначальной оцѣнкѣ. Естественно, что мужики ждутъ переоцѣнки, чрезъ что и самый оброкъ уменьшится почти вдвое, и хотя ихъ увѣряютъ, что лишнее количество денегъ, теперь ими вносимое панамъ, будетъ зачтено на будущее время, но они не довѣряютъ, видя примѣръ на своихъ послушныхъ сосѣдяхъ, поторопившихся выкупомъ земель и вносящихъ за свое послушаніе двойную цѣну, за землю, такъ какъ помѣщики уже получили слѣдующую имъ сумму и возвратить отданнаго нельзя. И вотъ Безакъ вмѣсто того, чтобы войти по-христіански и по-русски въ положеніе этого несчастнаго люда, столько разъ сбитаго съ толку, этими безконечными варіаціями крестьянскаго вопроса и по милости измѣнниковъ пановъ, поставившихъ крестьянъ въ двухсмысленное положеніе къ правительству, бросается сначала на одного мужика, хватаетъ его за волосы, другихъ ругаетъ самыми площадными словами, на утѣшеніе поляковъ, бабъ ставитъ на колѣни и восемь человѣкъ отправляетъ въ Кіевскую крѣпость. . . . .

. . . .

. . . .

Далѣе, въ г. Дубно, онъ опять обѣдалъ у князя Любомірскаго. Такимъ образомъ его путешествіе есть собственно путешествіе по польскимъ обѣдамъ пановъ, отъ которыхъ даже мы грѣшные отказываемся, зная очень хорошо, что эти обѣды не что иное, какъ желаніе показать передъ народомъ свою дружбу съ высшими властями, поставить въ тупикъ и насмѣяться надъ тѣмъ же народомъ, который недавно этихъ бунтовщиковъ вязалъ, а теперь ихъ же самихъ дерутъ и сажаютъ въ крѣпость.

Въ Житомірскомъ уѣздѣ крестьянину, подавшему жалобу на помѣщицу графиню Грохольскую, не дающую крестьянину слѣдую-

щей ему земли, оставилъ безъ вниманія и отвѣчалъ на нее угрозами. Только болѣе добросовѣстный составъ мирового съѣзда, къ которому обратился мужикъ, удовлетворилъ его просьбу, такъ какъ она имѣла вполнѣ законное основаніе. Теперь члены этого мирового съѣзда ждутъ, не выругаетъ ли ихъ Безакъ за самоуправство.

Но довольно печальныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что г. Базакъ такъ смѣло и открыто идетъ на перекоръ всѣмъ ожиданіямъ и національнымъ интересамъ, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ.

Грустно на душѣ. Неужели въ Россіи нѣтъ больше людей кромѣ Муравьева, готовыхъ посвятить себя всецѣло интересамъ и служенію своей родинѣ въ это трудное для нея переходное время. Мнѣ кажется, нужно только оставить въ покоѣ всѣ эти испорченныя съ корнемъ развалины прошлаго столѣтія и поискать людей болѣе свѣжихъ и болѣе проникнутыхъ своимъ долгомъ передъ обществомъ или уже по крайней мѣрѣ честныхъ, хотя бы въ частномъ значеніи этого слова.

. . . .

. . . .

Да, земля наша велика и обильна . . . . всякими мерзостями и поляками, и нѣмцами и евреями, только русскихъ въ ней еще до сихъ поръ почти не видно“.

Здѣсь кстати припомнить одинъ интересный случай по поводу доклада моего министру полученнаго мною письма. Въ одинъ прекрасный день или вечеръ въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ явилась блестящая мысль о безполезности ружейныхъ заводовъ въ казенныхъ рукахъ и о необыкновенной выгодѣ имѣть ихъ въ частныхъ рукахъ. Я ничего не могу сказать о томъ, какъ это совершилось, и на какихъ основаніяхъ, потому что мнѣ это вовсе неизвѣстно; знаю только, что всѣ ружейные заводы очутились въ частныхъ рукахъ начальниковъ этихъ заводовъ, въ скоромъ времени пріобрѣтшихъ огромные капиталы, движимые и недвижимые.

Съ теченіемъ времени въ редакцію начали появляться письма объ этихъ заводахъ. Однажды я съ такимъ письмомъ былъ вечеромъ у министра и уже почти кончилъ читать, какъ фельдъегерь, войдя въ кабинетъ, провозгласилъ: генералъ Баранцевъ.

Полагая, что мнѣ придется ожидать окончанія доклада Баранцева, я взялся за портфель, думая выйти изъ кабинета, но былъ удержанъ министромъ.

— Нѣтъ, погодите, сказалъ онъ, это очень кстати.

Вслѣдъ затѣмъ вошелъ и Баранцевъ.

— Вотъ послушайте, Александръ Алексѣевичъ, какое письмо получилъ Сергѣй Павловичъ по поводу нашихъ ружейныхъ заводовъ.

— Нѣтъ, ужъ увольте меня, Дмитрій Алексѣевичъ; я не могу вѣрить всякому пасквилю, горячо возразилъ Баранцевъ.

— Да я и не вѣрю; но не лучше ли было бы, если опровергнуть это фактами, посредствомъ печати и разъ навсегда положить этому конецъ.

— Да развѣ можно имѣть дѣло съ нашими газетчиками; съ ними безъ перчатокъ и говорить-то нельзя.

— Обстоятельное опроверженіе заставило бы замолчать печать, тѣмъ бы дѣло и кончилось.

— Не могу я, Дмитрій Алексѣевичъ, вступать въ полемику со всякимъ сбродомъ.

— Ну какъ знаете, отвѣтилъ министръ и, обратясь ко мнѣ, спросилъ: Вы кончили?

Такъ какъ большая часть письма была уже прочитана, то я отвѣчалъ, что кончилъ, и уѣхалъ домой. Что происходило между А. А. Баранцевымъ и министромъ, я не знаю, но убѣжденъ, что разговоръ на заданную письмомъ тему продолжался.

Неизвѣстно, выгодно ли было казнѣ отъ этихъ арендъ, но арендаторовъ эта система обогатила, и они пріобрѣли большіе капиталы.

Все кратковременное свое существованіе въ видѣ политической газеты „Русскій Инвалидъ" провелъ въ полемикѣ съ газетою „Вѣсть" по поводу ея стремленій создать крупное дворянство съ замаскированнымъ видомъ крѣпостничества, съ петербургскою нѣмецкою прессою, стоявшею за устарѣлые феодальные порядки, царившіе въ Остзейскомъ краѣ, и не желавшею примириться съ русскими учрежденіями, клонившимися къ улучшенію быта батраковъ, находившихся подъ тяжелою опекою мѣстныхъ бароновъ, наконецъ, въ борьбѣ съ польскимъ возстаніемъ.

Полемика съ газетою „Вѣсть" приняла одно время такой ожесточенный характеръ, что самъ Валуевъ однажны обратился къ Дмитрію Алексѣевичу съ вопросомъ, не находитъ ли онъ своевременнымъ, чтобы приняты были мѣры для обузданія газеты Скарятина, на что военный министръ отвѣчалъ, что онъ съ своей стороны не считаетъ это нужнымъ. Можно подумать, что это былъ со стороны Валуева неудачный подвохъ.

Особенно раздражительно на „Вѣсть" подѣйствовала одна редакціонная статья, въ которой говорилось:

„При всякой важной реформѣ, какъ бы благодѣтельна и велика она ни была, всегда найдутся люди, которые не сумѣютъ ее оцѣнить по достоинству. Таковъ уже общій удѣлъ всякаго человѣческаго дѣянія. Говорить противъ этихъ людей, если они не въ состояніи обнять реформы, совершенно напрасно; но нельзя не возра-

жать имъ, если они, вслѣдствіе нежеланія понять, преднамѣренно представляютъ эту реформу совершенно въ превратномъ видѣ, придаютъ ей совершенно не тотъ смыслъ, какой имѣлъ въ виду законодатель, уменьшаютъ ея цѣну и значеніе и непремѣнно хотятъ видѣть въ ней интересъ только односторонній, а не общее благо, которымъ руководилось правительство.

Такому узкому толкованію подвергается нѣкоторыми даже въ русской печати и тотъ великій вопросъ, счастливымъ рѣшеніемъ котораго Россія имѣетъ полное право гордиться. Читатели, конечно, понимаютъ, что мы говоримъ о крестьянскомъ вопросѣ, рѣшенномъ 19 февраля 1861 года, о которомъ мы и считаемъ нужнымъ сказать сегодня нѣсколько словъ.

Отмѣна крѣпостного права провела рѣзкую черту между старымъ и новымъ бытомъ нашего народа. Не мѣсто здѣсь и не намъ повторять тѣ истины, которыя на вѣки осудили старый порядокъ, порядокъ, при которомъ у насъ, правда, существовалъ особый классъ людей, обезпеченныхъ достаточными доходами, но за то существовала и масса народа, не обезпеченная ничѣмъ, масса, обреченная на экономическую и нравственную неволю. Только при крѣпостномъ правѣ, при правѣ обезпеченія себя принудительнымъ трудомъ, дворянство наше, классъ людей служилыхъ, могъ образовать нѣчто похожее на сословіе въ смыслѣ дворянства западнаго, получившаго свое начало въ феодализмѣ и въ безсиліи власти верховной. Не будь крѣпостного права, тогда отличія дворянскія оставались бы тѣмъ, чѣмъ они должны быть вездѣ, чѣмъ они были искони—почетнымъ отличіемъ вѣрной службы Царю и Отечеству.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, правительство впервые приняло мѣры къ измѣненію существовавшаго порядка вещей, сказавшагося длиннымъ застоемъ производительности, когда появилось положеніе 19 февраля 1861 года, тогда не было въ цѣлой Россіи за исключеніемъ, можетъ быть, немногихъ лицъ, заинтересованныхъ и видѣвшихъ въ ограниченіи своего произвола паденіе мнимыхъ коренныхъ дворянскихъ вольностей, никого, кто бы не съ радостью привѣтствовалъ новую эру и первый рѣшительный шагъ къ улучшенію государственнаго и гражданскаго быта Россіи. Что шагъ этотъ былъ вызванъ необходимостью, что онъ былъ не дѣломъ увлеченія или фантазіи, въ томъ нѣтъ и сомнѣнія. Пятьдесятъ лѣтъ правительство занято было этою мыслью, пятьдесятъ лѣтъ взвѣшивало оно всѣ стороны ея осуществленія, пятьдесятъ лѣтъ оно переносило всѣ упреки Западной Европы и терпѣло вредъ отъ послѣдствій матеріальнаго и нравственнаго гнета, сковывавшаго производительныя силы народа и страны. Не необдуманно приступило пра-

вительство къ осуществленію мысли, завѣщанной нынѣшнему Государю его предшественниками. Положенія 19 февраля мѣра неодносторонняя и не частная, направленная исключительно на пользу бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ или отзывающаяся только на нихъ и на помѣщикахъ. Интересы обоихъ классовъ тѣсно связаны съ интересами всего населенія. Положенія 19 февраля возвратили оба класса въ массу народа, въ общее право, изъ котораго оба они были изъяты благодаря крѣпостной зависимости крестьянъ. Связь эту съ общимъ населеніемъ немедленно скрѣпили послѣдующія реформы, равно благодѣтельныя, не только для огражденія правъ только что освобожденнаго крестьянства, но и вообще для огражденія всякихъ законныхъ и гражданскихъ правъ. Земскія учрежденія и судебная реформа довершили отмѣну крѣпостного права и установили впервые въ Россіи, что каждый гражданинъ и всѣ классы общества равнымъ образомъ обезпечены въ своихъ правахъ, и что нѣтъ болѣе класса безправныхъ или отрицающихъ права другихъ. Въ этомъ отношеніи выиграло все населеніе, весь народъ и болѣе всего дворянство. Понялъ это и народъ, и дворянство, и только весьма не многіе не хотятъ признать истину, что кто хочетъ, чтобы уважали его права, долженъ показать, что онъ самъ уважаетъ понятіе о правѣ и права другихъ.

Послѣднія реформы и предстоящее въ будущемъ постоянное развитіе ихъ ведутъ народъ русскій неукоснительно къ полнѣйшему обезпеченію правъ всѣхъ и каждаго. Во главѣ этого движенія стало само правительство и стало по своей волѣ, по своему убѣжденію. Правительство стало выше партій, выше сословій, и этимъ самымъ обезпечило мирный ходъ дѣла. Только тамъ, гдѣ правительство, законодательная и исполнительная власть въ рукахъ партіи или сословія, гдѣ правительство смотритъ на интересы извѣстнаго класса или сословія, какъ на свои интересы, гдѣ на него смотрятъ не какъ на воплощеніе правды, а какъ на временное преобладаніе частныхъ интересовъ, тамъ сила замѣняетъ справедливость, и гражданская свобода двигается впередъ не тихо и мирно, но урывками и насильными переворотами. Аристократизмъ, олигархія, ультрамонтанство и демагогія одинаково ведутъ къ революціямъ, и революціи эти кровавыми письменами занесены въ лѣтописяхъ многихъ государствъ и народовъ. Рѣдки тѣ случаи, когда правительства успѣвали во-время предупредить антагонизмъ партій и сословій и не допускать столкновенія интересовъ сословныхъ, когда ему удавалось быть дѣйствительно правительствомъ и стоять выше воззрѣній сословныхъ и частныхъ. Если у насъ, въ Россіи, въ настоящее время положеніе правительства такое, то этому

Россія обязана болѣе всего тому, что ея не коснулся феодализмъ съ своими послѣдствіями, съ глубокимъ разрывомъ между сословіями, съ замкнутостью сословныхъ частей народнаго организма, съ сословною ненавистью и междуусобною борьбою народныхъ элементовъ, со всѣми тѣми язвами, отъ которыхъ до сихъ поръ не можетъ излѣчиться западное общество, и которыя пытались въ прошедшемъ столѣтіи занести и въ Россію въ угоду западу, отъ котораго мы заимствовали внѣшнія формы нашей цивилизаціи. Въ русскомъ быту, даже при самыхъ грубыхъ понятіяхъ, при отсутствіи цивилизаціи, народъ всегда вѣрилъ правительству, считалъ его своимъ, уважалъ обстановку верховной власти, какова бы она ни была, и хранилъ свою заповѣдь: мы единъ народъ и Царь единъ владыка народа.

Тѣмъ не менѣе есть попытки возстать противъ этого двойного единства и внести въ русскій общественный бытъ разладъ между сословными его частями. Попытки эти являются робко и тихо, потому что чуютъ, что ихъ встрѣтятъ недружелюбно, но тѣмъ не менѣе, являются подъ маскою стремленія къ общественному благу и справедливости. Современное движеніе Россіи выставляется демократизаціею, является явное стремленіе затормозить его и остановить правительство, вызвавшее это движеніе своими реформами и встрѣтившее всеобщее сочувствіе и содѣйствіе во всѣхъ классахъ народа, не исключая и дворянства, на пути дальнѣйшаго развитія начатаго дѣла. Оппозиція эта является въ небольшихъ кружкахъ, скорбѣющихъ объ утратѣ того внѣшняго призрака политическаго перевѣса, который часть (именно не болѣе какъ часть) дворянства извлекала изъ крѣпостного права, изъ обезпеченныхъ доходовъ и изъ злоупотребленій крупной собственности и высказывается все настойчивѣе. Кружки эти и ихъ представители стремятся создать изъ класса крупныхъ помѣщиковъ какую-то западную аристократію, т. е. классъ привилегированный съ обозначенными доходами отъ земли, достаточными для того, чтобы имъ исключительно заниматься общественными дѣлами и управленіемъ, чтобы исключительно быть тѣломъ политическимъ и получить пока преобладаніе въ земскихъ учрежденіяхъ. Въ Россіи нѣтъ старой прочно сидящей, крѣпко организованной аристократіи, которая, захвативъ власть въ руки и будучи поддерживаема и закономъ, и обычаемъ, и экономическимъ положеніемъ страны — переступаетъ предѣлы своего назначенія, становится тормозомъ и душитъ всякое движеніе впередъ (мы говоримъ словами самихъ противниковъ демократизаціи, какъ они имѣютъ привычку называть послѣднія правительственныя реформы), и вслѣдствіе этого требуется настойчиво, чтобы прави-

тельство посвятило особенную заботливость и уходъ сохраненію этого небывалаго въ Россіи элемента или, лучше сказать, созданію его, такъ какъ сами поборники его сознаются, что его нѣтъ. И такъ, вмѣсто разумнаго и здраваго развитія народнаго единства и свободы, вмѣсто обезпеченія гражданскаго общества, вырабатываемаго самимъ народомъ, требуется созданіе усиліями правительства такой среды, которая могла бы захватить власть въ руки и, будучи поддерживаема закономъ и обычаемъ и экономическимъ положеніемъ страны, могла бы преступить предѣлы назначенія, стать тормозомъ и останавливать всякое движеніе впередъ. Матеріаломъ къ созданію подобнаго нововведенія предлагаются этими лицами элементы прежняго крѣпостничества, крупная помѣщичья собственность, и та часть дворянства, которая не заразилась еще демократическимъ духомъ и теоріями, не служитъ, и главное не занимается литературою. Кто занимается подобнымъ дѣломъ, кто не обезпеченъ достаточными доходами отъ имѣнія, кто живетъ своимъ трудомъ, тотъ, по мнѣнію этихъ людей, не можетъ быть надежнымъ матеріаломъ для государственнаго блага, тотъ, по словамъ лицъ, называющихъ великую реформу демократизаціею, никуда не годится, и сюда, по ихъ мнѣнію, принадлежатъ всѣ поддонки дворянства. Для начала имѣющая быть созданной, при тщательномъ уходѣ правительства, аристократія требуетъ для крупной поземельной собственности факультативные голоса въ земскихъ учрежденіяхъ, отмѣну существующаго закона о наслѣдствахъ, установленіе маіоратовъ, и пр.

Подобныя стремленія, само собою, могутъ возбудить только негодованіе во всѣхъ просвѣщенныхъ и благомыслящихъ людяхъ. Мы въ нихъ не можемъ видѣть желанія той пользы народу, которую имѣло въ виду наше правительство, совершивъ крестьянскую реформу. Намъ нечего обращаться въ этомъ случаѣ къ исторіи и къ примѣру западныхъ государствъ, до сихъ поръ еще страдающихъ отъ злоупотребленій феодальности и привилегированной аристократіи. Мы видѣли и до сихъ поръ видимъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ, принявшихъ съ европейскою цивилизаціею и всѣ дурныя стороны ея, всѣ предразсудки феодализма. Мы видимъ вытекающіе отсюда разладъ между населеніемъ, борьбу массы противъ сословій и трудность провести, какое бы то ни было, существенное улучшеніе, какія бы то ни было идеи справедливости. Достаточно и этихъ примѣровъ, чтобы убѣдиться въ совершенной безсмысленности предложенія ввести въ русскомъ народѣ тотъ же разладъ, ту же борьбу, вызвать, вмѣстѣ съ искусственно созданнымъ на западноевропейскій манеръ аристократизмомъ, неизбѣжный протестъ противъ него, т. е. именно демократію въ крайнихъ ея проявленіяхъ.

Еще менѣе мы видимъ въ подобныхъ стремленіяхъ то уваженіе къ собственности, во имя котораго выставляется необходимость создать въ Россіи особенное привилегированное положеніе крупной поземельной собственности. Кто уважаетъ принципъ собственности, тотъ равнымъ образомъ уважаетъ этотъ принципъ во всѣхъ его проявленіяхъ, во всѣхъ его формахъ, тотъ не будетъ стремиться къ ограниченію его значенія, ради предоставленія извѣстныхъ выгодъ и политическихъ преимуществъ одной крупной поземельной собственности. Какое юридическое различіе можетъ существовать между доходомъ съ земли и доходомъ съ труда или капитала? Чѣмъ одинъ доходъ лучше другого? Или развѣ мелкая собственность менѣе достойна уваженія, чѣмъ крупная? Развѣ крупные собственники честнѣе или умнѣе мелкихъ или даже людей, не имѣющихъ никакой собственности, живущихъ своимъ трудомъ? Развѣ весьма и весьма ограниченное примѣненіе маіоратнаго права въ Россіи не вполнѣ доказываетъ, что отъ крупной собственности весьма мало экономической пользы, и что въ Россіи развѣ только насильно можно навязать порядокъ, лишающій членовъ одного семейства, дѣтей одного отца, равенства и дозволяющій дѣлать въ пользу одного сына въ уваженіи къ пустому принципу—пять, шесть пролетаріями, аристократами-нищими, аристократами именно безъ обезпеченнаго дохода съ имѣній? Мы наконецъ съ негодованіемъ отворачиваемся отъ предположенія, что только крупная собственность есть охранительный элементъ въ государствѣ отъ нечестной инсинуаціи, что русскій народъ не привязанъ къ своему Государю. Нечего пугать правительство, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, Стенькой Разинымъ и Пугачевымъ. И Стенька Разинъ и Пугачевъ увлекали народъ именемъ Царя, хотя и мнимаго, и безъ этого имени они не сдѣлали бы и шагу. Народъ шелъ за Пугачевымъ, думая защищать идею верховной власти въ лицѣ своего Государя. Но не съ этой идеею дѣйствовала западная аристократія противъ верховной власти, напримѣръ, въ Польшѣ, когда вступала въ разладъ и въ борьбу съ ней. Не съ этой идеею аристократія и шляхта гнала польскихъ королей. Вотъ такую-то охрану, напоминающую пословицу: point d'argent pas de suisse, обѣщаютъ правительству, если оно само нарушитъ вѣковое единство съ нимъ русскаго народа и выстроитъ между обоими непроходимую стѣну изъ отживающихъ на западѣ аристократическихъ предразсудковъ. Не нужно русскому Государю, самому ведущему свой народъ по дорогѣ къ совершенствованію, никакой искусственной охраны. Онъ и безъ охраны увѣренъ въ своемъ народѣ, въ привязанности и вѣрноподданности всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ народа, точно такъ же, какъ весь народъ увѣренъ въ немъ“.

Когда я прочелъ эту статью министру, онъ заставилъ меня повторить еще нѣкоторыя мѣста и затѣмъ сказалъ: „Прикажите набрать, корректурный оттискъ я прежде покажу Государю“.

При первомъ докладѣ Государь отдалъ наборъ министру, написавъ карандашомъ на корректурѣ „можно“ [1]).

Упоминаніе въ статьѣ именъ Пугачева и Стеньки Разина дало газетѣ Скарятина хорошій предлогъ для того, чтобы, играя этими именами, обвинять „Русскій Инвалидъ“ въ революціонномъ направленіи. Во всѣхъ статьяхъ съ большими или меньшими полунамеками газета хлестала по оглоблямъ, не рѣшаясь бить по коню.

Послѣднею статьею „Русскаго Инвалида“ передъ преобразованіемъ въ чисто военную газету, такъ сказать, прощальною рѣчью, была слѣдующая отповѣдь газетѣ „Вѣсть“.

„Кто хоть мало знакомъ съ пріемами знаменитой газеты „Вѣсть“, съ ея антирусскимъ направленіемъ и тою беззастѣнчивостью, съ которою она прибѣгаетъ ко всякимъ средствамъ, того, повидимому, не должна бы удивлять никакая выходка, какъ бы безцеремонна она ни была. Всѣмъ извѣстны ея ярыя проклятія русскимъ дѣятелямъ, которые интересы Россіи ставятъ выше интересовъ и эгоизма польской шляхты; всѣ знаютъ ея симпатіи и никого не изумятъ тѣ пріемы, которые она употребляетъ для очерненія ненавистныхъ ей учрежденій. Но помѣщенная вчера въ номерѣ 121 этой газеты статья по поводу книги г. Фадѣева [2]) и касающаяся нашей арміи превосходитъ все, что только можно было представить себѣ со стороны даже такого органа, какъ газета „Вѣсть“.

Въ защитѣ польскаго дѣла въ ущербъ Россіи, этотъ органъ Рѣчи Посполитой надѣваетъ, по крайней мѣрѣ, маску русскаго и хулы свои прикрываетъ ловкими фразами, которыя иныхъ простаковъ могутъ ввести, пожалуй, въ заблужденіе на счетъ истиннаго смысла ихъ. Въ названной же нами статьѣ ничего подобнаго нѣтъ. Здѣсь газета „Вѣсть“ съ явнымъ умысломъ набросить черную тѣнь на всѣ произведенныя въ арміи реформы, мрачными красками описываетъ ихъ результаты и говоритъ о нашемъ военномъ положеніи такъ, какъ могъ бы отозваться о немъ злѣйшій врагъ Россіи съ прямою цѣлью повредить ей какъ можно болѣе во мнѣніи Европы.

Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы вести по этому поводу полемику. Читатели наши знаютъ, съ какою неохотою мы всегда вступали въ споръ съ „Вѣстью“, полемическіе пріемы которой слишкомъ отличаются отъ общепринятыхъ въ прессѣ. Мы предо-

---

[1]) Корректура эта съ отмѣткою сохраняется у меня.

[2]) Объ этомъ будетъ ниже.

ставляемъ каждому истинно-русскому органу рѣшить, на сколько съ нашей стороны было бы политично вступать на этомъ полѣ въ споръ и числовыми данными и фактами доказывать всю глубину нелѣпости и невѣжества въ этомъ дѣлѣ „Вѣсти“.

Мы можемъ увѣрить русскую публику, что, несмотря на созданный „Вѣстью“ авторитетъ въ лицѣ г. Фадѣева—все сказанное въ означенной статьѣ газеты „Вѣсть“—отъ перваго до послѣдняго слова—чистѣйшая выдумка, не имѣющая ни малѣйшаго основанія и способная появиться только на страницахъ такихъ журналовъ, какъ „Вѣсть“ и др. подобныхъ ей не русскихъ органовъ, ежедневно ругающихъ и проклинающихъ Россію, которой они искренно желаютъ всякаго зла и униженія“.

Не менѣе живую полемику приходилось „Русскому Инвалиду“ вести и съ нѣмецкою Петербургскою газетою, которая, будучи недовольна вновь вводимыми въ краѣ реформами, начала печатать, какъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ, такъ и въ фельетонахъ самыя возмутительныя вещи противъ Россіи и русскихъ, нападая въ то же время на всѣ русскія реформы. Уже видя, какія реформы Россія произвела въ Царствѣ Польскомъ, нѣмецкая пресса заволновалась, догадываясь, что реформы по крестьянскому и судебнымъ вопросамъ въ Россіи неизбѣжно должны будутъ коснуться и остзейскихъ губерній, живущихъ на средневѣковыхъ, феодальныхъ началахъ. Видя живую дѣятельность и непреклонную энергію Н. А. Милютина, одинъ изъ остзейскихъ бароновъ однажды обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что вы будете дѣлать по окончаніи польскаго вопроса?

— По всей вѣроятности займемся остзейскимъ, въ видѣ шутки отвѣчалъ Николай Алексѣевичъ.

— Но тамъ нѣтъ никакого вопроса, отвѣчалъ баронъ; тамъ полный порядокъ.

Дѣйствительно, въ краѣ былъ порядокъ, но такой, который былъ очень выгоденъ для нѣмецкихъ феодаловъ-помѣщиковъ, и крайне невыгоденъ для всѣхъ другихъ народностей, обитающихъ въ краѣ, не исключая и русской. А такъ какъ почти всегда въ нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ преобладалъ нѣмецкій элементъ, то какъ только вопросъ касался какихъ-либо преобразованій въ Остзейскомъ краѣ, то всѣ мѣры правительства, клонившіяся къ упорядоченію тамошнихъ дѣлъ, такъ сказать, проваливались и все шло по-старому. Даже въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, мнѣ говорили, что въ Государственномъ Совѣтѣ есть членъ, обязанность котораго состоитъ исключительно только въ отстаиваніи стараго порядка въ краѣ.

Въ виду такого положенія дѣлъ и крайней безцеремонности „S.-Petersburger Zeitung“, я рѣшилъ доложить все это Д. А. Милютину и представить ему тѣ статьи, гдѣ съ особенною рѣзкостью были высказаны обидные и несправедливые для русскихъ упреки. Чтобы онъ могъ судить о дѣлѣ подробно, я представилъ ему записку слѣдующаго содержанія:

„Въ послѣднее время въ Остзейскомъ краѣ были высказаны въ публичныхъ рѣчахъ и въ прессѣ тенденціи, обратившія на себя вниманіе русской журналистики. Въ статьяхъ нѣмецкихъ газетъ и въ рѣчахъ (напримѣръ, при открытіи Лифляндскаго ландтага) указывалось на тѣсную связь трехъ балтійскихъ провинцій съ Германіею, говорилось о необходимости обособить этотъ край въ политическомъ отношеніи и высказано было явное стремленіе и желаніе подчинить порядкамъ, существующимъ въ мѣстномъ законодательствѣ, тѣ коренныя и основныя реформы, которыя были предприняты въ послѣднее время правительствомъ, и возбудили всеобщее сочувствіе и надежды 9/10 населенія края, состоящаго изъ финновъ, латышей и русскихъ.

„Русскій Инвалидъ“ долгое время оставался молчаливымъ зрителемъ среди полемики, возбужденной въ русской журналистикѣ тенденціями остзейской прессы.

Въ скоромъ времени однако въ балтійскихъ губерніяхъ начались разсужденія по поводу судебной реформы и преобразованія городского устройства. Такъ какъ въ этихъ вопросахъ остзейская пресса продолжала съ прежнею силою высказываться въ пользу совершенно отдѣльнаго устройства городского хозяйства и суда, такъ какъ она постоянно высказывала желаніе и твердое намѣреніе имѣть особое учрежденіе, которое, сосредоточивъ въ себѣ дѣло всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ, по возможности было бы самостоятельно и независимо отъ центральныхъ учрежденій для цѣлой Россіи, то полемика не только не прекращалась, но усиливалась еще болѣе.

Русское общество, которое въ то время было свидѣтелемъ едва только прекратившихся безпорядковъ въ Западномъ краѣ, и переживъ тяжелое время испытанія для своего патріотизма, вѣроятно, полагая, что всѣ эти заявленія дѣлаются не безъ вѣдома высшей администраціи, начало безпокоиться, и безпокойство это не могло не проявиться въ русской журналистикѣ, насколько это возможно было при существованіи цензурныхъ правилъ.

Редакція газеты „Русскій Инвалидъ“ начала въ то же время получать изъ Остзейскаго края заявленія и статьи, въ которыхъ весьма рѣзко выставлялись разнаго рода стѣсненія небольшого замкнутаго кружка, въ рукахъ котораго исключительно сосредо-

точивались всѣ дѣла, какъ городского хозяйства, такъ и суда и расправы въ Остзейскомъ краѣ. Въ статьяхъ этихъ, писанныхъ какъ русскими, такъ и латышами, высказаны были въ самыхъ рѣзкихъ формахъ тѣ стѣсненія, которымъ подвергаются русскіе, финны и латыши, и приводились примѣры оскорбленія русской національности, которая постоянно, какъ въ силу мѣстнаго законодательства, такъ въ особенности по образу примѣненія этого законодательства, почти исключалась изъ всякаго участія въ дѣлѣ городского хозяйства и суда. Сначала редакція не только что не печатала ни одной изъ полученныхъ статей, но постоянно уничтожала получаемыя письма. Но такъ какъ по тону получаемыхъ заявленій видно было, что все, происходящее въ Остзейскомъ краѣ, относилось прямо къ правительству, то редакція не считала возможнымъ долѣе уклоняться отъ этихъ вопросовъ, и въ концѣ года въ разное время напечатала три статьи: „О ходѣ крестьянскаго вопроса“, „О преобразованіи судебнаго устройства“ и „О преобразованіи городского устройства въ Остзейскомъ краѣ“.

Ставъ на историческую точку и прослѣдя тѣ преобразованія, которыя были сдѣланы въ краѣ въ разное время по этимъ предметамъ, редакція затѣмъ помѣстила заключительную статью, въ которой указала, что во всѣхъ проявленіяхъ и тенденціяхъ остзейской прессы, нужно видѣть не столько сепаратизмъ, какъ это полагали нѣкоторые журналы, а просто борьбу небольшого замкнутаго кружка за свои привилегіи, которыя клонились къ ущербу большинства населенія. При этомъ въ статьѣ было указано, что русское правительство во всѣ времена заботилось о равноправности и благоденствіи большинства населенія, и что если въ настоящее время въ краѣ сдѣланы улучшенія, то всѣмъ этимъ край обязанъ исключительно только одному правительству, которое проводило свои предначертанія, невзирая на продолжительную и упорную борьбу со всякаго рода препятствіями.

Едва только была высказана мысль, что не должно быть въ русскомъ государствѣ ни національности, ни сословія, которыя бы мѣшали всестороннему развитію тѣхъ началъ, которыя дарованы Высочайшею властію всѣмъ своимъ подданнымъ безъ различія ихъ по національностямъ, сословіямъ или вѣроисповѣданію, едва только высказала редакція, что въ силу такого принципа въ Остзейскомъ краѣ латышъ, финнъ, русскій и нѣмецъ должны пользоваться совершенно одинаково Высочайше дарованными правами, какъ въ нѣмецкой прессѣ, издающейся въ Россіи, начали появляться статьи противъ „Русскаго Инвалида“.

Желая во что бы ни стало перенести споръ на болѣе выгодную

для себя почву угнетенія національности, и не видя въ этомъ ни малѣйшаго успѣха, нѣмецкая пресса выставила цѣлый рядъ статей самыхъ рѣзкихъ. Въ статьяхъ этихъ господствовалъ оскорбительный тонъ не для одного только „Русскаго Инвалида", но вообще всего русскаго. Указаніемъ на частные случаи суда надъ офицерами и ссылкою на „Сенатскія Вѣдомости", гдѣ публикуются приговоры надъ офицерами, высказывается мысль, что драка, подлогъ, кража, злоупотребленіе казенными суммами—преступленія, встрѣчающіяся въ русской арміи—не мыслимы въ прусской. Такимъ образомъ частные случаи и исключительныя явленія, которые никоимъ образомъ не должны порочить массу офицеровъ и которые могутъ встрѣчаться вездѣ—возводятся въ характеристику русской арміи.

Въ фельетонѣ Петербургской нѣмецкой газеты отъ 7-го марта есть фраза, гдѣ говорится между прочимъ: „Мы положительно отвергаемъ, чтобы когда-либо мы именовали себя „мы русскіе". Напротивъ, мы всегда съ особенною настойчивостью называли себя „мы нѣмцы", и такъ много гордимся этимъ именемъ, такъ сильно проникнуты его значеніемъ и желаніемъ сохранить его для насъ во всей его чистотѣ, что оно составляетъ для насъ необходимое жизненное условіе, и намъ пришлось бы уничтожиться, если бы мы выдавали себя за что-либо иное. Если у насъ и встрѣчается выраженіе „мы", то только въ смыслѣ гражданъ русскаго государства; но вѣдь это неизбѣжное послѣдствіе историческихъ событій, въ которыхъ мы нисколько не виноваты. Однако же, нѣмецкіе граждане Россіи, вообще, имѣютъ причины и здѣсь гордиться своимъ положеніемъ и дѣятельностью; ибо они вѣрно, какъ добросовѣстные подданные, трудились для блага государства".

Конечно, смыслъ ея сглаженъ указаніемъ на исполненіе долга вѣрноподданства—но твердое отрицаніе названія этого вѣрноподданнаго—русскимъ и слова—что не мы виноваты въ томъ, что принадлежимъ Россіи—врядъ ли могутъ быть лестнымъ выраженіемъ для Россіи и русскихъ, о которыхъ въ статьѣ отъ 11-го апрѣля говорится, „что въ теченіе тысячелѣтняго существованія сдѣлано было только то, къ чему правительство формально принудило, и что даже земскія учрежденія составлены по иностранному образцу".

„Русскій Инвалидъ" во все это время ни разу не позволилъ себѣ вступить въ споръ на этой почвѣ. Вполнѣ сознавая, что подобнаго рода полемика могла только раздражить, „Русскій Инвалидъ" почти въ каждой статьѣ оговаривалъ, что вопросъ о превосходствѣ той или другой національности не имѣетъ ровно никакого разумнаго значенія, что всѣ они одинаково имѣютъ право—какъ русскіе подданные на сію національность и на благодѣтельные результаты

предпринимаемыхъ правительствомъ реформъ. Тѣмъ не менѣе, однако нѣмецкая пресса постоянно сводитъ вопросъ на угнетенiе нѣмецкой нацiональности, обвиняя въ раздраженiи всю русскую прессу, въ томъ числѣ и „Русскiй Инвалидъ“. Послѣдняя статья, помѣщенная въ 76 №, съ цѣлью опровергнуть такой несправедливый доводъ, гдѣ опять было повторено, что недобросовѣстно ставить вопросъ, изъ какихъ бы то ни было видовъ, на почву угнетенiя нацiональности, вызвала отвѣтъ, который необходимо требуетъ возраженiя. „Представляя при семъ Вашему Превосходительству въ корректурѣ отвѣтъ журналамъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь доложить въ рукописи статью отъ редакцiи, въ которой доказывается фактами постоянное стремленiе правительства къ водворенiю въ краѣ равноправности и справедливости, не взирая ни на какiя препятствiя и не стѣсняя ни мало свободы ни меньшинства нѣмцевъ, ни большинства финновъ, латышей, эстовъ и русскихъ, населяющихъ три балтiйскихъ губернiи“.

Полковникъ Зыковъ.

17-го мая.
1865 г.

При запискѣ была приложена готовая статья подъ заглавiемъ: „Что такое остзейскiй вопросъ?“ и вырѣзки какъ изъ петербургскихъ, такъ и другихъ нѣмецкихъ газетъ, особенно рѣзко порицающихъ русскiе порядки.

Такъ какъ въ этихъ двухъ статьяхъ были затронуты весьма важные политическiе вопросы, то, понятно, я не считалъ себя въ правѣ помѣстить статьи г. Бушена безъ прочтенiя ихъ министру, хотя былъ убѣжденъ, что лично, какъ истинно государственный человѣкъ, онъ, строго оберегая русскiе интересы, одобритъ эти статьи.

Выслушавъ статьи, онъ дѣйствительно одобрилъ ихъ, но нашелъ необходимымъ сдѣлать поправки, которыя однако нисколько не измѣнили главнаго содержанiя. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ прежде печатанiя дать эти статьи для прочтенiя Государю.

По поводу этихъ статей я, 2-го апрѣля, получилъ отъ министра слѣдующую записку:

„Статья г. Бушена о нѣмцахъ навела меня на нѣкоторыя размышленiя, которыя я желалъ бы передать Вамъ, Сергѣй Павловичъ, или самому г. Бушену сегодня же, прежде чѣмъ статья будетъ отпечатана на бѣлой бумагѣ для представленiя на Высочайшее усмотрѣнiе.

Я буду дома цѣлый день“.

Д. Милютинъ.

По поводу тѣхъ же статей 11-го мая я получилъ другую записку.

„Завтра послѣ обѣда я ѣду въ Царское Село и тамъ ночую. Вы меня застанете не иначе, какъ передъ обѣдомъ. Въ какомъ положенiи статья объ Остзейскомъ краѣ. По всѣмъ вѣроятiямъ при первомъ же докладѣ моемъ, въ четвергъ Государь заговоритъ со мною объ этомъ предметѣ. Желательно было бы къ этому времени уже имѣть какъ корректурные оттиски статей г. Бушена, такъ и №№ нѣмецкихъ газетъ, заключающiе въ себѣ самыя рѣзкiя изъ статей противъ Россiи“.

Д. Милютинъ.

Статьи, о которыхъ идетъ рѣчь, и которыя были представлены Государю прежде напечатанiя, были слѣдующаго содержанiя [1]).

„О чемъ спорятъ такъ горячо газеты, изъ-за чего нѣмцы пишутъ противъ русскихъ, русскiе—противъ нѣмцевъ, спрашиваютъ теперь многiе, читая статьи въ разныхъ газетахъ. Былъ у насъ вопросъ крестьянскiй, былъ польскiй, были разные другiе, но никогда не было вопроса остзейскаго. Кто же поднялъ этотъ вопросъ, въ чемъ онъ состоитъ и чѣмъ долженъ рѣшиться?

Многiе, конечно, не затруднятся отвѣтить на это, что остзейскiй вопросъ выдуманъ зачѣмъ неизвѣстно, что въ Остзейскомъ краѣ все обстоитъ благополучно. Другiе къ этому еще прибавятъ, что „Русскiй Инвалидъ“, въ качествѣ русской газеты, весьма естественно не въ состоянiи понять высокiй смыслъ остзейскихъ порядковъ и потому не стоитъ обращать на него вниманiя.

Общественное мнѣнiе давно уже отвѣтило на достоинство этихъ обвиненiй и этихъ фразъ. Правда, какъ бы ее ни затемняли и ни обставляли ложью, всегда выйдетъ наружу; вся Россiя, вся Европа, не исключая даже Германiи, кромѣ развѣ партизановъ феодализма и цеховъ, уже отвернулась отъ балтiйскаго застоя. Мы можемъ указать на сотни частныхъ и оффицiальныхъ отзывовъ, отдающихъ нашимъ мнѣнiямъ полную справедливость. Отголосокъ ихъ проникъ уже въ нѣмецкую и англiйскую прессу, и даже представители остзейской журналистики, споря съ нами, при всѣхъ старанiяхъ перетянуть споръ на другую почву, на тему угнетенiя нѣмецкой нацiональности, невольно высказали сознанiе, что давятъ остзейское населенiе—остзейскiе же порядки. Въ этомъ духѣ высказались всѣ газеты и журналы Остзейскаго края, а главные наши противники (Ревельская см. № 40 и Рижская № 20) придаютъ

[1]) Онѣ показываютъ взглядъ Государя на остзейскiй вопросъ.

особенный вѣсъ тому, что они давно уже высказались противъ исключительнаго права дворянства на землевладѣніе, противъ исключенія курляндскихъ крестьянъ отъ возможности пріобрѣтать собственность, противъ привилегированнаго суда и расправы, противъ монополій магистрата и проч. и проч. Слѣдовательно, факты, приводимые „Русскимъ Инвалидомъ", вызвавшіе его статьи, существуютъ въ самомъ дѣлѣ, и о томъ свидѣтельствуютъ не только газеты и общественное мнѣніе, но и документы оффиціальные; отчеты генералъ-губернаторовъ (особенно маркиза Паулуччи и генерала Головина) свидѣтельствуютъ постоянныя жалобы населенія. Мало того объ этомъ свидѣтельствуетъ и само правительство, принимавшее неоднократно иниціативу къ отмѣнѣ разныхъ несправедливостей, и еще въ настоящее время продолжающее свои работы объ улучшеніи и усовершенствованіи края въ духѣ либеральныхъ реформъ и обезпеченія массамъ справедливой доли свободы и равноправности.

Слѣдовательно, остзейскій вопросъ не есть вымыселъ „Русскаго Инвалида", но существуетъ на дѣлѣ, близко заинтересовывая остзейское населеніе финновъ, латышей, русскихъ, большинство нѣмцевъ, однимъ словомъ, всѣхъ, кто отъ измѣненія стараго порядка ждетъ гарантіи гражданскихъ правъ и равноправности. Вопросъ этотъ заинтересовываетъ русскую публику вообще, желающую блюсти интересы своей національности, искать обезпеченія ея въ предѣлахъ Руси, отъ стѣсненія другими племенами. Наконецъ, вопросъ этотъ интересуетъ въ особенности правительство какъ представителя русской національности, представителя идеи русскаго государства и главнаго двигателя гражданскаго развитія, гражданской свободы и гражданской равноправности. Убить этотъ вопросъ, пробуждавшійся неоднократно въ теченіе почти ста лѣтъ, желаютъ только тѣ, которые при рѣшеніи его теряютъ свою власть, свое право безусловно распоряжаться Остзейскимъ краемъ и его населеніемъ, и жертвуютъ свободою своихъ согражданъ своимъ узкимъ воззрѣніямъ. Вотъ эта-то партія и возбудила и поддерживаетъ остзейскій вопросъ, который, безъ ея постояннаго противодѣйствія, давно уже могъ быть рѣшенъ для блага остзейскаго населенія и для блага Россіи. Вотъ эта-то партія и скомпрометтировала нѣмецкую національность своими неумѣренными рѣчами [1], своимъ явнымъ презрѣніемъ къ правамъ другихъ и ко

[1]) См. рѣчь епископа Вальтера, при открытіи лифляндскаго ландтага въ 1864 году.

всему русскому [1]), и тѣмъ, что она становится между правительствомъ и его народомъ.

Остзейскій вопросъ состоитъ въ отмѣнѣ вѣкового противорѣчія, существующаго въ Остзейскомъ краѣ, между огромнымъ большинствомъ остзейскаго населенія, состоящаго изъ двухъ почти милліоновъ латышей, финновъ, русскихъ, большинства нѣмцевъ, и привилегированнымъ меньшинствомъ, исключительно занимающимъ почти всѣ мѣстныя должности, исключительно имѣющимъ политическія права. Съ особенною силою поднялся этотъ вопросъ въ послѣднее время, въ виду реформъ русскаго правительства, въ виду того, что всѣ въ Россіи могутъ владѣть землей, безъ ограниченія мѣста, въ виду судебной реформы и равенства передъ закономъ, въ виду земскихъ учрежденій и свободы выборовъ въ общественныя должности. Къ прежнему неудовольствію на неудовлетворительность остзейскихъ порядковъ, высказавшемуся весьма сильно въ 1801, 1804, 1816, 1847 и 1859 годахъ, присоединился примѣръ Россіи, получившей, въ теченіе какихъ нибудь десяти лѣтъ, несравненно болѣе, чѣмъ прибалтійскія губерніи въ 60, и потому и нападки на старый порядокъ стали сильнѣе. Защита эта велась плохо; отвѣты отличались раздражительностью и желчью; общій характеръ ихъ—стремленіе сбить вопросъ на другую почву, превратить его въ споръ о преобладаніи національности и затереть споръ о политической равноправности. Вмѣшательство русской прессы дало къ этому удобный поводъ. Положительные доводы въ защиту остзейскихъ порядковъ высказываемы были рѣдко, и лучше всего резюмированы однимъ изъ корреспондентовъ газеты „Nord'a", считавшей своею обязанностью въ виду разъясненія вопроса, сопоставить доводы и доказательства обѣихъ сторонъ. Не лишнимъ будетъ познакомить и нашихъ читателей съ этою защитою и разсмотрѣть вкратцѣ нравственное и логическое достоинства ея.

1) Первый наиболѣе часто повторяющійся доводъ, противъ измѣненій нынѣшняго остзейскаго порядка, состоитъ въ мѣстныхъ особенностяхъ края.

---

[1]) См. протоколъ рижскаго ветгерихта отъ 24-го октября 1844 г., отказъ господину Гринвальду въ выдачѣ копій по его тяжбѣ. См. наконецъ пренія, бывшія въ декабрѣ 1864 г. по поводу проекта новаго Рижскаго городского положенія, на которыхъ предсѣдатель объявилъ, что „въ Ригѣ нѣтъ русскихъ гражданъ, а есть только рижскіе". Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ очевидцами, которые за подписью своею объ этомъ подтверждаютъ (См. „Московскія Вѣдомости" № 95). Мы сожалѣемъ, что не можемъ дать подлинной ссылки объ отзывѣ магистрата о безполезности преподаванія русскаго языка, такъ какъ онъ отнимаетъ только время отъ полезныхъ предметовъ.

Мѣстныя особенности, конечно, могли бы обусловливать необходимость особеннаго устройства края, но никакъ не непремѣнное сохраненіе нынѣшняго порядка. Однако жъ и на такую уступку нельзя согласиться, если поближе разсмотрѣть эти особенности. Въ чемъ онѣ состоятъ? Въ особенномъ характерѣ населенія, въ особенномъ направленіи его дѣятельности, въ особенностяхъ свойства почвы, климата, произведеній?—Ничуть не бывало: Остзейскій край представляетъ всѣ тѣ же условія, какъ и окружающія его страны. Населеніе смѣшанное, но не въ такой степени, какъ въ другихъ мѣстахъ Европы и Россіи, не претендующихъ на обособленіе. Народная дѣятельность преимущественно земледѣльческая, какъ и въ остальной Россіи; почва, климатъ и произведенія тѣ же, что и въ Россіи. Да будетъ намъ дозволено сказать, что и особеннаго промышленнаго развитія не видно. Оно значительнѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи, но далеко не такъ сильно, чтобы претендовать на особенныя мѣры. Особенности Остзейскаго края не болѣе, какъ особенности его политическаго устройства. Отнимите особенности политическаго устройства, и никакихъ особенностей нельзя будетъ найти, кромѣ развѣ тѣхъ, которыя существуютъ вездѣ, и въ виду которыхъ русское правительство устроило земскія учрежденія. Слѣдовательно, первое доказательство—мѣстныя особенности края не болѣе, какъ фраза, весьма неловкая и ничего не значущая.

2) Не менѣе сильно защитники остзейскихъ привилегій упираютъ на давность ихъ.

Правда, что давность эта очень глубока, такъ глубока, что инымъ привилегіямъ нельзя и отыскать начала. Остзейскій край, безспорно, имѣетъ свою исторію, свои преданія. Но спрашивается: что же не имѣетъ своей исторіи. Рабство тоже ее имѣетъ, крѣпостное право на Руси тоже ее имѣло.

Если давность балтійскихъ привилегій такъ глубока, что начало ихъ приходится искать въ глубокой древности, во времена феодальнаго и кулачнаго права, во времена Ганзы и проч., то можно ли отсюда вывести заключеніе, что они должны оставаться вѣчно безъ малѣйшаго измѣненія. Вѣдь и феодализмъ, и Ганза уже отжили свой вѣкъ, такъ же, какъ и многія другія средневѣковыя понятія, признанныя почти вездѣ вредными и вездѣ отмѣненныя. Исторія есть движеніе впередъ, усовершенствованіе, а не пребываніе безъ движенія въ старыхъ порядкахъ и отрицаніе въ живыхъ нуждахъ народнаго развитія.

3) Третье доказательство въ пользу сохраненія нынѣшняго устройства и противъ всякаго вмѣшательства въ ходъ событій въ

Остзейскомъ краѣ,—это необходимость постепенности въ реформахъ и предоставленіи иниціативы самому краю.

Подъ этимъ разумѣется, конечно, иниціатива самаго незначительнаго меньшинства, потому что 9/10 всего населенія не имѣютъ никакого права на иниціативу.

На этомъ пунктѣ приходится остановиться и посмотрѣть поближе, въ чемъ заключалась до сихъ поръ иниціатива края, т. е. меньшинства и постепенность производимыхъ реформъ.

Этою иниціативою многіе давно уже щеголяютъ передъ Европою и Россіею и преимущественно передъ правительствомъ, такъ что недурно будетъ прослѣдить ходъ реформъ въ Остзейскомъ краѣ. Реформы эти, какъ извѣстно, всегда требовались по тремъ капитальнымъ вопросамъ: по освобожденію крестьянъ, по преобразованію городского устройства и ограниченія самоуправства магистрата, и по улучшенію судебнаго устройства, находящагося въ полномъ распоряженіи у меньшинства. Посмотримъ, въ чемъ состоятъ эти реформы, кто ихъ проводилъ и къ какому результату онѣ привели: а) по крестьянскому дѣлу реформы должны были начаться еще въ прошедшемъ столѣтіи. Въ 1739 году лифляндская ландратная коллегія (вся состоящая изъ помѣщиковъ) самовольно объявила крестьянскія службы и повинности неопредѣленными и зависящими отъ усмотрѣнія господъ. Вслѣдствіе этого еще въ 1763 году, въ бытность Екатерины II въ Лифляндіи, до нея дошло множество жалобъ на жестокое обращеніе помѣщиковъ съ своими крестьянами. Генералъ-губернаторъ графъ Броунъ успокоилъ Государыню обѣщаніемъ, что само дворянство приметъ мѣры къ пресѣченію этихъ несправедливостей; но на сеймѣ 1765 года дворянство не согласилось, и только потомъ, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій Екатерины II, признало право крестьянъ на движимую ихъ собственность. Изъ послѣдующаго видно, что часть дворянства не соображалась съ утвержденными мѣрами. Въ 1803 году лифляндское дворянство отвергло на сеймѣ (105 голосовъ противъ 40) предложеніе объ увольненіи крестьянъ и подало два протеста противъ всякаго ограниченія земледѣльческихъ правъ помѣщика. Только Императорскій рескриптъ, предъявленный генералъ-губернаторомъ и требовавшій, чтобы дворянство сообразило свои постановленія съ ожиданіями крестьянъ, заставилъ принять постановленія, въ которыхъ выразилось по крайней мѣрѣ желаніе обезпечить судьбу поселянъ. Противъ этого постановленія опять было множество протестовъ, и первый шагъ къ признанію политическаго существованія крестьянъ и права ихъ на движимую собственность сдѣланъ по докладу Высочайше утвержденнаго Комитета, состоявшаго изъ лицъ, избранныхъ самимъ Императоромъ. При всемъ томъ крестьяне

оставались крѣпостными, и только повинности ихъ перестали быть произвольными. Дворянство не было довольно оцѣнкою земли, сдѣланной въ 1804 году; оно стало добиваться свободы соглашеній, и встревоженное тайною, соблюдавшеюся въ разсужденіяхъ Комитета лифляндскихъ дѣлъ, учрежденнаго для пересмотра Положеній, подало прошеніе о предоставленіи ему права образовать комиссіи для улучшенія быта крестьянъ. Комиссіи эти затягивали дѣло, и только энергическія рѣчи и твердость генералъ-губернатора маркиза Паулуччи, дѣйствовавшаго по инструкціи самого Императора, заставили, наконецъ, принять рѣшеніе. Результатомъ были Положенія 1816, 1817, 1819 годовъ, по которымъ крестьяне признаны свободными, но безъ всякаго права на землю. Имъ не дано право сдѣлаться собственниками, ограничено право отлучаться отъ мѣста, смотря по обстоятельствамъ, и вполнѣ сохранена зависимость отъ вотчинной полиціи и помѣщичьяго суда. Курляндское дворянство на этой свободѣ и остановилось. Въ Лифляндіи вскорѣ появилось неудовольствіе между крестьянами, появились наконецъ и болѣе гуманные взгляды между частью дворянства, и съ трудомъ проведены были нѣкоторыя реформы, вынужденныя необходимостью обезпечить шаткое положеніе крестьянъ, которымъ часто отказывали въ участкахъ и которые, вслѣдствіе этого, стали выселяться. Кратковременность контрактовъ, превращавшая крестьянъ въ кочующую орду, заставила принять мѣры къ ограниченію произвола помѣщиковъ. Мѣры эти, принятыя въ 1845, 1849 г.г., опредѣлили, наконецъ, размѣры крестьянскаго пользованія и дали нѣкоторую возможность крестьянамъ выкупиться съ землею. За то имъ воспретили покупать дворянскія имѣнія и владѣть въ волости болѣе, чѣмъ однимъ гакомъ; ихъ заставляли продавать излишекъ, даже если излишекъ этотъ доставался по наслѣдству. Самый выкупъ поставленъ въ большія затрудненія. Эстляндія въ 1856 году приняла подобныя же мѣры.

Наконецъ, подъ вліяніемъ освобожденія русскихъ крестьянъ съ 1859 года приняты еще нѣкоторыя мѣры для облегченія выкупа и для болѣе раціональнаго устройства крестьянскихъ судовъ.

б) По городской реформѣ первая иниціатива принадлежитъ также Императрицѣ Екатеринѣ II, издавшей городовое положеніе и распространившей его на города остзейскіе. Черезъ десять лѣтъ привилегированныя сословія и магистраты добились возстановленія стараго порядка, при которомъ они были полными властелинами городскаго хозяйства. Въ 1802 году русскіе и многіе нѣмцы въ Ригѣ, не принадлежащіе къ братствамъ и магистрату, возбуждали вопросъ о новомъ введеніи городового положенія или о преобразо-

ваніи стараго. Магистратъ отказалъ. Русскіе въ русскомъ городѣ торговали на правахъ иностранныхъ купцовъ, ни русскіе, ни латыши не могли имѣть домовъ въ городѣ, не могли поступать ни въ гильдіи, ни въ братство, не имѣли ни представителей, ни голоса. Еще въ 1820, 1822 и 1824 годахъ русскихъ не допускали даже къ ремеслу. Въ 1826 году поступило множество жалобъ на притѣсненія магистрата и на худое хозяйство, и русскіе просили о сравненіи ихъ въ правахъ съ нѣмцами. Магистратъ возсталъ противъ этого и отказалъ. Вслѣдствіе жалобъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Блудовъ въ 1833 году внесъ въ Государственный Совѣтъ свои предположенія по преобразованію рижскаго городского устройства и засвидѣтельствовалъ, что управленіе, состоящее изъ 13 присутственныхъ мѣстъ, и дорого, и разорительно, и запутываетъ городскія дѣла, и что болѣе половины всего населенія желаетъ введенія русскаго городового положенія. Государственный Совѣтъ призналъ необходимость преобразованія городского устройства, какъ несвоевременнаго, положительно вреднаго и стѣснительнаго для всѣхъ, и не взирая на противорѣчія магистрата и привилегированныхъ сословій до пересмотра всѣхъ вообще утвердилъ нѣкоторыя частныя улучшенія. Въ 1846 году послѣдовали новыя правила о поступленіи въ братство, гильдію и гражданство. Поступленіе въ братство (изъ котораго замѣщались всѣ должности) было особенно важно, и потому магистратъ ограничилъ его принятіемъ людей лютеранскаго исповѣданія и нѣмецкаго происхожденія. Правительство не приняло этихъ ограниченій; тѣмъ не менѣе скамья старшинъ и собранія братства 26-го января 1843 г. опредѣлила сохранить старый порядокъ. Вслѣдствіе этого въ братство не приняло ни одного русскаго, ни въ 1845, ни въ 1846, 1847 и 1848 г.г. Въ 1849 году изъ 8-ми просителей принято двое, послѣ продолжительной бури, закрытія засѣданія и увѣренія нѣкоторыхъ старшинъ, что противиться долѣе опасно. Въ 1849 году Сенатъ подтвердилъ, по жалобѣ не принятыхъ, чтобы порядокъ, утвержденный мѣстнымъ сводомъ, исполнялся въ точности. Въ томъ же 1849 г., такъ какъ жалобы на стѣсненія не только не прекращались, но росли, повелѣно было составить проектъ новаго городового устройства. Проектъ этотъ, до сихъ поръ не утвержденный, нѣсколько разъ передѣлывался, то въ Петербургѣ, то въ Ригѣ, гдѣ общественное мнѣніе 15 лѣтъ не можетъ осилить систематическое упорство магистрата и меньшинства. Пока старые порядки въ полной силѣ, и еще въ декабрѣ 1864 года всѣ были свидѣтелями неприличности выходокъ и упрямства рижскихъ олигарховъ.

в) По судебной реформѣ пересмотръ всего судебнаго устройства

Остзейскаго края предпринятъ по инициативѣ правительства въ 1863 году, и до сихъ поръ не далъ еще результатовъ. Лифляндскій ландтагъ высказалъ по-прежнему стремленіе удержать право дворянства на замѣщеніе судебныхъ должностей.

Изъ всего этого легко можно оцѣнить смыслъ постепенности балтійскихъ реформъ и достоинство инициативы привилегированныхъ корпорацій. Корпораціи желаютъ сохранить свои преимущества и упорно борются съ инициативою правительства, уступая ему только въ крайнихъ случаяхъ. Отсюда проистекаетъ постепенность реформъ, и не будь настойчивой инициативы правительства, то не было бы и никакихъ реформъ. Результатъ сдѣланныхъ уступокъ, послѣ ста лѣтъ постоянныхъ побужденій со стороны правительства, до сихъ поръ ниже того, что Россія сдѣлала въ 10 лѣтъ. Впрочемъ неизвѣстно, почему остзейское привилегированное сословіе требуетъ себѣ права инициативы. Инициатива по мѣстнымъ вопросамъ ему можетъ быть и принадлежитъ, но судебная реформа, политическое устройство края, права состояній, равенство передъ закономъ, не суть мѣстные вопросы и по русскимъ кореннымъ законамъ принадлежатъ исключительно инициативѣ правительства: и мы рѣшительно не знаемъ, когда правительство уступило свои права въ этомъ отношеніи кому бы то ни было.

4. Рядомъ съ проповѣдью о прочности постепенныхъ реформъ и благодѣтельностью собственной инициативы представляется доводъ непрочности и необдуманности русскихъ реформъ, намекается на демократическія начала, кроющіяся въ нихъ.

Доводъ этотъ не есть доказательство положительное, но скрытый упрекъ, обнаруживающій только недоброжелательство. Реформы въ Россіи, совершающіяся въ послѣднія 10 лѣтъ, всѣмъ народомъ приняты съ благодарностью, и уже теперь приносятъ плоды. Ближайшій результатъ ихъ сравнительно быстраго осуществленія и рѣшительности, съ которою онѣ предприняты, тотъ, что народъ вѣритъ правительству, крѣпко къ нему привязался и идетъ неразлучно съ нимъ. Результатъ постепенныхъ и обдуманныхъ реформъ, если такъ можно назвать мѣропріятія остзейскихъ инициаторовъ,—тотъ, что огромное большинство съ завистью смотритъ на русскія реформы.

5. Въ связи съ предыдущимъ приводится необходимость и польза обезпеченнаго дворянскаго сословія и дѣлается при этомъ скрытый намекъ (относящійся, впрочемъ, спеціально къ „Русскому Инвалиду“), что возстающіе противъ балтійскихъ привилегій вѣроятно враги всякаго дворянства. Доводъ этотъ, да позволено намъ будетъ сказать, не имѣетъ смысла. Мы очень хорошо понимаемъ права, обязанности и пользу просвѣщеннаго дворянскаго сословія, но не

понимаемъ никакъ правъ дворянства во вредъ народа. Французское и англійское дворянства, конечно, не менѣе доблестны и вѣрны государямъ своимъ, чѣмъ дворянство остзейское, а между тѣмъ они подчиняются общему суду и расправѣ, не претендуютъ на права остального населенія и не лишаютъ другихъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Въ Россіи существуетъ тоже многочисленное дворянство, въ вѣрности и патріотизмѣ котораго не посмѣетъ усумниться никто. Существуетъ же оно безъ исключительныхъ правъ и отказалось даже отъ крѣпостного права, не пощадивъ, для исполненія воли Государя, своихъ средствъ.

Вотъ смыслъ и содержаніе остзейской обороны. Пусть судятъ безпристрастные люди, каково достоинство этой обороны. На частныя возраженія, бывшія противъ приведенныхъ нами фактовъ, мы отвѣчали уже прежде, а на послѣднее отвѣчаемъ ниже, въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ: „Отвѣты нашимъ противникамъ“.

Три газеты недавно разомъ ополчились противъ „Русскаго Инвалида“ и его передовой статьи въ № 76, въ которой мы, какъ можно яснѣе, изложили всю сущность справедливаго неудовольствія русской публики по поводу существующихъ въ Остзейскомъ краѣ порядковъ. С.-Петербургская Нѣмецкая газета напечатала въ № 86 (отъ 20 апрѣля) возраженіе подъ заглавіемъ: Fragen und Antworten an den Russischen Invaliden, въ которомъ она, по обыкновенію своему, предается увлеченію и своему природному задору. За С.-Петербургскою нѣмецкою газетою послѣдовали „С.-Петербургскія Вѣдомости“, взявшія на себя защиту господина Н. Л., и подъ фирмою....й....е, воспроизводящія возраженія С.-Петербургской Нѣмецкой газеты. Мало того, насъ пожелали разбить не только на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но и на французскомъ, и для этого тѣ же доводы появились и въ „Nord“, подъ видомъ безпристрастной корреспонденціи и съ весьма любопытнымъ добавленіемъ, характеризующимъ вполнѣ источники этой корреспонденціи. Да будетъ намъ позволено всѣ три возраженія считать за одно. Насъ очевидно желаютъ закидать шапками, но, къ сожалѣнію, шапки-то принадлежатъ столь же очевидно одному и тому же лицу, и нашъ противникъ напрасно старается умножить себя и разнообразить на трехъ языкахъ. Доводы его остаются столь же непонятно слабыми, сколь были сами по себѣ. Мы уже давно привыкли отъ нашихъ противниковъ получать поправки, въ которыхъ обращается вниманіе на частности, а сущность дѣла, вредно вліяющая на край, тщательно скрывается. Вся защита остзейскихъ привилегій, весь протестъ нѣмецкой прессы противъ требованія скорыхъ и радикальныхъ реформъ въ Остзейскомъ краѣ вертится именно на подобныхъ доводахъ. Нынѣ противники наши, желая,

вѣроятно, придать имъ особенную силу, подкрѣпляютъ ихъ цитатами изъ свода мѣстныхъ узаконеній Остзейскаго края. Намъ эти узаконенія и способъ примѣненія ихъ въ Остзейскомъ краѣ давно извѣстны, и потому ни доводы, ни цитаты насъ не поколеблютъ. Да и не на насъ разсчитаны они, а только на большинство газетныхъ читателей, которыхъ пытаются озадачить невѣрнымъ толкованіемъ нашихъ словъ и недобросовѣстными ссылками на существующіе законы.

Мы имѣли бы, конечно, право не отвѣчать болѣе на подобные полемическіе пріемы; но не желая подражать С.-Петербургской Нѣмецкой газетѣ въ веденіи борьбы и, подобно ей, скрывать отъ своихъ читателей опроверженія на наши сужденія (что она всегда дѣлала съ невозмутимымъ хладнокровіемъ), мы нисколько не боимся передать ея вопросы и отвѣты „Русскому Инвалиду". На вопросъ нашъ о томъ, можетъ ли русскій дворянинъ на тѣхъ же условіяхъ пріобрѣтать имѣнія въ Остзейскомъ краѣ, на какихъ остзейцы пріобрѣтаютъ имѣнія въ Россіи, она отвѣчаетъ нерѣшительно да, ссылаясь на 876 ст. свода мѣстныхъ узаконеній. Мы по-прежнему повторяемъ: нѣтъ, потому что 874 и 875 ст. дозволяютъ остзейскому коренному дворянину пріобрѣтать всякія имущества, движимыя и недвижимыя, во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Россіи, а русскимъ дворянамъ въ Остзейскомъ краѣ воспрещено покупать, въ Эстляндіи и Курляндіи и на островѣ Эзелѣ, всѣ имѣнія, именуемыя дворянскими (болѣе половины всего пространства); въ Лифляндіи же они могутъ владѣть дворянскими имѣніями только съ ограниченіями и безъ дворянскихъ правъ (876, 877 и 878). Все это вполнѣ доказываетъ, что въ предѣлахъ остзейскихъ губерній русское дворянство подвергается весьма чувствительнымъ ограниченіямъ, которыя, будь они установлены въ имперіи для остзейцевъ, давно бы заставили кричать ихъ объ угнетеніи и несправедливости.

На вопросъ нашъ о томъ, могутъ ли русскіе, даже проживающіе въ Остзейскомъ краѣ, пріобрѣтать на тѣхъ же условіяхъ собственность, какъ нѣмцы, противники наши отвѣчаютъ: да, извиняясь при этомъ, что въ остзейскихъ губерніяхъ вообще труднѣе пріобрѣтать собственность, даже для непривилегированныхъ нѣмцевъ. Мы уже неоднократно заявляли, что не дѣлаемъ разницы между непривилегированными нѣмцами, эстами, латышами и русскими. Всѣ права, внесенныя въ сводъ мѣстныхъ узаконеній и составляющія все его содержаніе, относятся къ остзейскимъ гражданамъ и только граждане ими пользуются. Цитировать сводъ мѣстныхъ узаконеній, когда дѣло идетъ о правахъ не гражданъ (т. е. непривилегированныхъ нѣмцевъ, русскихъ, эстовъ и латышей), можно только имѣя такой не-

исчерпаемый запасъ логики, какой С.-Петербургская Нѣмецкая газета выказала уже неоднократно. Противники наши, конечно, не безъ умысла, позабыли цитировать 943 и 944 ст., которыя, гласятъ: „Въ каждомъ городѣ губерній остзейскихъ и въ Нарвѣ, тѣ городскіе обыватели, которые получили права мѣстнаго гражданства и означеннымъ ниже сего, для каждаго города въ особенности порядкомъ составляютъ особое общество гражданъ или такъ называемое гражданство. Права неполучившихъ правъ мѣстнаго гражданства опредѣляются общими законами имперіи, съ тѣми лишь ограниченіями, которыя суть послѣдствіе особыхъ мѣстнымъ гражданамъ дарованныхъ преимуществъ. „Кажется, ясно, что права гражданъ ограничиваютъ права прочихъ обывателей. Дѣло, значитъ, заключается въ томъ, чтобы доступъ въ гражданство и въ особенности въ гильдіи и братство, исключительно пользующіяся политическими правами, былъ бы свободенъ для всѣхъ и каждаго. Что доступъ этотъ не свободенъ, даже вопреки своду мѣстныхъ узаконеній только вслѣдствіе духа исключительности привилегированныхъ гражданъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ все еще продолжающаяся борьба между магистратомъ и обывателями, весь пресловутый новый проектъ рижскаго городового устройства и самая остзейская пресса, восхваляющая этотъ проектъ, который не имѣлъ бы ровно никакого смысла, если все старое было бы хорошо.

На вопросъ нашъ, могутъ ли русскіе занимать мѣста общественнаго и городского управленія, намъ отвѣчаютъ торжественно: да, прибавляя, что всѣ должности выборныя и доступны русскимъ, если ихъ выберутъ. А мы опять говоримъ: нѣтъ, потому что выбираютъ не русскіе или другіе, а исключительно привилегированные нѣмцы магистрата, братства или гильдій, не допускающіе въ свою среду никого, кромѣ своихъ, даже если на то не имѣютъ права. Магистратъ выбираетъ ратсгерровъ, ратсгерры занимаютъ всѣ общественныя должности; бенефиціи (низшія городскія должности, сопряженныя съ доходомъ, нѣчто въ родѣ кормленія) принадлежатъ исключительно членамъ братства; въ братство принимаютъ только людей нѣмецкаго происхожденія, несмотря на то, что въ законѣ сказано, что всѣ могутъ поступать въ него; каждый годъ на это поступаетъ множество жалобъ и не признаютъ этихъ жалобъ только тѣ, противъ которыхъ онѣ направлены.

Далѣе, наконецъ, противники наши увѣряютъ, что русскіе могутъ участвовать въ судѣ, если имѣютъ необходимыя на то качества.

Главное качество состоитъ въ томъ, чтобы принадлежать къ привилегированнымъ сословіямъ; привилегированному дворянству принадлежатъ слѣдующія мѣста въ Лифляндіи: въ гофгерихтѣ—мѣста

президента, вице-президента, двухъ ландратовъ и двухъ ассессоровъ (одинъ отъ эзельскаго дворянства), т. е. всѣ выборныя должности и три четверти состава всего суда (отъ правительства есть два совѣтника); въ крестьянскомъ отдѣленіи—мѣсто секретаря, въ ландгерихтахъ дворянству принадлежатъ всѣ мѣста (ландрихтеръ, два ассессора и секретарь). Въ уѣздныхъ крестьянскихъ судахъ мѣста предсѣдателя, дворянскихъ засѣдателей и секретарей. Сверхъ того дворянство выбираетъ приходскихъ судей и субститутовъ. Въ городахъ всѣ судебныя мѣста состоятъ изъ бургомистровъ и ратгерровъ, т. е. членовъ магистрата. Въ Эстляндіи оберъ-ландгерихтъ состоитъ изъ 12 членовъ ландратской коллегіи (всѣ изъ дворянъ). Самъ оберъ-ландгерихтъ замѣщаетъ всѣ должности въ немъ; нидеръ-ландгерихтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства изъ трехъ манрихтеровъ и шести ассессоровъ мангерихтовъ и четырехъ гакенрихтеровъ. Секретарь нидеръ-ландгерихта, манрихтеры и гакенрихтеры всѣ отъ дворянства и исключительно изъ коренныхъ дворянъ. Въ Курляндіи дворянству принадлежатъ всѣ мѣста членовъ оберъ-гофгерихта. Чиновники опредѣляются самимъ судомъ. Оберъ-гауптманскіе суды состоятъ изъ предсѣдателей и ассессоровъ изъ дворянъ; секретари и прочіе чиновники избираются самимъ судомъ изъ дворянъ или литератовъ. Гауптманскіе суды состоятъ изъ одного гауптмана и двухъ ассессоровъ. Всѣ эти люди должны быть изъ коренныхъ дворянъ. — Въ крестьянскихъ судахъ дворянство замѣщаетъ предсѣдателей и ассессоровъ. Въ городахъ судъ и расправу творятъ магистраты. Гдѣ же тутъ, спрашивается, возможность непривилегированнымъ участвовать въ судѣ. Нужно, конечно, имѣть необыкновенное хладнокровіе, чтобы и здѣсь утверждать, что участіе въ судѣ доступно всѣмъ, а не въ рукахъ однихъ привилегированныхъ.

Однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ мы отвѣчали на самые простые вопросы: *нѣтъ*, С.-Петербургская нѣмецкая газета силится отвѣчать: *да*, но за каждымъ да у нея непремѣнно слѣдуетъ wenn.

Противники наши, ратующіе съ постояннымъ wenn и aber, задаютъ намъ, между прочимъ, вопросъ. Мы и здѣсь будемъ снисходительны и отвѣтимъ, хотя эти вопросы столь же благонамѣренны и логичны, какъ и предыдущія возраженія. Насъ спрашиваютъ, чего мы хотимъ,—требуютъ отъ насъ программы. Всякій, читавшій наши статьи, знаетъ, чего мы хотимъ, кромѣ развѣ тѣхъ, кто не желаетъ этого знать или находитъ удобнымъ находить въ нихъ, какъ напримѣръ либеральная и просвѣщенная Ревельская газета, находящая въ себѣ необыкновеннымъ достоинствомъ, что она живетъ

душа въ душу, съ своими привилегированными нѣмецкими читателями. Русское общество желаетъ, чтобы въ Остзейскомъ краѣ не стѣсняли русскихъ. Оно желаетъ отмѣны безчисленныхъ wenn и aber, укрѣпляющихъ доводы нашихъ противниковъ и устанавливающихъ неравенство и, слѣдовательно, раздраженіе между племенами. Оно желаетъ, чтобы одна десятая балтійскаго населенія, состоящая изъ привилегированныхъ нѣмцевъ, перестала бы, наконецъ, дразнить остальныя девять десятыхъ и всю Россію и лжелиберальничать на фразахъ и обѣщаніяхъ, рисуясь предъ заграничною публикою и передъ русскимъ правительствомъ и обходя всякую попытку къ серьезному улучшенію. Вотъ программа, которой не сочувствуютъ развѣ только поборники феодализма и застоя, или люди, не понимающіе смысла постоянной агитаціи въ Остзейскомъ краѣ, глухіе къ жалобамъ и потребностямъ народа, взывающаго давно уже къ Россіи о помощи.

Еще болѣе возмущало русскую прессу положеніе православныхъ въ Остзейскомъ краѣ. Тамъ происходили возмутительныя вещи на глазахъ русской администраціи, не обращавшей ни малѣйшаго вниманія на дерзкія выходки лютеранъ.

Положеніе православныхъ въ Остзейскомъ краѣ было крайне тяжелое. Это народъ бѣдный, окруженный со всѣхъ сторонъ лютеранами, людьми богатыми и сильными: судьи, помѣщики, арендаторы, управляющіе, писаря всѣ почти лютеране. Эта многочисленная и сильная масса лютеранъ, среди которыхъ живутъ православные, не любитъ, даже ненавидитъ православныхъ. Главные противники православныхъ, разумѣется, пасторы, духовный и матеріальный интересъ которыхъ сильно страдаетъ отъ перехода прихожанъ въ православіе. Понятно, что пасторы всѣми мѣрами стараются не дать усиливаться православію. Они обыкновенно внушаютъ сильнымъ и вліятельнымъ лютеранамъ враждебный образъ дѣйствій относительно православія. Можно сказать, что вся масса лютеранъ тяжелымъ гнетомъ давитъ православныхъ. Здѣсь даже не называютъ православную вѣру православною, а только русскою. И не мало было возбуждено дѣлъ, но всегда нѣмцы оставались правы; самое слово русскій здѣсь считается униженіемъ.

Православную вѣру лютеране называютъ идолопоклонствомъ. Стоитъ только прочесть записки православнаго латыша Индрика Страумита, чтобы придти въ ужасъ отъ тѣхъ жестокостей, которыя употребляли помѣщики и пасторы, чтобы уничтожить стремленія латышей къ переходу въ православіе, начавшіяся въ 1840 годахъ. Увѣривъ правительство, что латыши бунтуютъ, они широко воспол-

зовались русскою властью, которая давала имъ полномочія на всякаго рода экзекуціи.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени, а между тѣмъ православные подвергаются по-прежнему всякаго рода оскорбленіямъ, и въ шестидесятыхъ годахъ происходили всякія безчинства. Но русскіе государственные дѣятели въ родѣ князя Суворова, Альбединскаго, Валуева, графа Шувалова, не только ничего не видали сами, но жестоко преслѣдовали русскую прессу, которая открывала имъ глаза на остзейскіе безпорядки, запрещая и закрывая газеты, отстаивавшія русскіе интересы. Только „Московскія Вѣдомости" и „Русскій Инвалидъ", находившіеся въ исключительномъ положеніи, позволяли себѣ указывать на остзейскіе порядки; всѣ же другія, какъ Петербургскія, такъ и Московскія газеты терпѣли всякія кары вплоть до закрытія".

Между тѣмъ въ Венденѣ произошелъ возмутительный случай. Тамъ послѣ крещенскаго водосвятія лютеране выкачали на мостовую всю воду изъ колодца. По этому поводу въ газетѣ „Москва", помимо разсказаннаго случая, было сказано о притѣсненіяхъ, которыя встрѣчаютъ православные, о поношеніи православной религіи съ церковныхъ каѳедръ и проч.

По этому поводу мнѣ пришлось бесѣдовать съ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ. Однажды при моемъ докладѣ Дмитрій Алексѣевичъ спросилъ меня, знаю ли я Валуева, и на отвѣтъ мой, что я знаю его только въ лицо, онъ прибавилъ:

— Ну, такъ вамъ придется познакомиться съ нимъ покороче.

— По какому же случаю?

— Весьма для васъ лестному. Онъ просилъ меня напечатать въ „Инвалидѣ" возраженія на нѣкоторыя газетныя статьи по поводу остзейскихъ происшествій.

— Но почему же непремѣнно въ „Инвалидѣ", а не въ „Сѣверной Почтѣ"?

— Я ему предложилъ тотъ же вопросъ, но онъ мнѣ сказалъ, что публика болѣе повѣритъ, если это будетъ напечатано въ „Инвалидѣ". Вамъ необходимо съ нимъ повидаться и условиться на счетъ статьи; но имѣйте въ виду крайнюю осторожность, чтобы какими-либо неточностями не скомпрометтировать себя.

Получивъ такую инструкцію на счетъ осторожности, я предпочелъ помимо предстоящаго разговора запастись запискою, въ которой указалъ, что я желаю, для того, чтобы статья была напечатана въ газетѣ, и чтобы на всякое указаніе газеты „Москва" было опроверженіе, основанное на фактахъ, а не на одних словахъ.

Содержаніе заготовленной мною записки для П. А. Валуева было слѣдующее:

„Главные доводы, на которые опираются разсужденія газеты „Москва“, суть слѣдующіе:

1. Когда въ 40-хъ годахъ между эстами и латышами возникло стремленіе къ православію, то правительство, введенное въ заблужденіе мѣстными властями, состоящими изъ помѣщиковъ-лютеранъ, употребило съ своей стороны самыя крутыя и жестокія мѣры, чтобы не только задержать это стремленіе, но совершенно его задушить.

2. Всякое стремленіе къ православію встрѣчаетъ со стороны мѣстныхъ властей самыя сильныя притѣсненія.

Какъ доказательство приводится въ газетѣ случай съ крестьяниномъ Бендерономъ, который за принятіе имъ православія будто бы былъ призываемъ къ суду, и хотя не обвиненъ, но судился за совращеніе въ православіе.

3. Православная религія поносится и въ печати и съ церковныхъ каѳедръ.

Въ доказательство приводится сочиненіе Кальценаускаго пастора Дебнера, который въ сочиненіи своемъ называетъ православную религію суевѣріемъ и невѣжествомъ.

4. Обряды православной религіи профанируются.

Въ доказательство приведенъ случай, бывшій въ городѣ Венденѣ, гдѣ тотчасъ же послѣ водосвятія при колодцѣ, въ присутствіи еще не разошедшейся толпы народа, была подвезена пожарная труба, посредствомъ которой только что освященная вода была выкачена изъ колодца на мостовую.

5. Всякое дѣйствіе, служащее къ поддержанію и распространенію православія, встрѣчаетъ со стороны правительства крайнее стѣсненіе.

Какъ доказательство того приводится то обстоятельство, что издававшійся при Рижской духовной православной семинаріи журналъ „Училище Благочестія“ былъ отданъ подъ цензуру частнаго пристава лютеранина Шмидта.

Опровергать первый доводъ о крутыхъ мѣрахъ, принятыхъ противъ желавшихъ перейти въ православіе, врядъ ли было бы теперь удобно, если принять во вниманіе, что факты по этому дѣлу уже давно были напечатаны и оставались неопровергнутыми.

Точно также весьма осторожно можно говорить противъ 3-го пункта, поношенія православной религіи посредствомъ сочиненій и церковныхъ проповѣдей. Объ этомъ въ послѣднее время говорилось весьма много и горячо принималось русскою публикою. Печать представила много фактическихъ доказательствъ на этотъ счетъ,

указавъ въ буквальномъ переводѣ подобныя проповѣди и сочиненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ печатно же была доказана безнаказанность подобныхъ дѣйствій. Все это никѣмъ не было опровергнуто и потому въ глазахъ всей читающей публики получило характеръ безусловной истины.

Затѣмъ казалось бы необходимымъ, опровергнувъ фактически остальные доводы статьи, привести истинныя данныя, которыя бы ясно и неопровержимо доказали, что русское правительство не только никогда не тормозило дѣло распространенія православія въ Прибалтійскомъ краѣ, но напротивъ всегда поддерживало его какъ нравственно, назначая въ край наиболѣе развитыхъ и дѣльныхъ священнослужителей, оказывая покровительство обращеннымъ, защищая ихъ отъ притѣсненій помѣщиковъ, пасторовъ и пр., такъ и матеріально устраивая приличныя православныя церкви, назначая обезпеченное денежное содержаніе священникамъ, учреждая духовныя семинаріи, училища для новообращенныхъ, поддерживая и развивая церковныя братства и пр.“.

Подготовившись такимъ образомъ къ бесѣдѣ съ человѣкомъ, который, какъ всѣмъ было извѣстно, отличался, если не истиннымъ краснорѣчіемъ, то по крайней мѣрѣ напыщеннымъ щегольствомъ рѣчи, я отправился съ запискою въ карманѣ въ домъ министерства внутреннихъ дѣлъ противъ Александринскаго театра. Въ нижнемъ этажѣ этого дома я нашелъ П. А. Валуева за длиннымъ письменнымъ столомъ. При входѣ моемъ онъ поднялся съ кресла и, величаво протянувъ руку, указалъ на стулъ, стоявшій противъ него. Я сѣлъ.

— Очень радъ, полковникъ, началъ П. А. Валуевъ, что Дмитрію Алексѣевичу угодно было познакомить меня въ вами. Можете быть увѣрены, что съ моей стороны вы встрѣтите полное содѣйствіе къ разъясненію фальшиво поднятаго вопроса объ Остзейскомъ краѣ.

— Но, Ваше Превосходительство, общественное мнѣніе, попробовалъ я скромно вставить свою фразу.

— Общественное мнѣніе, полковникъ, руководствуется у насъ прессою, а пресса есть орудіе обоюдуострое. Къ сожалѣнію, наша пресса вовсе не выражаетъ общественнаго мнѣнія, и напрасно она придаетъ себѣ слишкомъ большое значеніе. Вотъ, хотя бы въ данномъ вопросѣ объ Остзейскомъ краѣ. Чего только не наговорила русская пресса о порядкахъ въ томъ краѣ, чего она не прозрѣла въ тамошнихъ яко-бы попущеніяхъ русскаго правительства въ дѣлахъ управленія и въ дѣлахъ религіи. А между тѣмъ все это полнѣйшій вздоръ.

Такъ какъ, говоря это, онъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, то я

принялъ этотъ выговоръ русской прессѣ на свой счетъ, припоминая статьи „Русскаго Инвалида" противъ остзейскихъ порядковъ, и въ то же время думалъ про себя. „А что бы Вы, Ваше Превосходительство, заговорили, если бы узнали, что статьи эти прочитаны Государемъ и одобрены для напечатанія въ газетѣ. Неужели по Вашему мнѣнію это тоже полнѣйшій вздоръ".

— Выдумывать о какомъ-то сепаратизмѣ въ Остзейскомъ краѣ— продолжалъ П. А. Валуевъ,—можетъ только русская пресса, не понимая того, что Россія есть ядро гомогенное, окруженное ядрами гетерогенными и одаренная силою не центробѣжною, но центростремительною...

Выкинувъ такую фразу, онъ продолжалъ:

— И такъ, полковникъ, я къ вашимъ услугамъ. Что прикажете?

— Я бы желалъ, Ваше Превосходительство, получить нѣкоторые документы, которые бы фактически опровергали напечатанныя свѣдѣнія въ газетѣ „Москва".

При этихъ словахъ П. А. Валуевъ выдвинулъ изъ стола ящикъ, вынулъ оттуда связку ключей и, положивъ ихъ передо мною, сказалъ, указывая рукою на шкафы, стоящіе по стѣнамъ.

— Вотъ здѣсь, полковникъ, находятся секретныя дѣла министерства, они будутъ въ полномъ вашемъ распоряженіи.

Это окончательно поразило меня. Почему, подумалъ я, этотъ безусловно умный человѣкъ играетъ такую странную роль передъ какимъ-то полковникомъ. Можетъ быть, никакихъ секретныхъ дѣлъ въ шкафахъ и нѣтъ, а это сказано просто для эффекта, наконецъ, онъ не могъ не знать, что я не позволю себѣ рыться въ чужомъ министерствѣ.

— Я очень благодаренъ Вашему Превосходительству за довѣріе, но считаю совершенно неудобнымъ пользоваться лично матеріалами. Я полагаю совершенно достаточнымъ, если Ваше Превосходительство поручите Вашему чиновнику отвѣтить на вопросы, изложенные въ этой запискѣ.

При этомъ я вынулъ изъ кармана вышеизложенную записку.

— Прекрасно,—сказалъ Валуевъ и началъ читать записку.

Прочитавъ, онъ сказалъ:—Благодарю васъ, полковникъ, все будетъ сдѣлано по вашему желанію.

И мы разстались.

Черезъ нѣкоторое время я, дѣйствительно, получилъ свою записку обратно, при чемъ нашелъ на ней помѣтки Валуева. Такъ по поводу перваго пункта моей записки онъ написалъ: „Напрасно

говорится о 40-хъ годахъ и умалчивается о 45-хъ, въ которыхъ все прекратилось".

Но надо замѣтить, что прекратилось потому, что помѣщиками и пасторами были употреблены, при содѣйствіи русскаго правительства, такія мѣры, которыя напоминали герцога Альбу въ Нидерландахъ.

Противъ 3-го пункта Валуевъ помѣтилъ: „Ссылка не точна, и Дебнеръ отрѣшенъ отъ благочинія. Другія поношенія никогда не были терпимы правительствомъ".

Противъ остальныхъ пунктовъ онъ потребовалъ справокъ.

Вслѣдъ затѣмъ я началъ получать фактическія доказательства на счетъ истиннаго положенія дѣлъ.

Прежде всего я получилъ маленькую записку отъ П. А. Валуева слѣдующаго содержанія:

„О происшествіи въ Венденѣ не имѣется никакого извѣстія въ министерствѣ в. д. Архіепископъ, повидимому, не сообщилъ о немъ. Генералъ-губернаторъ спрошенъ.

„Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что нигдѣ не терпится и не было терпимо нарушеннаго неуваженія къ православію, и что стараніе обобщить Венденское приключеніе есть политическій пріемъ весьма не разборчивый въ такомъ дѣлѣ.

„Мнимая отдача подъ цензуру архіепископа заключается въ томъ, что, при незнаніи имъ мѣстныхъ нарѣчій, генералъ-губернаторъ находилъ неудобнымъ разрѣшить изданіе народнаго журнала на этихъ нарѣчіяхъ, внѣ общей цензуры, подъ цензурою однихъ православныхъ священниковъ. Съ этимъ согласились оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода и министръ внутреннихъ дѣлъ".

Кромѣ того, П. А. Валуевымъ мнѣ были присланы двѣ записки лифляндскаго жандармскаго штабъ-офицера для прочтенія съ просьбою возвратить ихъ.

Въ то же время я получилъ письмо изъ департамента иностранныхъ исповѣданій слѣдующаго содержанія.

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

По порученію министра внутреннихъ дѣлъ имѣю честь препроводить къ Вамъ при семъ копію съ отношенія къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода по дѣлу пастора Дебнера, которая не была вамъ своевременно передана. Господинъ министръ полагаетъ, что сущность этой бумаги могла быть помѣщена въ „Русскомъ Инвалидѣ" въ формѣ простого извѣстія независимо отъ статьи.

Пользуюсь случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать Вамъ, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

Аничковъ.

При письмѣ была приложена слѣдующая копія съ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода.

Вслѣдствіе соглашенія моего съ Вашимъ Сіятельствомъ по дѣлу объ изданіи пасторомъ Дебнеромъ сочиненія на латышскомъ языкѣ „Исторіи Христіанской вѣры" и неумѣстномъ объявленіи объ изданіи 3-й части сего сочиненія въ латышскомъ журналѣ Маріа Weesis № 50, отъ 12 декабря 1866 года предложено мною 8-го сего марта генеральной консисторіи: 1) Уволить пастора Дебнера отъ должности пробста и воспретить ему дальнѣйшее изданіе сочиненій религіознаго характера на народномъ латышскомъ или эстскомъ языкѣ; 2) сдѣлать Лифляндской консисторіи замѣчаніе за одобреніе къ печати вышеозначеннаго сочиненія, безъ обращенія вниманія на направленіе сего сочиненія и 3) независимо отъ общаго замѣчанія консисторіи подвергнуть выговору того изъ членовъ ея, на котораго было возложено разсмотрѣніе означеннаго сочиненія Дебнера и по докладу котораго оно одобрено къ печати.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено генеральной консисторіи учинить надлежащее распоряженіе къ представленію на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ двухъ кандидатовъ на вакансію пробста Венденскаго округа на мѣсто увольняемаго отъ сей должности пастора Дебнера.

Когда, такимъ образомъ, получены были всѣ справки и въ случаѣ неточности ихъ отвѣтственность не падала на „Русскій Инвалидъ", въ газетѣ была напечатана разъяснительная статья, послѣ чего я получилъ отъ П. А. Валуева слѣдующую записку:

„Въ статьяхъ разныхъ газетъ о православной церкви въ Лифляндіи часто упоминается о бѣдности мѣстныхъ храмовъ и т. п. Они дѣйствительно въ незавидномъ состояніи, но нельзя винить въ этомъ правительство. У насъ много говорятъ объ обществѣ, и много говоритъ само общество, но дѣлаетъ оно немного. Правительство израсходовало на Рижскую епархію со времени ея учрежденія 2.700.000 рублей и кромѣ того 600.000 рублей спеціально на разныя постройки. Эти цифры въ сравненіи съ общею суммою издержекъ по духовному вѣдомству на огромномъ пространствѣ Россіи весьма значительны.

„Считаю не лишнимъ сообщить Вамъ эту справку и пользуюсь случаемъ, чтобы выразить Вамъ мои чувства совершеннаго почтенія и преданности.

Валуевъ.

„П. П. То же явленіе повторяется и по дѣламъ римско-католической церкви. Послѣ 1831 года закрыто болѣе 360 монастырей, отобрано 5.160.000 рублей капиталовъ и недвижимыя имѣнія съ населеніемъ 115 тысячъ душъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, мы до сихъ поръ слышимъ прежніе отзывы о благолѣпіи римско-католическихъ храмовъ и бѣдности нашихъ.

П. П. 2. Прошу принять выраженіе всей моей благодарности за нынѣшній „entre filets“ въ „Инвалидѣ“.

Это было получено послѣ статьи, помѣщенной въ газетѣ и составленной на основаніи полученныхъ документовъ.

Мятежъ въ Польшѣ, начавшійся въ началѣ 1863 года, разгорался все болѣе, несмотря ни на какія уступки со стороны русскаго правительства. Напротивъ, онъ усиливался по мѣрѣ дѣлаемыхъ уступокъ какъ съ гражданской, такъ и съ военной стороны. Намѣстники, кромѣ временно бывшаго Сухозанета, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, совершенно растерялись и, несмотря на многія указанія со стороны самого Государя, не исполняли Высочайшаго повелѣнія. Всѣ они находились подъ вліяніемъ поляковъ и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Велепольскаго, который, пользуясь оказаннымъ ему довѣріемъ, проектировалъ такія льготы Польшѣ, о которыхъ остальная Россія и думать не могла. По этому проекту, сочиненному Велепольскимъ и утвержденному Государемъ, Польша фактически становилась независимою отъ Россіи. И все это утверждалось русскимъ правительствомъ, которое не видѣло или не хотѣло видѣть, что утвержденный проектъ велъ къ той же цѣли, къ какой стремились и мятежники. Къ счастью Россіи поляки не поняли или тоже, какъ и русскіе, не хотѣли понять игры Велепольскаго и, несмотря на дарованныя имъ милости, продолжали прежнія революціонныя безчинства.

Нельзя не отмѣтить при этомъ, что обо всѣхъ этихъ измѣненіяхъ въ Царствѣ Польскомъ извѣщались иностранныя государства, точно будто Польша не составляла нераздѣльной части Россіи и въ своихъ внутреннихъ, такъ сказать, домашнихъ дѣлахъ подлежала суду европейскихъ державъ. Не это ли заискиваніе нашего министерства иностранныхъ дѣлъ послужило поводомъ къ тѣмъ дипломатическимъ нотамъ, въ которыхъ съ такою безцеремонностью давались Россіи разные непрошенные совѣты.

Если можно только съ горечью говорить о томъ гражданскомъ строѣ, который господствовалъ въ Польшѣ, благодаря русскимъ намѣстникамъ, то не менѣе тяжко вспомнить о томъ униженіи, которому, благодаря тѣхъ же намѣстниковъ, подвергались войска.

Не было такихъ униженій и оскорбленій, которымъ бы не подвергались войска со стороны польскихъ мятежниковъ: на войска плевали одиночные люди, какъ это теперь происходитъ въ Финляндіи, поносили, оскорбляли цѣлыми толпами, дѣйствуя иногда оружіемъ, и убивали полицейскихъ. И все это войска выносили со злостью въ сердцѣ, повинуясь властямъ, которыя ничего этого не хотѣли видѣть и не желали остановить безобразія. Но все это кончилось съ назначеніемъ графа Берга намѣстникомъ, а Н. А. Милютина начальникомъ гражданской власти.

Н. А. Милютинъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ и довѣреннымъ лицомъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского. По удаленіи А. И. Левшина въ 1859 году Ланской представилъ Милютина на должность товарища. Однако Государь, хотя не зналъ Милютина лично, но слышалъ, что онъ слыветъ за либерала, долго не соглашался на это назначеніе. Государь слышалъ, будто Милютинъ страшный врагъ дворянъ и поборникъ крестьянскихъ интересовъ. Въ концѣ концовъ, однако Государь уступилъ Ланскому, назначивъ Милютина временно товарищемъ министра.

Принимая Милютина при вступленіи его въ должность, Государь не скрылъ отъ него, что въ обществѣ его считаютъ едва-ли не за революціонера и что, соглашаясь на его назначеніе, онъ желалъ дать ему возможность оправдаться въ этомъ нареканіи [1]). Конечно, распустить въ придворныхъ сферахъ такой слухъ о Милютинѣ могли тѣ лица, которыя стояли за крѣпостное право, за олигархію дворянства и за остзейскіе и польскіе порядки. На сторонѣ Милютина были только Абаза, Головнинъ, Рейтернъ и князь Оболенскій. Правда, это было немного по числу, но за то на его сторонѣ была большая сила въ лицѣ умной Великой Княгини Елены Павловны, горячо сочувствовавшей всѣмъ благимъ начинаніямъ Царя-Освободителя. Она дѣятельно поддерживала Милютина, выражала ему сочувствіе и оказывала свое покровительство. Неоднократно она заступалась за него передъ самимъ Государемъ.

Надо замѣтить, что она не совѣтовала Милютину принимать предлагаемое ему мѣсто. Того же мнѣнія держался и Великій Князь Константинъ Николаевичъ, который былъ того мнѣнія, что во

---

[1]) Татищевъ.

главѣ правительства въ Царствѣ Польскомъ долженъ быть не русскій, а полякъ.

По окончаніи своихъ работъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ Н. А. Милютинъ, со свойственнымъ ему умомъ и энергіею, принялся за реформы въ Царствѣ Польскомъ.

Лѣтомъ 1863 года онъ былъ вызванъ изъ-за границы, и Государь, несмотря на отказъ съ его стороны, поручилъ ему огромной важности дѣло—введеніе въ Царствѣ Польскомъ капитальныхъ реформъ. При этомъ Императоръ Александръ Николаевичъ изложилъ Милютину свои главныя мысли. Онъ говорилъ, что несмотря на примирительную систему, которой онъ постоянно держался, онъ окончательно убѣдился, что не достигнетъ примиренія между русскими и поляками, несмотря на всѣ уже сдѣланныя уступки. Поэтому остается одно только средство привлечь къ русскому престолу сердце польскихъ крестьянъ, ибо помѣщики и шляхта непримиримы, крестьяне же, несмотря на личную свободу, находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи, состоя въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ были водворены.

Отпуская Милютина, Государь изъявилъ ему милостивое довѣріе и сказалъ, что онъ предоставляетъ ему полную свободу дѣйствій. Результатъ Милютинскихъ дѣйствій, съ соизволенія Государя, выразился фактическимъ освобожденіемъ крестьянъ, съ надѣломъ ихъ землею, и дарованіемъ независимаго отъ помѣщиковъ суда и устройства учебной части. Всѣ руководящія статьи по этому вопросу, составленныя Гильфердингомъ, Кояловичемъ и Ѳеоктистовымъ, подъ непосредственною редакціею самого Милютина, тотчасъ же печатались въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и такимъ образомъ дѣлались достояніемъ публики, имѣвшей возможность оцѣнивать дѣйствія правительства.

Русское общество ожило и увидѣло, что правительство поняло наконецъ свое униженіе и рѣшилось принять энергическія мѣры для водворенія порядка въ краѣ, гдѣ благодаря Велепольскому и слабымъ намѣстникамъ, Царство Польское едва не отдѣлилось отъ Россіи на законномъ основаніи.

Но если въ Россіи были довольны дѣйствіями правительства, за границею поднялась цѣлая буря. Общественное мнѣніе, возбужденное прессою, негодовало и громко требовало вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи. Къ счастью, на этотъ разъ нашлись люди, отстоявшіе честь и достоинство Россіи, съ соизволенія Государя, давшіе внушительный отпоръ Франціи и Англіи.

Принятіе ихъ предложеній равносильно было бы признанію за ними права вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла, отверженіе

могло повести къ дипоматическому разрыву и даже къ войнѣ, какъ предупреждали о томъ русскіе дипломаты въ своихъ донесеніяхъ. Взвѣсивъ обѣ случайности, Императоръ Александръ не поколебался подчинить всѣ прочія соображенія сознанію державнаго достоинства Россіи. Прежде чѣмъ подписать: „быть посему" на представленныхъ вице-канцлеромъ проектахъ отвѣтовъ на имя нашихъ представителей въ Лондонѣ, Парижѣ и въ Вѣнѣ, Государь перекрестился и, передавая ихъ князю Горчакову, твердо и рѣшительно произнесъ [1]: Vogue la galère.

√Въ числѣ протестующихъ оказался и папа римскій. Онъ съ самаго начала возстанія въ Польшѣ проявилъ сочувствіе полякамъ и оказывалъ имъ всевозможныя поощренія. Наконецъ, онъ обратился съ личнымъ письмомъ къ Государю, въ которомъ жаловался на положеніе римско-католической церкви въ краѣ, на терпимыя ею притѣсненія и требовалъ для себя права непосредственно сноситься, внѣ всякаго правительственнаго контроля, съ мѣстными епископами, а для духовенства—возстановленія его вліянія на народное образованіе.√

Императоръ Александръ отвѣчалъ римскому первосвященнику письмомъ, въ которомъ упрекамъ его противупоставилъ обвиненіе духовныхъ лицъ въ соучастіи въ мятежѣ, въ вызванныхъ имъ безпорядкахъ и даже въ совершенныхъ преступленіяхъ. „Этотъ союзъ пастырей церкви", писалъ Государь, „съ виновниками безпорядковъ, угрожающихъ обществу—одно изъ возмутительнѣйшихъ явленій нашего времени. Ваше Святѣйшество должны не менѣе меня желать его прекращенія". Письмо это заключалось слѣдующими словами Государя: „Я увѣренъ, что прямое соглашеніе моего правительства съ правительствомъ Вашего Святѣйшества, на основаніи заключеннаго между нами конкордата, вызоветъ желанный мною свѣтъ, при которомъ разсѣются недоразумѣнія, порожденныя ошибочными или злонамѣренными донесеніями, и не преуспѣетъ дѣло политическаго порядка и религіозныхъ интересовъ, нераздѣльныхъ въ такое время, когда и тому и другимъ приходиться обороняться отъ нападеній революціи. Всѣ дѣйствія моего царствованія и заботливость моя о духовныхъ нуждахъ моихъ подданныхъ всѣхъ исповѣданій служитъ залогомъ чувствъ, одушевляющихъ меня въ этомъ отношеніи".

Въ числѣ другихъ вопросовъ Милютинъ коснулся весьма важнаго вопроса о католическихъ монастыряхъ въ Царствѣ Польскомъ. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, выяснилось,

[1]) Татищевъ.

что во всѣхъ волненіяхъ и преступленіяхъ принимало дѣятельное участіе католическое духовенство; во многихъ костелахъ и монастыряхъ найдены были склады оружія и прокламацій. Въ виду этого рѣшено было закрыть тѣ изъ монастырей, которые существовали не на законномъ основаніи, вопреки каноническихъ правилъ.

Когда въ принципѣ вопросъ былъ конченъ, то, по желанію Н. А. Милютина, рѣшено было, не оглашая самаго рѣшенія правительства, приступить къ подготовленію общественнаго мнѣнія къ этому событію. Съ этою цѣлью составленіе статей поручено было Гильфердингу, Кояловичу и Θеоктистову. Статья Кояловича по поводу описанія дѣйствій извѣстнаго Кунцевича была представлена предварительно Государю. По этому случаю, я получилъ слѣдующую записку отъ Д. А. Милютина.

„Возвращая при семъ корректурный оттискъ статьи г. Кояловича съ двумя собственноручными отмѣтками Государя Императора, покорнѣйше прошу Васъ, Сергѣй Павловичъ, исправить всѣ тѣ мѣста, гдѣ прямо приписываются самому Папѣ неблаговидныя дѣйствія. Можно сказать совершенно то же самое, только избѣгнувъ наименованія Папы".

Д. Милютинъ.

12 декабря.

По поводу той же статьи я получилъ слѣдующую записку отъ Н. А. Милютина.

„Позвольте обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь Сергѣй Павловичъ, съ покорнѣйшею просьбою, доставить мнѣ, если можно № 277 „Русскаго Инвалида" (статью о Іосафатѣ Кунцевичѣ). Желательно бы объ этомъ господинѣ тиснуть статейку во французскихъ газетахъ, чѣмъ мы нынѣ занимаемся".

Искренно преданный
Н. Милютинъ.

1 мая 1865 г.

Предстоящее закрытіе монастырей, какъ сообщилъ мнѣ Николай Алексѣевичъ, требовало величайшей тайны. Рѣшено было, чтобы русская публика узнала объ этомъ событіи изъ газеты въ то утро, когда въ ночь, въ Царствѣ Польскомъ уже свершалось закрытіе монастырей. Это очень озабочивало Николая Алексѣевича, и потому ему пришлось обратиться ко мнѣ съ разными личными указаніями и письмами. Такъ отъ 2 ноября онъ писалъ:

„Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

Спѣшу препроводить къ Вамъ полученную изъ Варшавы и частью мною исправленную корректуру нашего отчета по польскому крестьянскому дѣлу. Нужно бы было еще одну корректуру для окончательнаго просмотра. Пожалуйста доставьте мнѣ ее, если можно въ двухъ экземплярахъ. При этомъ можно бы раздѣлить отчетъ на нѣсколько частей по числу №№, въ которые Вы его предназначаете. Впрочемъ, на этихъ дняхъ потребуется отпечатать весьма длинные оффиціальные документы, о чемъ намъ необходимо предварительно условиться. Не признаете ли возможнымъ переговорить со мною на этихъ дняхъ. Между 12 и 3 часами я буду дома. Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, требуетъ особенной тайны.

Надѣюсь до скораго свиданія“

Искренно преданный
Н. Милютинъ.

Сохраненіе въ тайнѣ вопроса о предстоящемъ закрытіи монастырей особенно озабочивало Н. А. Милютина потому, какъ объяснилъ онъ мнѣ, что нужно было предупредить появленіе какихъ бы то ни было слуховъ объ этомъ предметѣ, какъ здѣсь, такъ и въ заграничной прессѣ.

— Указы по этому случаю будутъ очень большіе; прибавьте къ тому разъяснительныя статьи, и Вы увидите, какъ трудно будетъ сохранить до времени тайну, если все это будетъ лежать въ наборѣ въ типографіи.

— Но все это можно подготовить заранѣе, не давать въ типографію всего матеріала разомъ. Я дамъ въ типографію матеріалъ безъ начала и безъ конца, а отчасти и безъ середины; когда же получу разрѣшеніе печатать, то будетъ набрано и напечатано и все остальное, отвѣчалъ я.

Такъ и было сдѣлано. Петербургская публика узнала объ этомъ событіи, когда въ Варшавѣ уже всѣ монастыри были закрыты и опечатаны.

Вмѣстѣ съ указами подготовлялись и разъяснительныя редакціонныя статьи, которыя, по порученію Милютина, писалъ А. Ѳ. Гильфердингъ.

По поводу ихъ Николай Алексѣевичъ 3 сентября писалъ:

„Вотъ исправленная статья, которую предполагается напечатать вмѣстѣ съ извѣстными оффиціальными актами. Не знаю, когда статсъ-секретаріатъ ихъ окончательно изготовитъ для печати, но полагаю, что это не замедлится.

Моя убѣдительная просьба: пустить эту статью тотчасъ по полученіи указовъ и доставить мнѣ хоть дюжину отдѣльныхъ оттисковъ. Если почему-либо это замедлится, то нельзя ли не позже воскресенья (вечеромъ) прислать мнѣ хотя корректуру прилагаемой статьи (экз. 3 или 4), такъ какъ въ понедѣльникъ у меня будетъ случай послать ее, для руководства, нѣкоторымъ заграничнымъ корреспондентамъ".

Преданный
Н. Милютинъ.

3 сентября.

Опубликованіе этихъ документовъ было отсрочено, кажется, даже не одинъ разъ. По этому поводу я опять получилъ увѣдомленіе отъ Н. А. Милютина.

„Публикація извѣстныхъ документовъ отсрочивается, и дня ея опредѣлить еще не могу, тѣмъ тщательнѣе нужно соблюдать глубокую тайну, о чемъ убѣдительнѣйше прошу распорядиться по редакціи и типографіи.

Докладъ вѣроятно уже набирается, и я ожидаю корректуры. Сдѣлайте одолженіе увѣдомить меня, когда именно я могу разсчитывать на полученіе корректуры? Если же въ наборъ еще не отдано, то нельзя ли возвратить мнѣ оригиналы для исправленія нѣкоторыхъ собственныхъ именъ.

Когда день для обнародованія будетъ окончательно избранъ, то я доставлю Вамъ статью А. Ѳ. Гильфердинга вмѣстѣ съ другими документами, вѣроятно въ срединѣ будущей недѣли.

Позвольте напомнить Вамъ мою просьбу: статью Гильфердинга, по отпечатаніи въ Инвалидѣ, доставить мнѣ, въ отдѣльныхъ оттискахъ въ количествѣ 500 экз. Что касается до оттисковъ другихъ документовъ, то объ этомъ я сообщу Вамъ особо.

Если Вамъ угодно будетъ переговорить со мною, то завтра утромъ буду дома".

Искренно преданный
Н. Милютинъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій я получилъ отъ Д. А. Милютина записку: „Ожидаемые указы и приказы получены. Пожалуйста примите зависящія отъ Васъ мѣры къ своевременному напечатанію ихъ.

Не позабудьте о рескриптѣ?"

Въ то же время Дмитрій Алексѣевичъ писалъ мнѣ:

„Братъ проситъ Васъ, Сергѣй Павловичъ, прислать ему, если

можно, сегодня же три оттиска статьи, приготовленной по поводу указовъ, такъ какъ есть случай отправить къ отъѣзжающимъ въ Парижъ, дабы статья эта скорѣе появилась въ „le Nord“ и другихъ доброжелательныхъ парижскихъ газетахъ“.

Д. Милютинъ.

6 сентября.

Опубликованіе указовъ о закрытіи монастырей въ Польшѣ произвело большой шумъ въ наполеоновской Франціи. Объ этомъ я былъ извѣщенъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ слѣдующею запискою:

„Указъ о закрытіи монастырей въ Польшѣ напечатанъ въ „Монитерѣ“ въ совершенно искаженномъ видѣ. Прибывшіе изъ Петербурга №№ газетъ, заключавшіе въ себѣ эти указы, были въ Парижѣ запрещены, такъ что „le Nord“ объявилъ, что не можетъ напечатать подлинныхъ указовъ. Всѣ французскія газеты получили mot d'ordre выставлять распоряженія Русскаго Правительства какъ новое насиліе; „штатные“ монастыри названы couvents d'Etat, т. е. какъ бы казенными. Однимъ словомъ, французское правительство высказало при этомъ случаѣ въ полномъ блескѣ свои мошенническія и плутовскія способности. Новая эта продѣлка требуетъ немедленнаго обличенія. Не можетъ ли Евгеній Михайловичъ Ѳеоктистовъ написать статейку къ воскресенью? Братъ мой уже просилъ его къ себѣ сегодня вечеромъ; но я не знаю, можетъ ли онъ быть у него; а время дорого, такъ какъ въ понедѣльникъ не будетъ нумера“.

Д. Милютинъ.

27 ноября.

Статья была уже готова, когда я на слѣдующій же день отъ Дмитрія Алексѣевича получилъ другую записку:

„Князь Горчаковъ убѣдительно проситъ остановить печатаніе статьи о продѣлкѣ „Монитера“ и другихъ французскихъ газетъ по поводу указа о монастыряхъ. Знаю, что такое позднее и внезапное измѣненіе принесетъ Вамъ не малое разстройство, но дѣлать нечего: причины, приводимыя княземъ Горчаковымъ, слишкомъ важны, чтобы не исполнить на сей разъ его желанія. Статья можетъ быть пригодится на другой № Инвалида“.

Д. Милютинъ.

28 ноября.

На основаніи указовъ было упразднено: 71 мужской монастырь съ 304 монахами, 11 женскихъ съ 14 монахинями, какъ не достигавшими опредѣленнаго церковными канонами числа монашествующихъ въ нихъ; за соучастіе въ мятежѣ закрыто 39 мужскихъ

монастырей съ 674 монахами; сверхъ того упразднены 4 уніатскія обители; затѣмъ осталось въ Царствѣ Польскомъ римско-католическихъ монастырей 45 мужскихъ съ 657 монахами и 38 женскихъ съ 535 монахинями.

Теперь Н. А. Милютину предстояло громадное дѣло покончить навсегда съ притязаніями папы.

Выше уже было сказано, что Императоръ Александръ и папа Пій IX обмѣнялись письмами, въ которыхъ Государь указывалъ папѣ на католическое духовенство, усиленно поддерживавшее мятежъ въ Польшѣ. Даже, когда мятежъ потухалъ, то папа приказалъ въ церквахъ торжественно молиться за Польшу, какъ за оплотъ католической вѣры противъ вторженія ереси и прося у Бога, чтобы она была освобождена отъ политическихъ бѣдствій. Весною 1864 года онъ въ коллегіи пропаганды произнесъ страстную рѣчь, въ которой взводилъ на Государя обвиненіе въ томъ, что католическая церковь подвергается преслѣдованію въ его владѣніяхъ, а католики гоненіямъ за то только, что они остаются вѣрными религіи Іисуса Христа.

Послѣ этой выходки папы нашъ посланникъ былъ отозванъ изъ Рима.

Окончательнымъ разрывомъ послужили поступки самого папы, которыми воспользовался Н. А. Милютинъ. Въ сношеніяхъ своихъ съ Петербургскимъ кабинетомъ курія, не стѣсняясь, прибѣгала къ устрашенію, грозя возвѣстить всему свѣту рядъ притѣсненій, которымъ якобы подвергается римско-католическая церковь въ Россіи... На это князь Горчаковъ отвѣчалъ: „Совѣсть Нашего Августѣйшаго Государя снимаетъ съ него нареканіе, будто онъ намѣренъ притѣснять католическую вѣру. Мы съ полнымъ спокойствіемъ будемъ ждать исполненія угрозы, которою заключается меморандумъ кардинала Антонелли“.

15-го декабря 1865 года на аудіенціи у папы, когда русскій повѣренный въ дѣлахъ баронъ Мейендорфъ на жалобы его святѣйшества отвѣтилъ, что въ Польшѣ католицизмъ самъ отождествлялъ себя съ революціей, папа въ гнѣвѣ воскликнулъ: „я уважаю и почитаю Его Величество Императора, но не могу сказать того же о его повѣренномъ въ дѣлахъ, который, конечно, въ противность его волѣ, оскорбляетъ меня въ собственномъ моемъ кабинетѣ“.

Послѣдствіемъ этой сцены было приказаніе Мейендорфу объявить кардиналу-государственному секретарю, что въ виду словъ, сказанныхъ ему папою, его политическая миссія окончена, такъ какъ Государь Императоръ не можетъ оставить при Св. престолѣ

представителя интересовъ Россіи, достинство котораго не ограждено отъ враждебныхъ посягательствъ. Кардиналъ Антонелли отвѣчалъ, что со дня заявленія барона Мейендорфа и Римскій дворъ не признаетъ болѣе существованія Русской миссіи; что если папа не прислалъ ему еще паспорта для выѣзда, то потому только, что зналъ о намѣреніи его въ скоромъ времени оставить Римъ; что папа не приметъ назначеннаго Русскимъ дворомъ его преемника. Для окончанія этого вопроса князь Горчаковъ заявилъ: „въ виду того, что папа принялъ почивъ разрыва, Государь Императоръ отстраняетъ отъ себя отвѣтственность за всѣ могущія произойти отъ того послѣдствія“.

Николай Алексѣевичъ воспользовался этимъ, чтобы навсегда покончить съ конкордатомъ.

Въ концѣ 1866 г. въ совѣщаніи по этому поводу онъ такъ горячо отстаивалъ свою идею, что конкордатъ 27 ноября 1866 года былъ уничтоженъ, но за то горячій споръ его стоилъ ему его жизни. По возвращеніи изъ засѣданія, съ нимъ сдѣлался ударъ, лишившій Россію умнаго, талантливаго и энергическаго русскаго государственнаго дѣятеля.

Со смертью Н. А. Милютина оставилъ свой постъ въ Царствѣ Польскомъ и ближайшій его сотрудникъ князь Черкасскій. Тогда въ русскомъ обществѣ возникли опасенія и нѣкоторое безпокойство. Явилось сомнѣніе и опасенія, что всѣ труды Милютина пропадутъ вслѣдствіе неустойчивости и постояннаго колебанія русской политики. Это настолько волновало русское общество, что правительство нашло необходимымъ заявить какъ въ Россіи, такъ и за границею, что не намѣрено измѣнять свой образъ дѣйствій въ отношеніи къ Польшѣ и Сѣверо-Западнаго края, который долженъ сдѣлаться тѣмъ, что сдѣлала его исторія, то-есть существенно русскимъ, гдѣ народный православный элементъ, образуя громадное большинство населенія, долженъ пріобрѣсти принадлежащее ему преобладаніе.

Что касается до Царства Польскаго, то коренныя реформы, сдѣланныя Милютинымъ, не пропали; онѣ оставили глубокій слѣдъ и совершенно преобразовали администрацію Польши.

Выше уже сказано было, что до него былъ уже утвержденъ проектъ маркиза Велепольскаго, на основаніи котораго Польша получала свой Государственный Совѣтъ и совершенно самостоятельныя управленія, независимыя отъ русскаго правительства. Отъ этой фантазіи маркиза Велепольскаго, который держалъ въ своихъ рукахъ всѣхъ бывшихъ намѣстниковъ Царства Польскаго, не осталось и слѣда. По проекту Милютина совершилось полное сліяніе отдѣльныхъ частей управленія въ Польшѣ съ соотвѣтственными учрежде-

ніями остальной Россіи. Такъ, вопреки проекту Велепольскаго, не осуществился польскій Государственный Совѣтъ; финансовыя дѣла перешли въ завѣдываніе министра финансовъ имперіи, почтовая часть въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а вмѣсто пяти прежнихъ губерній было образовано десять. Это сдѣлано было, какъ говорилъ мнѣ Николай Алексѣевичъ, для того, чтобы губернаторъ могъ чуть не каждаго помѣщика знать лично.

Къ сожалѣнію, послѣ Муравьева и Кауфмана не нашлось, или, лучше сказать, не желали найти достойныхъ имъ преемниковъ, почему въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краяхъ, гдѣ дѣломъ руководили Потаповъ и Безакъ, русскіе люди и русское дѣло не въ авантажѣ обрѣтались.

Каракозовскій выстрѣлъ 4-го апрѣля 1866 года взволновалъ всю Россію, онъ показалъ слабость администраціи какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи. Все общество встрепенулось и во всеуслышаніе заявляло, что необходимо принять крутыя мѣры и изслѣдовать подробности этого гнуснаго покушенія на Царя-Освободителя. Конечно, для этого дѣла нуженъ былъ человѣкъ независимый, съ непреклонною волею и неутомимою энергіею. Искали и остановились на человѣкѣ, котораго еще такъ недавно поносили, на котораго еще вчера только сыпались клеветы всякаго рода и одно имя котораго приводило въ ярость придворную партію, среди которой видныя мѣста занимали князь Суворовъ, графъ Шуваловъ и Валуевъ и другіе. Нельзя сказать, чтобы эти господа, долженствовавшіе, какъ государственные дѣятели, имѣть въ виду только интересы правительства, были солидарны между собою. Напротивъ, солидарность ихъ выражалась только въ ненависти къ Муравьеву.

Можно себѣ представить, каково было ихъ положеніе, когда предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи былъ назначенъ тотъ самый Муравьевъ, котораго они почти наканунѣ только съ величайшими усиліями успѣли одолѣть, заставивъ его оставить Сѣверо-Западный край. Не было никакого сомнѣнія, что онъ не остановится ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ, чтобы только радикально изслѣдовать дѣло, которое касалось весьма многихъ высокопоставленныхъ.

И дѣйствительно началось нѣчто въ родѣ чистки. Прежде всѣхъ ушелъ самъ шефъ корпуса жандармовъ князь Долгоруковъ, настойчиво заявивъ Государю, что онъ не можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ, если не сумѣлъ уберечь своего Государя. Но, къ сожалѣнію, на свое мѣсто онъ рекомендовалъ графа П. А. Шувалова, который сталъ такимъ полновластнымъ хозяиномъ въ Россіи, что получилъ даже названіе Петра IV-го.

Но если для князя Долгорукова была трагедія, то князь Суворовъ сыгралъ большую комическую роль, которую князь Мещерскій описалъ весьма подробно и ярко изобразилъ характеръ государственнаго дѣятеля, когда-то бывшаго на отвѣтственномъ посту генералъ-губернатора Остзейскаго края. Какую пользу для Россіи могъ принести подобный генералъ-губернаторъ? Если дѣдъ князя Суворова выкидывалъ разные фарсы, будучи въ то же время непобѣдимымъ фельдмаршаломъ, то выходки его всегда имѣли какую-нибудь цѣль, и съ выходками этими должны были часто считаться люди, весьма высоко стоящіе. Совсѣмъ не то изображалъ изъ себя внукъ свѣтлѣйшаго. По словамъ князя Мещерскаго, близко стоящаго ко двору, онъ такъ описываетъ поведеніе Суворова послѣ покушенія Каракозова.

„Казалось бы, послѣ покушенія ему слѣдовало быть вездѣ, но только не между нами, пребывавшими при дворѣ; дѣйствительно, ему нельзя было не бросаться всюду, чтобы узнавать, хотя поздно, подробности печальнаго событія и причины, сдѣлавшія его возможнымъ. Но князь Суворовъ какъ будто объ этомъ и не подумалъ. Онъ явился во дворецъ разыгрывать комедію сентиментальности. Съ запасомъ носовыхъ платковъ въ карманѣ, онъ себя предназначилъ къ роли плакальщика; онъ плакалъ, подходя къ каждому встрѣчному, говоря по-французски: „вы всѣ веселитесь о спасеніи Государя, а я одинъ плачу, я, генералъ-губернаторъ“. Съ такими же слезами онъ предсталъ предъ Государемъ Императоромъ и Государынею и затѣмъ, переходя въ другое настроеніе, принимался свидѣтельствовать свою преданность ругательствами на преступника. Эта комедія длилась нѣсколько дней. Ежедневно онъ прибѣгалъ въ комнаты молодыхъ великихъ князей Сергѣя и Павла Александровичей, и тамъ, ударяя себя въ грудь и проливая слезы, говорилъ съ какимъ-то паѳосомъ про свою любовь къ Государю. Мало того, въ промежутки между посѣщеніями императорскихъ особъ, онъ забѣгалъ, по обыкновенію, къ камеръ-фрау Императрицы, и цѣлуя ей ручки, изливалъ ей въ душу свои слезы, свое горе, свои вѣрноподданническія чувства. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Тѣ, которымъ онъ выплакивалъ свою душу, приходили къ Государю и къ Императрицѣ говорить про слезы князя Суворова съ умиленіемъ, а ему только этого и нужно было. Какъ бы въ насмѣшку надъ негодованіемъ къ нему общественнаго мнѣнія, онъ въ царскихъ ложахъ въ театрахъ въ присутствіи Государя, высовывался изъ нихъ, говорилъ громко, какъ бы желая сказать: „ругайте сколько хотите, а я все-таки генералъ-губернаторъ и ближайшій изъ приближенныхъ“.

И такъ противъ Муравьева образовалась цѣлая клика, изъ Шувалова, Валуева, Суворова и многихъ другихъ, не терпѣвшихъ даже имени его. Но случилось такъ, какъ это всегда бываетъ на Руси съ лицами, руководящими судьбами Россіи, что всѣ они задались не интересами Государя, а своими личными цѣлями, чтобы, пользуясь событіями, подставлять двугъ-другу ножку. Общаго же между ними, кромѣ вражды къ Муравьеву, ничего не было. Только въ этомъ и сходились всѣ трое: Суворовъ, Шуваловъ и Валуевъ; въ остальномъ получался винигретъ, ибо графъ Шуваловъ былъ противъ Суворова, Суворовъ противъ Муравьева и Шувалова, а Муравьевъ противъ Шувалова и Валуева.

„Назначеніе графа Шувалова шефомъ жандармовъ, говоритъ князь Мещерскій, разсердило князя Суворова только потому, что послѣдній съ элегантною и тонкою своею манерою его въ грошъ не ставилъ и давалъ ему сіе понимать; но когда состоялось назначеніе графа Муравьева, Суворова можно было заподозрить въ сумашествіи отъ бѣшенства; до того его поступки стали непристойны, по ребяческой злобѣ и по безтактности“.

„Такъ напримѣръ: онъ громко сталъ говорить полицейскимъ чинамъ, чтобы они не слушали Муравьева и не исполняли его требованій“.

Помогая графу Шувалову дѣйствовать противъ Муравьева, князь Суворовъ никакъ не подозрѣвалъ, что его союзникъ готовитъ ему совершенно неожиданный сюрпризъ. Вскорѣ послѣ своего назначенія шефомъ жандармовъ, графъ Шуваловъ сталъ указывать Государю на постъ Суворова, какъ совершенно лишній для Петербурга. Въ этомъ случаѣ много помогло Шувалову то обстоятельство, что розыски Муравьевской коммиссіи показали, что канцелярія генералъ-губернатора была до нѣкоторой степени убѣжищемъ для многихъ скомпрометтированныхъ лицъ.

Цѣль графа Шувалова чрезъ нѣкоторое время была достигнута, а князь Суворовъ неожиданно для него самого съ царскою благодарностью получилъ небывалое назначеніе генералъ-инспектора всей пѣхоты; самое же генералъ-губернаторство въ Петербургѣ было упразднено.

Этотъ сюрпризъ, поднесенный единомышленникомъ, до такой степени поразилъ князя Суворова, что трудно себѣ представить, чтобы человѣкъ, приближенный ко двору, повсюду, еще сегодня кричавшій о своей преданности, на завтра оказался только комедіянтомъ. Имъ по полученіи извѣщенія овладѣлъ припадокъ не только бѣшенства, но даже ненависти къ Государю, и, выйдя изъ комнаты въ этомъ возбужденномъ состояніи, онъ до того позабылся, что

оставшіеся въ комнатѣ должны были его вывести на воздухъ, чтобы дать ему немного прійти въ себя и опомниться. Тутъ же онъ объявилъ, что бросаетъ Петербургъ и Государя и ѣдетъ въ свое Новгородское имѣніе, въ то самое, прибавилъ онъ, гдѣ жилъ его дѣдъ во время опалы при Павлѣ I [1]).

Вмѣстѣ съ Суворовымъ ушли министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ и оберъ-полицеймейстеръ Анненковъ, взамѣнъ которыхъ Шуваловымъ былъ взятъ Треповъ. Съ этими перемѣнами вся правительственная власть перешла въ руки дуумвирата, Шувалова и Валуева, продолжавшаяся до удаленія послѣдняго, скрывавшаго отъ Государя голодъ въ Россіи и изобличеннаго наслѣдникомъ Александромъ Александровичемъ. Съ замѣною Валуева Тимашевымъ Россія ничего не могла выиграть, ибо ни Шуваловъ, ни Тимашевъ, въ особенности первый, развѣ только на картѣ могли показать мѣсто, занимаемое Россіею, а далѣе, воспитанные на французскомъ языкѣ и не имѣющіе никакого понятія о пользахъ и нуждахъ Россіи, могли только вредить ей.

До какой степени была непримирима вражда между Муравьевымъ и Шуваловымъ, можетъ служить тотъ фактъ, что оба они совершенно нечаянно обнаружили свои взаимныя отношенія передъ двумя такими маленькими въ сравненіи съ ними личностями, какъ дѣлопроизводитель слѣдственной коммиссіи Переяславцевъ и я, бывшій въ то время только полковникомъ.

— Сегодня я видѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ Муравьева,— сказалъ мнѣ при моемъ докладѣ Дмитрій Алексѣевичъ; онъ сказалъ мнѣ, что все, что будетъ подлежать обнародованію по дѣлу Каракозова, онъ будетъ тотчасъ же сообщать для „Русскаго Инвалида“. Позаботьтесь, чтобы не было какихъ-нибудь недоразумѣній. Вамъ было бы не лишнее повидаться съ нимъ.

— Онъ нѣсколько знаетъ меня; когда я былъ въ Могилевѣ, то по дѣламъ неоднократно мнѣ приходилось въ Вильнѣ получать разныя приказанія непосредственно отъ него—сказалъ я.—Но во всякомъ случаѣ, я ему представлюсь завтра же.

— Вамъ, конечно, передалъ Дмитрій Алексѣевичъ мое желаніе на счетъ печатанія въ газетѣ слѣдствія о преступномъ дѣлѣ?— спросилъ меня Муравьевъ, когда я къ нему явился.

— Да, Ваше Сіятельство, я получилъ уже приказаніе.

— Ну, такъ когда будетъ нужно, я дамъ знать, а теперь я ничего не могу сказать; ждите моихъ приказаній.

И вотъ отъ времени до времени я являлся въ III отдѣленіе

---

[1]) Князь Мещерскій.

и просиживалъ въ пріемной комнатѣ, ожидая статьи для газеты. Сидѣлъ по большей части напрасно, потому что не послѣ каждаго засѣданія посылалъ Муравьевъ свѣдѣнія для газеты. Наконецъ насталъ послѣдній день, когда Муравьевъ занимался одинъ съ дѣлопроизводителемъ коммиссіи оберъ-аудиторомъ Переяславцевымъ. Это было днемъ, если не ошибаюсь, часовъ около трехъ или четырехъ, когда Муравьевъ позвалъ меня.

— Я сейчасъ уѣзжаю, а вы останьтесь здѣсь, и какъ только онъ кончитъ,—при чемъ указалъ на Переяславцева, то вы тотчасъ же получите отъ него бумагу и привезете ко мнѣ. И знайте, полковникъ, что никто не долженъ видѣть ее; вы меня понимаете?— добавилъ онъ своимъ мягкимъ, но внушительнымъ голосомъ.

— Ваше Сіятельство, можете быть увѣрены, что ваше приказаніе будетъ въ точности исполнено.

Вслѣдъ затѣмъ онъ уѣхалъ.

По отъѣздѣ Муравьева, я остался въ той же залѣ, гдѣ писалъ Переяславцевъ, и при томъ, видя, какую важность Муравьевъ придавалъ этой бумагѣ, я сѣлъ какъ можно дальше и во все время писанія не проронилъ ни одного слова.

Чрезъ нѣсколько минутъ къ столу Переяславцева подошелъ Мезенцевъ и что-то началъ вполголоса говорить, а Переяславцевъ, съ нѣкоторыми жестами что-то возражать. Вслѣдъ затѣмъ Мезенцевъ ушелъ.

Меня очень подмывало любопытство, но я, конечно, ни слова не сказалъ и не спросилъ у Переяславцева о предметѣ его разговора съ Мезенцевымъ. Но секретъ этотъ открылся самъ собою.

Едва только Переяславцевъ окончилъ писать и готовъ былъ передать мнѣ пакетъ, какъ вошелъ Мезенцевъ, и, обратясь ко мнѣ, довольно рѣшительно сказалъ:

— Графъ Шуваловъ желаетъ предварительно прочесть.

— Но, Ваше Превосходительство, я получилъ категорическое и весьма строгое приказаніе графа Муравьева доставить непосредственно ему эту бумагу, минуя чьи бы то ни было руки.

Тогда Мезенцевъ, очевидно недовольный тою ролью, которую долженъ былъ сыграть по приказанію Шувалова передъ чиновникомъ и полковникомъ, маленькими людьми, случайно оказавшимися ослушниками всемогущаго временщика, махнулъ рукой и удалился, а я тотчасъ же отправился къ Муравьеву.

Графа Муравьева я нашелъ уже послѣ его обѣда; онъ курилъ трубку и бесѣдовалъ съ Черевинымъ въ своемъ кабинетѣ.

— Ну что, полковникъ, никто не смотрѣлъ бумагу?—спросилъ онъ меня, едва я протянулъ руку, чтобы передать ему пакетъ.

— Никто, ваше сіятельство, ваше приказаніе было исполнено въ точности.

— А графъ Шуваловъ?

Признаюсь, я былъ очень радъ, что Муравьевъ такъ поставилъ этотъ весьма щекотливый для меня вопросъ, на который я смѣло могъ правдиво отвѣчать.

— И графу Шувалову неизвѣстно содержаніе бумаги.

Такъ какъ графъ Муравьевъ ничего болѣе меня не разспрашивалъ, то я былъ очень радъ, что для меня не имѣлось вовсе надобности разсказывать о попыткахъ Шувалова узнать о содержаніи, какъ это выяснится ниже, окончательнаго вывода слѣдственнаго дѣла, составленнаго Муравьевымъ.

— Сегодня вы должны быть вечеромъ въ III отдѣленіи; я думаю, что это будетъ послѣдній разъ. Прощайте.

Въ тотъ же вечеръ я, конечно, явился въ пріемную и часа два сидѣлъ, какъ около 10 или 11 часовъ появился тутъ же дежурный флигель-адъютантъ Кавелинъ, о которомъ тотчасъ же доложили Муравьеву.

— Вотъ, полковникъ, возьмите, — сказалъ онъ мнѣ, передавая пакетъ,—и поѣзжайте съ флигель-адъютантомъ во дворецъ, я буду ждать вашего возвращенія.

Сѣлъ я съ Кавелинымъ въ дежурный флигель-адъютантскій экипажъ и помчался ко дворцу. Дойдя по корридору до царскаго кабинета, я, будучи въ сюртукѣ и никакъ не ожидая призыва въ кабинетъ, передалъ пакетъ Кавелину, а самъ остался въ корридорѣ. Но Кавелинъ тотчасъ же вышелъ изъ кабинета и показалъ мнѣ, чтобы я вошелъ въ кабинетъ. Войдя въ него, я, чтобы заявить, что приказаніе Государя исполнено, щелкнулъ шпорами и остановился у дверей. Государь сидѣлъ спиною ко мнѣ за письменнымъ столомъ и читалъ присланное Муравьевымъ донесеніе. Не обративъ, конечно, никакого вниманія на меня, онъ, окончивъ чтеніе и не оборачиваясь ко мнѣ, протянулъ руку съ бумагою, сказавъ:—отдай Муравьеву.—Щелкнувъ вторично шпорами, я удалился. Не найдя Кавелина, вѣроятно удалившагося уже въ дежурную комнату, обратно я за отсутствіемъ извозчиковъ у Зимняго Дворца, большую часть дороги шелъ пѣшкомъ, чѣмъ задержалъ Муравьева, который, просмотрѣвъ бумагу, отдалъ ее мнѣ, сказавъ:

— Печатайте, полковникъ.

Это было въ послѣдній разъ, что я видѣлъ Муравьева.

Муравьевъ вѣшатель, муравьевскій галстукъ (т. е. висѣлица),— вотъ эпитеты, сыплющіеся на память человѣка, который вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ отстояли для Россіи Сѣверо-Западный край и

Польшу. Припомнимъ, что говорила Муравьеву покойная Императрица Марія Александровна, принимая его передъ отправленіемъ въ Сѣверо-Западный край. Это была Императрица вполнѣ русская, интересы которой были нераздѣльно связаны съ интересами Россіи и съ интересами ея супруга Царя-Освободителя. Видя отчаянное положеніе дѣла въ Польшѣ и не разсчитывая сохранить ее, она просила Муравьева отстоять для Россіи хотя этотъ край. И Муравьевъ это сдѣлалъ. Не взирая ни на придворныя интриги, ни на клеветы, онъ твердо и безбоязненно шелъ своею дорогою, побивая польскую крамолу и освобождая русское населеніе отъ польскаго рабства. Не его вина, что мы, по истеченіи 47 лѣтъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ видимъ то же преобладаніе поляковъ надъ русскими, тѣ же преслѣдованія литовцевъ и бѣлоруссовъ поляками, то же глумленіе надъ православіемъ среди воинствующаго католицизма.

Муравьевъ, правда, вѣшалъ, кого слѣдовало, но, уничтожая мятежъ, онъ въ то же время принималъ органическія мѣры, которыя въ его управленіи дали вздохнуть отъ панскихъ и католическихъ обидъ, какъ католическому, такъ и православному населенію. Если бы безъ всякихъ висѣлицъ, въ которыхъ никто уже не нуждался, была продолжена его система, а не система Потаповская, Валуевыхъ и прочихъ господъ, то теперь не пришлось бы говорить въ Государственной Думѣ о забитыхъ поляками русскихъ, которые донынѣ продолжаютъ слезно молить не отдавать ихъ въ жертву полякамъ и полякующимъ русскимъ.

Что касается жестокости Муравьева, то всѣхъ потерпѣвшихъ за его время было 9.361 человѣкъ, изъ которыхъ:

Подвергнуто смертной казни	128
Сослано въ Сибирь	972
Поселены въ Сибири	1.427
Отдано въ солдаты	348
Отданы въ арестантскія роты	864
Отправлено во внутреннія губерніи	1.529
Переселено на казенныя земли во внутреннія губерніи	4.096
Всего	9.361
Помилованы	9.229

Во Франціи послѣ іюньскаго возмущенія:

изгнано изъ Франціи	44.000 чел.
предано военному суду	253 „
сослано въ Алжиръ	12.000 чел.

Переворотъ 1851 года, по свидѣтельству Гранье де-Касаньяка, стоилъ:

ссылки въ Африку и Кайену	26.000 чел.
однихъ депутатовъ	66 „

Ассигновано на перевозку 4 мил. 200 тыс. франковъ.

Въ ложной характеристикѣ Муравьева не лишнимъ будетъ привести разсказъ, недавно напечатанный въ одномъ изъ русскихъ журналовъ. Разсказывается, какъ будто однажды онъ издалъ какое-то циркулярное распоряженіе, которое противорѣчило законамъ и было составлено въ его канцеляріи по какому-то недоразумѣнію, а имъ лично принято на вѣру и подписано. Всѣ уѣздные начальники, конечно, безъ всякихъ разсужденій принялись исполнять приказаніе, кромѣ одного Яновскаго, который дерзнулъ вернуть предписаніе съ обстоятельнымъ изложеніемъ мотивовъ, по которымъ онъ считаетъ себя въ правѣ не исполнять приказанія грознаго генералъ-губернатора.

И вотъ по поводу этого случая происходитъ такая театральная сцена. Онъ, человѣкъ дѣла, не спящій по ночамъ, понуждающій всѣхъ подчиненныхъ къ скорой работѣ, вдругъ ради какого-то Яновскаго, отрываетъ отъ работы всѣхъ уѣздныхъ начальниковъ, созываетъ ихъ всѣхъ въ Вильну и выступаетъ передъ ними въ роли актера дурного тона.

— Какъ вы думаете, господа: можно ли не исполнять моихъ приказаній и ослушаться меня?

Разумѣется, всѣ молчатъ, но, собравшись съ силами, говорятъ, что нельзя не исполнять.

Муравьевъ усмѣхнулся и разыгралъ слѣдующую сцену:

— Ну, такъ я вамъ покажу человѣка, который рѣшился на это.

Всѣ молчали, и только каждый въ отдѣльности думалъ:

— Господи, сдѣлай такъ, чтобы этимъ дерзновеннымъ человѣкомъ оказался не я, а кто-нибудь другой.

— Полковникъ Яновскій,—громко сказалъ Муравьевъ.

Тотъ вышелъ впередъ. Это былъ высокій сѣдой мужчина, спокойно и съ сознаніемъ собственнаго достоинства смотрѣвшій прямо въ глаза Муравьеву.

— Вотъ онъ,—сказалъ Муравьевъ: полюбуйтесь.

— Ну, а какъ мнѣ нужно поступить съ нимъ по-вашему?

Уѣздные начальники облегченно вздохнули; горькая чаша минула ихъ, виновный найденъ, пусть онъ и несетъ кару за свою продерзость.

— Вы молчите? Вы не знаете? Ну, такъ я вамъ скажу. Полковникъ Яновскій, вашу руку; и съ этими словами Муравьевъ жметъ ему руку. Вотъ какъ я поступаю съ такими служаками. Благодарю васъ, полковникъ. Вы указали мнѣ на мою ошибку; ошибаться всякій смертный можетъ, вы не побоялись этого сдѣлать, вы истинный слуга Царю и Отечеству и бережете свое начальство, вотъ какъ надо служить, господа.

Всякій, сколько-нибудь не только знавшій Муравьева, но только слышавшій о немъ, прочтетъ этотъ анекдотъ съ улыбкою. Какимъ это образомъ старый полковникъ не понималъ положенія Муравьева и не имѣлъ никакого понятія о значеніи диктаторской его власти; какъ это онъ, оберегая Муравьева, говоритъ о законныхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ? Въ то время была только одна законная власть — это судебная, все остальное было внѣ закона и зависѣло исключительно отъ Муравьева, которому Высочайшая власть давала право жизни и смерти; почему всякое его приказаніе подлежало немедленному и точному исполненію безъ всякихъ разсужденій. По характеру же своему онъ неспособенъ былъ разыграть подобный фарсъ съ уѣздными начальниками.

Во время польскаго возстанія было едва-ли только не три газеты, которыя горячо стояли за русское дѣло: „Московскія Вѣдомости", московская газета „День" и потомъ „Парусъ" и „Русскій Инвалидъ". Но всѣ эти газеты, кромѣ „Инвалида", жестоко платились за свой патріотизмъ, получая отъ Валуева предостереженіе и, наконецъ, полное запрещеніе своихъ изданій. Даже „Московскія Вѣдомости" могли продолжать свое существованіе благодаря Императору Александру II. Что же касается „Русскаго Инвалида", то онъ, продолжая свое независимое существованіе, былъ постоянно въ газетѣ „Вѣсть", поддерживаемой Валуевымъ, обвиняемъ во всѣхъ возможныхъ революціонныхъ преступленіяхъ: то „Инвалидъ" возбуждалъ крестьянъ, пропагандируя Стеньку Разина, то газета волновала Остзейскій край, возбуждая латышей противъ бароновъ, то, наконецъ, она, не сочувствуя полякамъ, одобряла муравьевскія мѣры, принятыя имъ для успокоенія Сѣверо-Западнаго края.

Однако, не настало еще время закрыть „Русскій Инвалидъ", и онъ не только продолжалъ свое существованіе, но даже нѣсколько расширилъ свою программу.

Занятый съ утра до поздней ночи работою, Дмитрій Алексѣевичъ одинъ день въ недѣлю, воскресенье, посвящалъ отдыху, собирая вечеромъ своихъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ я болѣе часто встрѣчалъ: К. К. Грота, К. Д. Кавелина, Е. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, Е. М. Ѳеоктистова, Н. Н. Обручева, сестру Дмитрія

Алексѣевича, Марію Алексѣевну, и каждый разъ И. П. Арапетова.

Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, послѣ помѣщенія въ „Русскомъ Инвалидѣ“ статьи Гильфердинга о польскомъ вопросѣ, кто-то изъ бесѣдовавшихъ сказалъ:

— Все это очень хорошо, но жалко только, что всѣ серьезные доводы и разъясненія польскаго вопроса вліяютъ на не многочисленную публику. Статьи подобнаго рода должны быть пущены въ большомъ числѣ въ народъ, а для заграничной публики на иностранныхъ языкахъ.

— Статьи Гильфердинга и Кояловича дѣйствительно заслуживаютъ перевода на иностранные языки,—сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ. А какъ вы, Сергѣй Павловичъ, справитесь съ этимъ дѣломъ?

— Справиться не трудно, но на это нужны средства, которыхъ нѣтъ,—отвѣчалъ я.

Тѣмъ разговоръ и кончился.

При прощаніи министръ, однако, вторично сказалъ: „Такъ вы подумайте, Сергѣй Павловичъ, о нашемъ разговорѣ“.

Чрезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось быть у министра, который встрѣтилъ меня словами:

— Я говорилъ съ Государемъ по поводу нашего разговора въ воскресенье, и онъ одобрилъ наше предположеніе. Заготовьте докладъ.

Докладъ этотъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, можетъ быть важно развивать въ обществѣ вѣрныя и здравыя понятія о польскомъ вопросѣ, о характерѣ польскихъ стремленій, въ прошедшемъ и настоящемъ и объ образѣ дѣйствій польской революціонной пропаганды.

Извѣстно, что польская партія тратитъ огромныя средства на то, чтобы привлечь на свою сторону всѣ органы общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ, и что она организовала цѣлую, такъ сказать, фабрику извѣстій и статей, въ которыхъ на Россію изливаютъ потоки самой отвратительной клеветы. Замѣчательное нынѣ на западѣ раздраженіе противъ насъ по случаю польскихъ дѣлъ, очевидно, должно быть въ значительной степени приписано вліянію печати, сдѣлавшейся во Франціи и Англіи орудіемъ въ рукахъ поляковъ.

Нельзя не желать, чтобы Россія, по возможности, противодѣйствовала этимъ усиліямъ польской революціонной партіи. Въ послѣднее время въ нашихъ газетахъ и журналахъ, особенно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русскомъ Инвалидѣ“ и „Днѣ“, стали появляться довольно удачныя статьи, представляющія польскій во-

просъ въ его истинномъ свѣтѣ. Но, къ сожалѣнію, все, что печатается у насъ по этому предмету, не находитъ переводчиковъ на иностранные языки и остается неизвѣстнымъ Западной Европѣ, которая слышитъ, такимъ образомъ, лишь польскіе голоса въ русско-польскомъ спорѣ.

Необходимо постараться, чтобы это крайне невыгодное для насъ положеніе дѣла было, по возможности, устранено посредствомъ обнародованія въ Европѣ, какъ оригинальныхъ статей на иностранныхъ языкахъ по польскимъ дѣламъ, такъ и переводовъ замѣчательнѣйшихъ въ этомъ отношеніи произведеній русской печати. Независимо отъ сего, нужно было бы доставлять въ наши газеты возможно большее количество статей для разъясненія польскаго вопроса и распространять въ публикѣ, посредствомъ особыхъ книгъ и брошюръ, вѣрныя и основательныя свѣдѣнія, какъ объ историческихъ и этнографическихъ отношеніяхъ Польши и Западнаго края, такъ и объ остальныхъ потребностяхъ этого края, въ видахъ освобожденія тамъ русской народности отъ ига польскаго меньшинства.

Нельзя не думать, что при нѣкоторомъ сосредоточеніи и направленіи дѣла, подобнаго рода литературная дѣятельность могла бы получить болѣе обширные размѣры и оказать намъ истинныя услуги. Для успѣха же такого предпріятія необходимо оказать ему извѣстное матеріальное пособіе, нужное для печатанія и вознагражденія авторовъ. Но въ то же время въ видахъ успѣха такого предпріятія надобно желать, чтобы участіе правительства въ этомъ случаѣ оставалось совершенно неизвѣстнымъ.

Если бы Ваше Императорское Величество соизволили одобрить высказанныя мысли, то на первый разъ было бы достаточно отпустить изъ государственнаго казначейства 10-ти тыс. рублей на извѣстное Вашему Императорскому Величеству употребленіе съ тѣмъ: 1-е, чтобы сумма эта расходовалась на печатаніе оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій и статей по польскому вопросу, на вознагражденіе авторовъ и переводчиковъ и издержки на распространеніе сочиненій; 2-е, чтобы выручка отъ продажи была назначаема частью на изданіе новыхъ трудовъ по тому же предмету, частью же въ пользу авторовъ; и 3-е, отчеты въ употребленіи означенныхъ денегъ представлялись бы лично на Высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества“.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ послѣдовала слѣдующая резолюція: „Предположеніе это Высочайше одобрено и разрѣшено отпустить изъ государственнаго казначейства 10 тыс. рублей въ непосредственное мое распоряженіе на извѣстное Его Величеству употребле-

ніе, о чемъ министръ финансовъ уже предваренъ". 19-го іюня 1863 г.

Получивъ такое разрѣшеніе, редакція для скорѣйшаго исполнененія рѣшила издать отдѣльными брошюрами на русскомъ языкѣ слѣдующія статьи Гильфердинга, Кояловича и другихъ, уже напечатанныя въ „Русскомъ Инвалидѣ":

1. За что борются русскіе съ поляками.

2. Князь Владиміръ Мономахъ и казакъ Богданъ Хмѣльницкій.

3. Встрѣча народности въ Западной Россіи съ русскою государственностью и великорусскою народностью, по поводу народныхъ карауловъ въ Западной Россіи.

4. По поводу польскаго вопроса.

5. Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу.

Вслѣдъ затѣмъ были изданы отдѣльными брошюрами:

1. Люблинская унія или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г., Кояловича.

2. Переводъ 3 т. Лелевеля, сдѣланный, подъ наблюденіемъ Гильфердинга, Кропотовымъ и Бобровскимъ.

3. Кіевъ, Москва и Варшава или повѣствованіе о кровной и кровавой связи Великой Руси съ Польшею чрезъ Малую Русь и Литву,— Разина.

Затѣмъ на иностранныхъ языкахъ были изданы слѣдующія брошюры:

Гильфердинга — The polish question or anappeal to the good sense of englich men by a russian, англичанина Дейса—The polish question and general Mouravieff by ar englishman и, наконецъ, Обручева—La restauration de la Pologne appéciée au point de rue de la science historique et ethnographique.

Но изданіе брошюръ на иностранныхъ языкахъ не достигало вполнѣ своей цѣли. Было бы болѣе желательнымъ имѣть какой-нибудь періодическій органъ на иностранныхъ языкахъ, съ цѣлью, чтобы имъ пользовались заграничныя газеты. Услуги свои для этой цѣли предложилъ нѣкто баронъ Кене, служившій по придворному вѣдомству, если не ошибаюсь, въ Эрмитажѣ. По этому поводу онъ доставилъ въ редакцію слѣдующую записку [1]):

„Общественное мнѣніе есть самое могущественное орудіе. Но общественнымъ мнѣніемъ руководитъ пресса.

Пресса не безгрѣшна; многіе изъ ея органовъ основаны на спекуляціи. Слѣдовательно, въ этихъ газетахъ можетъ появиться вся-

---

[1]) Оригиналъ на французскомъ языкѣ.

кое сообщеніе, если оно будетъ оплачено; этимъ именно путемъ злонамѣренные люди успѣли возбудить противъ Россіи всю Европу.

Это всеобщее возбужденіе противъ Россіи было весьма опасно: Франція едва не воспользовалась этимъ, чтобы объявить намъ войну въ то время, когда мы не были подготовлены къ ней, и когда Англія, со своей стороны, едва не была вовлечена въ эту войну.

Правда, возбужденіе это было вызвано исключительно клеветою и ложью, совершенно не соотвѣтствующими истинѣ. Но вѣрно и то, что правда только тогда имѣетъ значеніе, когда ее высказываютъ и распространяютъ ее.

Подмѣтивъ это возбужденіе заграничной прессы еще въ 1861 г., когда оно производило, къ ущербу Россіи, неблагопріятное впечатлѣніе на публику, я предложилъ одному изъ нашихъ высшихъ сановниковъ подыскать въ Англіи и во Франціи надежныхъ и искусныхъ агентовъ, чтобы отражать удары, наносимые намъ нашими врагами, и распространить истину относительно Россіи и нашего правительства. Но въ то время дѣло это не устроилось.

Тѣмъ не менѣе, въ теченіе зимы 1862—1863 гг., когда положеніе было опасное, я счелъ долгомъ сдѣлать все возможное, чтобы защитить правительство на страницахъ: „Morning Herald“ и „Evening Herald“, „Standard“, „Kreuz-Zeitung“ и прочихъ газетъ и просилъ кое-кого изъ родныхъ и друзей помочь мнѣ, но, дѣйствуя одинъ и при томъ, какъ частный человѣкъ, я не могъ многаго сдѣлать, тогда какъ болѣе энергичное давленіе на прессу, при поддержкѣ со стороны правительства, могло бы значительно повліять на общественное мнѣніе за границею и избавило бы насъ отъ затраты милліоновъ на поспѣшное укрѣпленіе Кронштадта и приготовленія ко всѣмъ случайностямъ войны, которая угрожала намъ весною.

Я предложилъ нѣкоторымъ изъ высшихъ сановниковъ свои услуги и свою опытность, чтобы повліять на иностранную прессу, но лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ 1863 года на меня было возложено порученіе сдѣлать то, что я считалъ нужнымъ и полезнымъ сдѣлать еще зимою.

Мнѣ было поручено:

1) Подыскать возможно большее число органовъ печати, всевозможныхъ оттѣнковъ, а именно: консервативныхъ, либеральныхъ, клерикальныхъ, демократическихъ и т. п. газетъ, которыя могли бы служить намъ;

2) Приглашать надежныхъ и искусныхъ агентовъ; и

3) Организовать корреспонденціи, съ небольшими затратами газетъ.

Вслѣдствіе этого я посѣтилъ Германію, Англію, Бельгію, Фран-

цію, Женеву и часть Италіи, повидался болѣе чѣмъ съ двѣнадцатью корреспондентами и условился съ ними; всѣ они, по большей части друзья и родственники, которые почти безвозмездно распространяютъ правду о Россіи. Предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, я написалъ одинъ 167 статьей и замѣтокъ, которыя всѣ были напечатаны въ различныхъ газетахъ, предоставившихъ свои столбцы къ нашимъ услугамъ.

Надобно сознаться откровенно, что мнѣ пришлось, за весьма немногими исключеніями, преодолѣть огромныя препятствія, такъ какъ общественное мнѣніе было уже до того возбуждено противъ Россіи, что приходилось нерѣдко пускать въ ходъ все свое красноречіе, чтобы убѣдить самыхъ почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей въ томъ, что въ Россіи нѣтъ ни анархіи, ни возстанія, что поляки не что иное, какъ неблагодарные мятежники и что Государь Императоръ не только не тиранъ, но, напротивъ того, монархъ самый благожелательный, самый справедливый и самый великодушный въ мірѣ.

Наиболѣе благопріятные результаты достигнуты мною благодаря личному свиданію съ тѣми лицами, кои намъ нужны; эти свиданія должны бы повторяться время отъ времени, для того, чтобы въ изустной бесѣдѣ освѣдомлять нашихъ агентовъ о томъ, что дѣлается въ Россіи и, чтобы они могли дѣйствовать въ нашу пользу по убѣжденію.

Вырѣзки изъ написанныхъ мною статьей находятся, частью въ прилагаемыхъ при семъ бумагахъ; я не имѣлъ возможности получить ихъ полностью.

Не легко было добиться того, чтобы всѣ эти статьи были напечатаны. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы быть напечатанными во французскихъ и итальянскихъ газетахъ, должны были появиться сначала въ Англіи; другія могли быть помѣщены въ англійскихъ газетахъ лишь какъ перепечатки изъ нѣмецкихъ газетъ. Словомъ, пришлось преодолѣть бездну затрудненій. Надобно быть лично знакомымъ съ „тиранами“ заграничной прессы, чтобы снискать ихъ довѣріе и пользоваться ихъ газетами. Мнѣ извѣстно, что литографированная корреспонденція, которую попытались вести помимо меня, не имѣла ни малѣйшаго успѣха.

По возвращеніи моемъ изъ-за границы, я предоставилъ всѣ данныя и всѣ необходимые документы въ распоряженіе того лица, которое возложило на меня эту миссію, и такъ какъ мнѣ было сказано, что мнѣ не придется болѣе этимъ заниматься, то я считаю свою миссію законченной.

Между тѣмъ, я узнаю отъ друзей, которые служили мнѣ по-

средниками, что организованная мною корреспонденція совершенно прекратилась, и такъ какъ я глубоко убѣжденъ въ необходимости освѣдомлять по-прежнему иностранную прессу о Россіи, то я съ величайшей готовностью предложилъ свои услуги Его Превосходительству г. военному министру, которому пришла счастливая мысль использовать „Русскій Инвалидъ“ въ качествѣ органа, служащаго посредникомъ между Россіею и иностранною прессою.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы прекратить завязанныя мною сношенія, я развилъ ихъ, и въ настоящее время число иностранныхъ газетъ, получающихъ наши статьи и распространяющихъ ихъ, доходитъ до пятидесяти двухъ, а именно:

1 въ Швеціи, 9 въ Англіи, 3 въ Голландіи, 2 въ Бельгіи, 3 во Франціи, 2 въ Швейцаріи, 6 въ Италіи, 3 въ Австріи, 3 въ Баваріи, 6 въ Пруссіи и 14 въ прочихъ нѣмецкихъ государствахъ.

Въ числѣ этихъ газетъ есть самыя вліятельныя въ мірѣ, какъ-то: Аугсбургская Kreuz Zeitung, Вѣнскія: Botschafter и General-Correspondenz, Independence Belge, Constitutionel, Туринская Opinione, Gazetta di Milano и т. д. Но величайшей побѣдой нашего искуснаго Лондонскаго агента было заручиться содѣйствіемъ Times, таинственный редакторъ коего the King Editor, какъ его называютъ въ Англіи, переписывается съ нашимъ агентомъ каждую недѣлю.

Но для того, чтобы правильно поддерживать столь обширную корреспонденцію, необходимо учредить особое тайное бюро. Оно не должно состоять ни при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, ни при 3-мъ отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, ибо, въ такомъ случаѣ, его оффиціальное существованіе перестало бы быть тайною, и его дѣятельность была бы безплодна. Если же это бюро будетъ состоять при редакціи „Инвалида“, то о немъ будетъ извѣстно лишь его превосходительству г. военному министру и тѣмъ лицамъ, коихъ онъ пожелаетъ посвятить въ это дѣло и, слѣдовательно, дѣятельность бюро будетъ весьма плодотворна. Даже наши заграничные агенты не должны подозрѣвать, что главнымъ двигателемъ нашей корреспонденціи явится правительство.

Помимо литографированной корреспонденціи бюро должно разсылать газетамъ также важнѣйшія изъ спеціальныхъ корреспонденцій.

Всѣ замѣтки, разсылаемыя бюро, должны быть достовѣрны; единственною ихъ основою должна быть истина. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ должны быть разнообразны, точны, кратки и составлены со вкусомъ.

Расходы по содержанію такого бюро будутъ ничтожны по сравненію съ пользою, которую оно можетъ принести. Война можетъ

обойтись намъ милліонъ въ день, не считая пролитой крови и пагубныхъ послѣдствій войны, между тѣмъ, какъ за ничтожную, по истинѣ, сумму въ 20.500 руб. въ годъ, можно пріобрѣсти и поддержать благотворное для насъ вліяніе на общественное мнѣніе за границей.

Если эта маленькая сумма будетъ ассигнована, то я ручаюсь, что число иностранныхъ газетъ, которыя будутъ защищать наше правое дѣло, дойдетъ къ концу года до 80, и этого числа будетъ достаточно, для того, чтобы склонить общественное мнѣніе въ нашу пользу".

Записка барона Кене, представленная министру, была имъ передана мнѣ со словами.

— Разсмотрите это, Сергѣй Павловичъ, можетъ быть баронъ Кене и правъ, и вмѣсто брошюръ гораздо лучше выпускать періодически вѣрныя свѣдѣнія о русскихъ дѣлахъ. Надо придумать только способъ слѣдить за тѣмъ, чтобы иностранныя газеты перепечатывали наши сообщенія.

Баронъ Кене говоритъ, что контроль онъ беретъ на себя и будетъ доставлять вырѣзки изъ иностранныхъ газетъ.

— Если это такъ, то составьте докладъ.

Исполняя приказанія военнаго министра, былъ составленъ слѣдующій докладъ:

Газеты и журналы нынѣ составляютъ одно изъ могущественнѣйшихъ орудій для достиженія политическихъ цѣлей. Каждая политическая партія въ Европѣ старается имѣть въ своемъ распоряженіи нѣсколько органовъ печати и постоянно проводитъ свои воззрѣнія въ издаваемыхъ ею сочиненіяхъ, въ журналахъ и брошюрахъ. Денежныя средства, расходуемыя на этотъ предметъ, бываютъ огромны. Извѣстно, напримѣръ, что итальянское правительство во время министерства Кавура, для подготовленія общественнаго мнѣнія Европы въ пользу единства Италіи, израсходовало семь милліоновъ франковъ. Извѣстно также, что польская революціонная партія дѣлаетъ политическую печать однимъ изъ главныхъ орудій своей агитаціи.

Польскіе революціонеры, воспользовавшись тѣмъ невѣдѣніемъ, которое существовало въ европейской публикѣ относительно самыхъ главныхъ основъ нашего народнаго и государственнаго быта, не щадя средствъ на пріобрѣтеніе газетъ и журналовъ, успѣли привлечь на свою сторону общественное мнѣніе.

Самыя неопровержимыя истины о Россіи казались большинству европейской публики ложью, и самая наглая ложь о ней принимались за истину. Недовольствуясь этимъ, руководители польской революціи своими подпольными изданіями съ большою настойчи-

востью посягали на русское общественное мнѣнiе, такъ что пытались возстановить противъ правительства даже простой народъ.

Выше уже было сказано объ изданiи брошюръ, а въ настоящемъ докладѣ предполагалось вмѣсто ихъ раздавать литографированный листокъ на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и англiйскомъ подъ заглавiемъ „Correspondence Russe". Заграничные корреспонденты обязаны бы были заботиться о помѣщенiи статей „Correspondence Russe" въ иностранныхъ газетахъ и вырѣзки изъ этихъ газетъ, съ указанiемъ, откуда онѣ перепечатаны, присылать въ редакцiю, которая ежегодно чрезъ военнаго министра представляла Государю на благоусмотрѣнiе.

Редакцiи, которыя перепечатывали статьи, были вначалѣ немногочисленны, а именно: только семь нѣмецкихъ, пять англiйскихъ, три итальянскихъ, двѣ французскихъ и одна голландская. Но едва прошелъ годъ, и уже число это возрасло въ сильной степени.

Вотъ, что въ концѣ 1864 года доносилъ министру баронъ Кене, на основанiи имѣвшихся въ редакцiи документовъ [1]).

„Иностранная пресса, столь враждебная Россiи въ прошедшемъ 1863 году, стала, въ настоящее время, сдержаннѣе, и мы можемъ похвастать тѣмъ, что этой, для насъ благопрiятной перемѣнѣ способствовала въ значительной степени литографированная корреспонденцiя „Инвалида".

Корреспонденцiя эта ведется теперь вполнѣ правильно и систематично. Ея XXVIII номеръ появился на французскомъ, англiйскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Многочисленныя письма нашихъ агентовъ удостовѣряютъ, что наши листки, составляемые внимательно и талантливо, встрѣчаются вездѣ сочувственно.

Помимо этого, комиссiя, на которую вашимъ превосходительствомъ возложено порученiе влiять на иностранную прессу, разослала нѣсколько брошюръ, которыя обратили на себя всеобщее вниманiе и всѣхъ заинтересовали.

Главная цѣль, преслѣдуемая этой корреспонденцiей—освѣдомлять иностранную публику и въ особенности журналистовъ, о либеральныхъ намѣренiяхъ правительства Его Величества и указать на то, что Россiя, съ самаго восшествiя на престолъ Императора вступившая на путь цивилизацiи и прогресса, идетъ по этому пути неуклонно къ дальнѣйшему преуспѣянiю. Добросовѣстное освѣдомленiе о томъ, что дѣлается у насъ—есть наилучшее средство для того, чтобы побороть влiянiе лживой и систематически враждебной намъ прессы.

---

[1]) Оригиналъ на французскомъ языкѣ.

Успѣхъ, достигнутый нами въ различныхъ странахъ, различенъ. Въ Германіи, гдѣ пресса, вообще говоря, хорошо освѣдомлена, наши сообщенія перепечатывались цѣликомъ или въ выдержкахъ, во множествѣ газетъ. Особенно большія препятствія пришлось преодолѣть въ Дрезденѣ,—средоточіи мятежныхъ поляковъ, и въ нѣкоторыхъ католическихъ городахъ. Но, благодаря искусству нашего Дрезденскаго агента, г. надворнаго совѣтника Аккермана, даже въ главной газетѣ, издаваемой въ этомъ городѣ, появились передовыя статьи, написанныя въ нашу пользу, и враждебный голосъ ультрамонтантскихъ органовъ не находитъ болѣе сочувствія даже среди католиковъ.

Въ общемъ болѣе или менѣе обширныя выдержки изъ нашихъ замѣтокъ появились въ 41 нѣмецкой газетѣ.

Въ Нидерландахъ, четыре главныя газеты, издаваемыя въ Гаагѣ, Роттердамѣ и Амстердамѣ, подъ вліяніемъ корреспонденцій „Инвалида“, всегда были на нашей сторонѣ.

Въ Бельгіи въ нашу пользу высказывались иной разъ Indepenpence Belge и часто Etoile.

Въ Стокгольмѣ на нашей сторонѣ Dagblat Allehanda, которая, за неимѣніемъ иныхъ источниковъ, черпала прежде свои свѣдѣнія изъ „Колокола“.

Въ Копенгагенѣ мы вошли въ сношенія съ Berlinske Tidende, которая всегда перепечатываетъ наши передовыя статьи.

Въ Италіи, благодаря таланту нашего агента, туринскаго профессора Летура, наши корресподенціи имѣли успѣхъ у органовъ самыхъ различныхъ направленій, каковы „Opinione“,—органъ итальянскаго правительства „Armonia“,—ультрамонтанская газета, Diritto, демократическая газета, Giornale de Triste—органъ австрійскаго правительства.

Въ Миланѣ, баронъ Франко Мистрали, второй редакторъ лучшей Ломбардской газеты, „Gazetta di Milano“, съ которымъ у меня установились личныя отношенія, до того проникся сознаніемъ, что программа, которую мы себѣ поставили, правильна, что онъ задумалъ издавать независимую газету, которая сослужитъ намъ хорошую службу, снискавъ намъ симпатіи всѣхъ честныхъ людей могущественной Италіи, которая окажется современемъ крупной величиной, способной вліять на равновѣсіе европейскихъ державъ. Сбросивъ съ себя пагубную опеку Франціи, Италія можетъ стать вѣрной союзницей Россіи.

Въ Римѣ, правительственный органъ „Osservatore“ нерѣдко черпалъ свѣдѣнія изъ нашихъ корреспонденцій, и наши отношенія прервались только послѣ извѣстной рѣчи папы къ кардиналамъ.

Bibliotèque universelle de Genève—серьезная газета, весьма распространенная не только въ Швейцаріи, но и во Франціи, редактируется образцово молодымъ докторомъ Эд. Фикомъ, который состоитъ также однимъ изъ нашихъ корреспондентовъ. Въ этой газетѣ встрѣчается нѣсколько передовыхъ статей, написанныхъ на основаніи нашихъ сообщеній, онѣ не могли бы быть написаны лучше въ Петербургѣ.

Во Франціи мы привлекли на свою сторону „Constitutionel"—самый значительный органъ французской прессы. Я могу особенно похвастать любезностью главнаго редактора П. Лимайрака, съ которымъ я познакомился лично, и содѣйствіемъ помощника редактора г. Симона. Статьи „Constitutionel" перепечатаны многими второстепенными газетами. Кромѣ того наши корреспонденціи использованы газетами „La Presse", „La Nation", „Le courrier du dimanche" и т. д.

Въ Англіи наши корреспонденціи сообщаются регулярно восемнадцати газетамъ, изъ коихъ четырнадцать издаются въ Лондонѣ. Благодаря необыкновенной дѣятельности и усердію нашего Лондонскаго агента, лэди М. Стюартъ Малькольмъ, враждебное къ намъ отношеніе англійской прессы прекратилось; вотъ уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, какъ ни одна статья, написанная польскими эмигрантами, столь многочисленными въ Лондонѣ, не была принята. Мы обязаны корреспонденціямъ „Инвалида" тому, что лучшіе редакторы англійскихъ газетъ имѣютъ нынѣ болѣе правильный взглядъ на Россію и понимаютъ великодушныя намѣренія Его Императорскаго Величества. Многія изъ нашихъ статей перепечатаны въ „Times", „Evening Herald", „Standard", „Morning Herald" и въ другихъ газетахъ. Въ „Economist", Lloyde", „Saturdi Rewiew" и т. д. встрѣчаются статьи, напечатанныя на основаніи нашихъ замѣтокъ. Если припомнить, какова была англійская пресса не далѣе какъ лѣтомъ прошлаго года, если подумать о постоянныхъ интригахъ недовольныхъ поляковъ, которые и по сейчасъ стараются взволновать Англію съ цѣлью вызвать движеніе противъ Россіи, то достигнутые нами успѣхи покажутся весьма удовлетворительными.

Слѣдуетъ упомянуть также о стремленіи нашего агента; найдя въ одномъ частномъ журналѣ замѣтку, направленную противъ нашего правительства, лэди Малькольмъ, не теряя ни минуты, обратилась къ редактору означенной газеты, чтобы помѣстить опроверженіе на эту статью и защитить правое дѣло Россіи. Непрестанно заботясь объ общихъ интересахъ Россіи и Англіи, лэди Малькольмъ успѣла добиться того, что въ „Morning Post"—газетѣ, которая была въ прошломъ году ярымъ органомъ польскихъ

повстанцевъ, были помѣщены прилагаемыя при семъ двѣ статьи, появившiяся весьма кстати для того, чтобы успокоить умы въ Англiи.

Въ общемъ 82 газеты, издаваемыя въ разныхъ странахъ, получили наши сообщенiя непосредственно отъ насъ самихъ или чрезъ посредство другихъ лицъ и воспользовались ими.

Въ 1866 года „Correspondence Russe“ удалось прiобрѣсти такое значенiе въ европейской журналистикѣ, что нельзя указать ни на одну изъ наиболѣе распространенныхъ французскихъ или нѣмецкихъ газетъ, въ которыхъ не перепечатывались бы еженедѣльно статьи, появляющiяся въ „Correspondence Russe“.

Въ этомъ отношенiи дѣйствительность далеко превзошла всѣ ожиданiя редакцiи. Хорошо зная, наприм., постоянную холодность въ отзывахъ о Россiи со стороны оффицiальной французской газеты „Moniteur Universel“, встрѣчая еще недавно на его столбцахъ отзывы, непрiязненные о Россiи, редакцiя „Инвалида“, не полагая имѣть успѣха въ непосредственномъ сношенiи съ редакцiею „Moniteur'a“, не включала въ кругъ обязанностей своего парижскаго корреспондента заботиться о помѣщенiи тамъ своихъ корреспонденцiй. Но въ теченiе 1864 и 1865 годовъ „Moniteur“ не только самъ перепечатывалъ всѣ руководящiя статьи „Корреспонденцiи“, но заимствовалъ изъ нея даже нѣкоторыя мелкiя статьи, не имѣющiя значенiя свѣдѣнiя, также только при томъ указывая на источникъ своихъ заимствованiй.

Нельзя не указать на то обстоятельство, что это было время важныхъ событiй на востокѣ, и французскiя газеты вообще не охотно говорившiя объ этомъ предметѣ, перепечатывали, однако, всѣ статьи, въ которыхъ говорилось о восточныхъ дѣлахъ и объ отношенiи къ нимъ русскаго общественнаго мнѣнiя.

„Correspondence“ издавалась секретнымъ образомъ, о чемъ было извѣстно князю Горчакову и графу Игнатьеву, и разсылалась она исключительно въ редакцiи заграничныхъ газетъ. „Московскiя Вѣдомости“, встрѣчая въ иностранныхъ газетахъ ссылки на „Correspondence“, называли ее какою-то подпольною газетою.

Статьями этими заинтересованъ былъ и князь Горчаковъ. Вслѣдствiе разговора по этому поводу съ Дмитрiемъ Алексѣевичемъ я получилъ однажды записку слѣдующаго содержанiя:

„Покорнѣйше прошу немедленно прислать мнѣ вырѣзки статей изъ иностранныхъ газетъ, чтобы я могъ показать князю Горчакову, въ какой мѣрѣ „Инвалидъ“ имѣетъ влiянiе на иностранную прессу.

Д. Милютинъ“.

При свиданіи со мною министръ передалъ мнѣ слова князя Горчакова, сказавшаго:

— Я не ожидалъ такого большого успѣха.

Какъ ни охранялся секретъ, но онъ въ 1868 году дошелъ до свѣдѣнія наслѣдника цесаревича Александра Александровича. 11-го января министръ прислалъ мнѣ письмо гофмаршала двора наслѣдника цесаревича съ помѣткою на немъ:

„Прошу Сергѣя Павловича переговорить со мною по этому предмету". Самое же письмо было слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь Дмитрій Алексѣевичъ.

Государь наслѣдникъ цесаревичъ, узнавъ, что при редакціи „Русскаго Инвалида" издается извѣстная Вашему Высокопревосходительству русская корреспонденція, изволилъ изъявить желаніе получить это изданіе.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня для доклада Его Императорскому Высочеству, не изволите ли Вы признать возможнымъ сдѣлать зависящее отъ Васъ распоряженіе, чтобы корреспонденція эта, по мѣрѣ выхода ея, доставлялась Его Императорскому Высочеству.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

В. Звенигородскій".

На это письмо министръ отвѣчалъ:

„Милостивый Государь
Владиміръ Яковлевичъ.

На письмо Ваше отъ 11-го января за № 68 имѣю честь увѣдомить, что, считая за особенное удовольствіе исполнить желаніе Его Императорскаго Высочества, я уже отдалъ приказаніе Главному редактору газеты „Русскій Инвалидъ", полковнику Зыкову, чтобы каждый номеръ выходящей еженедѣльно „Correspondence" былъ доставляемъГосударю Наслѣднику Цесаревичу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю долгомъ просить Васъ, Милостивый Государь, доложить Его Императорскому Высочеству, что выходящая по Высочайшему Государя Императора соизволенію при редакціи „Русскаго Инвалида" „Correspondence" составляетъ тайну и разсылается исключительно въ однѣ только редакціи заграничныхъ газетъ съ цѣлью сообщенія о Россіи свѣдѣній, не искаженныхъ съ умысломъ или по незнанію Россіи. Доставляемый же нынѣ Государю

Наслѣднику Цесаревичу экземпляръ есть единственный, посылаемый редакціею не за границу.

Примите увѣреніе въ почтеніи и преданности.

Д. Милютинъ".

Но 1868 годъ былъ послѣднимъ годомъ независимаго существованія, какъ „Correspondence", такъ и самаго „Русскаго Инвалида". Уже съ 1863 года, когда рѣзко и смѣло газета выступала въ защиту русскихъ интересовъ, когда талантливыя статьи г.г. Бушена, Гильфердинга, Кояловича, Ѳеоктистова и другихъ обратили на себя вниманіе не только русской публики, но и вниманіе самого Императора, удостоивавшаго прочтенія ихъ въ корректурѣ и одобрившаго ихъ для печати, въ крѣпостнической газетѣ „Вѣсть", издававшейся Скарятинымъ и Юматовымъ, началась безпрерывная клевета и брань на газету за ея направленіе. Но когда на верху власти очутились элегантные графъ Шуваловъ, Тимашевъ и Валуевъ, то они пустили въ ходъ и элегантныя манеры. Тутъ дѣйствовали не бранью и клеветою, а искуснымъ способомъ лести, отъ которой въ результатѣ приходилось хуже клеветы. „Русскій Инвалидъ" газета хорошая, говорили одни, но очень жалко, что статьи ея слишкомъ рѣзки; такія крайнія статьи не совсѣмъ удобны въ оффиціальномъ органѣ военнаго министерства; статьи „Русскаго Инвалида" объ Остзейскомъ краѣ, говорили другія, были бы не безъ достоинствъ, если бы не были изображены въ такой формѣ, что возбуждаютъ неопредѣленныя надежды крестьянъ на собственность бароновъ. Такія статьи не должны быть въ правительственной газетѣ. Вообще весь тонъ газетныхъ статей „Русскаго Инвалида", говорили третьи, весьма часто противорѣчитъ общимъ правительственнымъ взглядамъ на русскія событія, а между тѣмъ многими можетъ быть принятъ за взглядъ правительственный. Такая двойственность можетъ быть только вредною.

Подобные отзывы о газетѣ начали слышаться на верху все чаще и чаще, и, наконецъ, цѣль была достигнута. Въ октябрѣ 1868 года я уже имѣлъ по этому поводу разговоръ съ министромъ, а 27 октября послѣдовало Высочайшее повелѣніе открыть съ 1869 года при главномъ управленіи по дѣламъ печати изданіе особой и единственной для всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій оффиціальной газеты подъ наименованіемъ „Правительственный Вѣстникъ" и затѣмъ, отнявъ всякій оффиціальный характеръ у газетъ, служившихъ оффиціальнымъ органомъ нѣкоторыхъ министерствъ и главныхъ управленій, подчинить ихъ на будущее время дѣйствію общихъ законовъ о печати.

И вотъ наступило время, когда вся печать очутилась подъ тяжелымъ прессомъ Шувалова и Валуева.

Однако, вопросъ о „Русскомъ Инвалидѣ“ не считался еще вполнѣ разрѣшеннымъ; нѣкоторое время онъ былъ предметомъ разговора.

30 ноября я получилъ слѣдующую записку военнаго министра: „Сдѣлайте одолженіе, многоуважаемый Сергѣй Павловичъ, постарайтесь достать мнѣ гдѣ-нибудь одинъ или два № газеты „Moniteur de l'armée“ и, если можно,—свѣдѣнія о томъ, на какихъ основаніяхъ издается эта газета. Также желалъ бы имѣть по одному № нѣмецкихъ военныхъ газетъ.

Д. Милютинъ“.

А вслѣдъ затѣмъ 4-го декабря другую:

„Государь Императоръ изволилъ возвратить мнѣ прилагаемые при семъ нумера газеты „Moniteur“, безъ всякаго приказанія; а потому я думаю, что не можетъ уже быть никакого сомнѣнія относительно прекращенія „Русскаго Инвалида“.

Д. Милютинъ“.

Хотя рѣшеніе министра для редактора было въ порядкѣ вещей безапелляціонно, но Дмитрій Алексѣевичъ, по свойственной ему деликатности, обратился ко мнѣ, сказавъ:

— Не думаю, чтобы и для васъ было бы интересно вести газету, въ которой ничего не будетъ кромѣ приказовъ.

Тогда, по приказанію военнаго министра, въ газетѣ было объявлено, что съ 1869 года изданіе „Инвалида“ прекращается вовсе.

Казалось бы, что Шуваловъ и Валуевъ были вполнѣ удовлетворены; независимая отъ ихъ произвола газета, портившая имъ кровь, переставала существовать, и никто изъ нихъ уже не услышитъ осужденія ихъ внутренней политики, поощрявшей все, кромѣ русскихъ интересовъ. Но и этого имъ казалось мало; имъ нужно было, чтобы газета военнаго министерства существовала, но отнынѣ была вполнѣ бы безмолвною. Съ этою цѣлью былъ пущенъ слухъ, дошедшій куда слѣдовало, что прекращеніе „Инвалида“ очень огорчило членовъ Комитета о раненыхъ, и Государь приказалъ министру продолжать изданіе. Вопросъ этотъ былъ предложенъ военно-ученому комитету, который рѣшилъ присоединить газету къ „Военному Сборнику“, который редактировалъ П. К. Меньковъ.

Этимъ покончилъ свое существованіе Милютинскій „Русскій Инвалидъ“.

Въ память о немъ я не могу не сказать нѣсколько словъ.

Не буду говорить о томъ, раціонально или нѣтъ поставлено было самое дѣло; естественно или нѣтъ было существованіе неза-

висимаго органа общественнаго мнѣнія, весьма часто болѣе или менѣе открыто противорѣчащаго видамъ того или другого изъ министерствъ; наконецъ, раціонально ли, что оффиціальный органъ одного министерства косвенно осуждалъ дѣйствія другого. Обо всемъ этомъ можно говорить и даже спорить, но нельзя не сказать, что „Русскій Инвалидъ“ въ то время, на-ряду съ „Московскими Вѣдомостями“ и газетою „День“ и „Парусъ“, доколѣ двѣ послѣднія не были закрыты Валуевымъ, принесъ безспорно немалую пользу русскому обществу. Онъ разъяснилъ истинныя отношенія къ польскому вопросу въ ущербъ польскимъ притязаніямъ, а талантливые государственные дѣятели привели въ исполненіе Высочайшую волю вторично, такъ сказать, присоединивъ Польшу къ Россіи. Въ вопросѣ остзейскомъ, несмотря на сильную поддержку балтійскихъ нѣмцевъ со стороны русской администраціи, голоса московскихъ газетъ и „Русскаго Инвалида“ имѣли большое вліяніе на русское общество, которое только изъ этихъ статей узнавало о тамошнихъ порядкахъ. А это было тѣмъ важнѣе, что противъ нихъ до тѣхъ поръ никто не смѣлъ говорить, а знавшій эти порядки и описавшій ихъ поплатился за то крѣпостью. Стоитъ только припомнить, что русскій генералъ-губернаторъ Альбединскій получилъ выговоръ отъ какого-то остзейскаго герихта за то, что онъ осмѣлился написать въ этотъ герихтъ бумагу на русскомъ, а не на нѣмецкомъ языкѣ. И русскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ русскаго Императора, безмолвно перенесъ это оскорбленіе.

И все это глумленіе надъ Россіею и русскими происходило, по словамъ тѣхъ же остзейцевъ, на основаніи какихъ-то, не то матрикулъ, не то договоровъ временъ Петра Великаго. Но благодаря Бога, Императоръ Александръ II умѣрилъ баронскій пылъ и ввелъ нѣкоторыя реформы.

Что касается до упрековъ газеты „Вѣсть“ и другихъ сановниковъ, что „Русскій Инвалидъ“ унижалъ дворянское сословіе и вооружалъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, то это сплошная ложь. Никогда „Русскій Инвалидъ“, вполнѣ признавая всѣ заслуги русскаго дворянства, начиная съ освобожденія крестьянъ, не отзывался о немъ дурно или неуважительно. Только когда въ нѣкоторыхъ дворянскихъ собраніяхъ заговорили, что правительство за освобожденіе крестьянъ должно дать дворянству исключительныя противъ другихъ сословій права, то есть создать олигархію, „Инвалидъ“ горячо возражалъ, разоблачая скрытыя тенденціи дворянства.

Съ преобразованіемъ „Инвалида“, лично я терялъ очень не много въ матеріальномъ отношеніи, ибо во время своего редакторства я не пользовался никакими служебными преимуществами. Для меня

было совершенно достаточно сознанія, что я рядовой работникъ въ рукахъ европейски образованнаго государственнаго человѣка, который горячо отстаивалъ при всякомъ случаѣ русское дѣло.

Можно быть увѣреннымъ, что если бы во главѣ государственныхъ дѣлъ стояли два такихъ человѣка, какъ двое братьевъ Милютиныхъ, то Россія не вынесла бы тѣхъ издѣвательствъ и униженій со стороны финляндцевъ, какимъ она подвергается нынѣ.

Въ 1864 году къ нападающимъ на „Русскій Инвалидъ“ присоединилась газета, вдохновленная Черняевымъ и Комаровымъ. Въ ней и въ нѣкоторыхъ журналахъ стали появляться статьи Ѳадѣева, огульно осуждавшія всѣ мѣры, предпринятыя Д. А. Милютинымъ, касавшіяся реформъ въ арміи. Это не имѣло бы никакого значенія, если бы во главѣ этой партіи не встало лицо съ большимъ военнымъ авторитетомъ, а именно фельдмаршалъ князь Барятинскій.

Вступивъ въ министерство, Д. А. Милютинъ горячо принялся за коренныя реформы, осуществленныя вполнѣ къ началу 1871 года, когда вся Россія была раздѣлена на 14 военныхъ округовъ. Новая организація военныхъ силъ и ихъ учрежденій, конечно, нашла, какъ это всегда бываетъ, какъ защитниковъ, такъ и противниковъ. По этому поводу военный министръ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ въ 1864 году доносилъ:

„Совершившіяся въ послѣднее время по военной части преобразованія обняли собою такой обширный кругъ государственной дѣятельности и затронули столько интересовъ, что, при всемъ сочувствіи къ нимъ огромнаго большинства лицъ здраво мыслящихъ и опытныхъ, реформы эти не могли не имѣть и отъявленныхъ противниковъ. Утѣшительно однако то, что всѣ нареканія со стороны сихъ послѣднихъ либо обнаруживаютъ незнакомство съ сущностью и цѣлью совершившихся преобразованій, либо касаются тѣхъ именно недостатковъ нашей арміи, устраненіе которыхъ и должно быть со временемъ результатомъ предпринятыхъ реформъ. Толки эти неоднократно доходили до свѣдѣнія Вашего Величества, но осмѣливаюсь думать, что они не могли ни разу поколебать [1]) въ Васъ, Государь, увѣренность, что военное министерство, дѣйствуя постоянно по непосредственнымъ Вашимъ указаніямъ, идетъ вѣрнымъ путемъ къ предположенной цѣли—всестороннему развитію и совершенствованію вооруженныхъ силъ Имперіи“.

Все это не имѣло бы никакого значенія, если бы во главѣ недо-

---

[1]) Противъ этихъ словъ Государь написалъ: „нѣтъ, не поколебали“. Татищевъ.

вольныхъ не стояло авторитетное лицо—фельдмаршалъ князь Барятинскій. И вотъ онъ почему-то вдругъ энергично при литературномъ содѣйствіи Черняева, Ѳадѣева, Комарова и газеты „Вѣсть“ началъ нападать на всю систему Милютина, при чемъ „Русскому Инвалиду“ пришлось вести не менѣе горячую полемику.

По мнѣнію князя Барятинскаго, новая система грозила едва-ли не гибелью Россіи. Для отвращенія этой опасности онъ испросилъ у Государя дозволенія представить на докладъ Милютина свои замѣчанія, не взирая на то, что положеніе было уже Высочайше утверждено и обнародовано.

Въ своей запискѣ князь Барятинскій перешелъ далеко за предѣлы вопроса, послужившаго къ ней поводомъ. Очертивъ характеръ дѣятельности, какъ военнаго министра, такъ и главнокомандующаго арміею въ военное время, фельдмаршалъ доказывалъ, что новымъ положеніемъ умалена власть и должность главнокомандующаго, поставленнаго имъ въ полную зависимость отъ центральнаго военнаго управленія, которое, являясь руководителемъ войны, получаетъ значеніе гофъ-кригсъ-рата, давно осужденнаго исторіею.

Однако, предсказанія князя Барятинскаго ни мало не оправдались, ибо первая случившаяся въ 1877 году турецкая война показала, что милютинская система вполнѣ выдержала испытаніе во всѣхъ отношеніяхъ и при томъ вполнѣ удовлетворительно, августѣйшій главнокомандующій, если былъ въ чемъ-нибудь стѣсненъ, то отнюдь не гофъ-кригсъ-ратомъ, а военный министръ за осуществленіе тѣхъ реформъ, которыя образовали доблестныя войска, былъ награжденъ высокопочетнымъ орденомъ.

Но и записка князя Барятинскаго имѣла также свою исторію. Чтобы удовлетворить его, была по Высочайшему повелѣнію образована подъ предсѣдательствомъ графа Коцебу комиссія изъ большихъ сановниковъ, разсуждавшая довольно долго о томъ, какія поправки можно ввести въ милютинскую систему. Но здѣсь вполнѣ оправдался французскій афоризмъ, что critique est aisée, mais l'art est difficile. Ничего не выработавъ, комиссія спокойно разошлась.

Разставаясь со мною, какъ съ редакторомъ, Дмитрій Алексѣевичъ проявилъ крайнюю степень вниманія и любезности, рѣшившись даже на передокладъ о моей наградѣ у Государя Императора.

— Мнѣ хотѣлось бы, Сергѣй Павловичъ, наградить Васъ внѣ правилъ и дать Владиміра 3 степени, минуя 4 степень; къ сожалѣнію, мнѣ это не удалось. Государь мнѣ сказалъ, что онъ не любитъ, когда обходятъ эту степень.

Покончивъ съ казенною издательскою дѣятельностью и оставаясь по-прежнему только членомъ военно-ученаго комитета, гдѣ не предстояло ежедневной срочной работы, я думалъ, на что бы направить свою дѣятельность, кромѣ служебной обязанности. Но мнѣ не пришлось долго раздумывать потому, что въ началѣ уже 1869 года начальникъ главнаго штаба, графъ Гейденъ, во время засѣданія комитета обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Дмитрій Алексѣевичъ поручилъ мнѣ спросить васъ, не желаете ли вы поѣхать членомъ отъ военнаго министерства въ комиссію, которую предполагается послать на Амуръ и на Сахалинъ.

Такое неожиданное предложеніе отправиться съ какою-то комиссіею, о которой никто еще ничего не зналъ, меня не только что не смутило, но очень порадовало, и я, не задумавшись, отвѣчалъ:

— Поѣду куда угодно и буду очень радъ, если военному министру не вздумается почему-либо измѣнить моего назначенія.

— Если онъ назвалъ васъ, то уже конечно перемѣны ожидать нельзя. Готовьтесь.

— Но что же это за комиссія и кто ея предсѣдатель? спросилъ я.

— Предсѣдатель генералъ-адъютантъ Сколковъ, а члены отъ другихъ министерствъ еще неизвѣстны.

Поводомъ къ назначенію комиссіи былъ всеподданнѣйшій докладъ генералъ-губернатора Восточной Сибири о необходимости самыхъ коренныхъ измѣненій по всѣмъ отраслямъ управленій какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и морскихъ.

Съ этою цѣлью въ составъ комиссіи вошли: отъ военнаго министерства я; отъ морского В. И. Поповъ, внутреннихъ дѣлъ В. Д. Карповъ, государственныхъ имуществъ Людоговскій, министерства финансовъ (горнаго департамента) Дейхманъ и Осиповъ отъ департамента удѣловъ.

Эта комиссія, образованная по Высочайшему повелѣнію, отправилась въ Сибирь въ концѣ апрѣля, а вернулась въ Петербургъ въ декабрѣ.

Въ теченіе почти 9 мѣсяцевъ она прошла на пароходѣ все теченіе Амура, останавливаясь для изслѣдованія почти въ каждой станицѣ и въ крестьянскихъ деревняхъ вплоть до Николаевска, была и на Сахалинѣ, а по возвращеніи зимою въ Иркутскъ приступила къ составленію всеподданнѣйшаго отчета, въ которомъ изложила весьма подробно общее положеніе Амурскаго края и указала на тѣ измѣненія, которыя необходимо привести въ испол-

неніе для дальнѣйшаго развитія этого богатаго, но мало населеннаго края. Комиссія старалась въ подробности изобразить этотъ край, начиная съ его характеристикъ.

Мысль о занятіи устьевъ Амура всецѣло принадлежитъ сибирскому начальству въ лицѣ сибирскаго губернатора Лавинскаго, управлявшаго Сибирью въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Но идея, полная государственнаго смысла, по обыкновенію нашла горячихъ противниковъ въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Къ счастью для Россіи Николай Павловичъ взялъ въ свои руки это дѣло и приказалъ снарядить для изслѣдованія особую экспедицію [1]), которая своими неумѣлыми дѣйствіями ввела въ заблужденіе Императора, написавшаго на докладѣ о ней: „Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ рѣкѣ безполезной, оставить“.

Съ назначеніемъ сибирскимъ генералъ - губернаторомъ Муравьева, картина рѣзко измѣняется. Къ уму и энергіи Муравьева присоединяется въ 1847 году умъ, энергія и гражданское мужество простого командира транспорта, назначеннаго для перевозки продовольствія изъ одного пункта въ другой. Этому командиру транспорта суждено было вмѣстѣ съ Муравьевымъ занять имя въ исторіи Россіи. Отправляясь въ плаваніе съ спеціально назначенною цѣлью, онъ имѣлъ въ виду совершенно другое—изслѣдованіе Амура. Много трудовъ, хлопотъ и энергіи стоило ему, чтобы добиться полученія двусмысленной инструкціи, въ которой, однако, слово Амуръ было вовсе исключено. Но и эта двусмысленность, грозившая Невельскому въ случаѣ неудачи большою отвѣтственностью, не устрашила доблестнаго моряка, который 12-го іюня 1849 года на транспортѣ „Байкалъ“ былъ уже въ Татарскомъ проливѣ, пробиваясь между льдами, а 27 сталъ на якорь въ лиманѣ Амура. Вслѣдъ затѣмъ съ утра до ночи начались изслѣдованія устьевъ, что̀ было сопряжено съ величайшимъ трудомъ и опасностью. Результатомъ этого оказалось, что Сахалинъ, вопреки увѣренію прежнихъ мореходовъ оказался не полуостровомъ, а островомъ; что входъ въ Амурскій лиманъ доступенъ судамъ, для военныхъ судовъ, а фарватеры имѣютъ 12 и 15 ф. глубины.

Когда все это было добыто трудами Невельскаго и его экипажа, то гр. Нессельроде рѣшилъ возможнымъ обсуждать вопросъ объ устьяхъ Амура. Но и тутъ онъ проявилъ свою трусость. Собранный по этому поводу комитетъ онъ не смѣлъ назвать Амурскимъ, а

---

[1]) Барона Врангеля.

назвалъ его Гиляцкимъ, а героя, положившаго начало присоединенія къ Россіи громаднѣйшей и богатѣйшей территоріи онъ совѣтовалъ Государю не только не награждать, но отдать подъ судъ и разжаловать въ матросы. Таковъ былъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Въ концѣ-концовъ Николай Павловичъ рѣшилъ оставить на Амурѣ въ Николаевскѣ военный постъ, заявивъ, что, гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Невельскій не только не былъ разжалованъ въ солдаты, но даже былъ награжденъ Владимірскимъ крестомъ.

Пріамурскій край, какъ извѣстно, состоитъ изъ двухъ областей: Амурской и Приморской, пространство въ точности неизвѣстно ни той, ни другой; длина же Амурской области по Амуру доходитъ до 1.697 верстъ. Эта обширная и весьма мало населенная страна, начинаясь отъ сліянія Шилки съ Аргунью, ограничивается въ главныхъ чертахъ Яблоновымъ хребтомъ, Ледовитомъ океаномъ до Берингова пролива, Восточнымъ океаномъ и Японскимъ моремъ. Понятно, что на такомъ огромномъ протяженіи, какъ рѣка Амуръ, такъ и самыя области представляютъ весьма разнообразный характеръ.

Начиная отъ Устъ-Стрѣлки Амурскій берегъ стѣсненъ горами, подходящими во многихъ мѣстахъ къ самому рѣчному ложу, въ рѣдкихъ мѣстахъ горы эти отходятъ едва на полверсты отъ берега, образуя въ перпендикулярномъ направленіи къ рѣкѣ весьма узкія долины, въ которыхъ только и возможно земледѣліе. Подобный характеръ имѣетъ Амуръ до устья Кумары. За устьемъ этой рѣки до Благовѣщенска общій характеръ мѣстности тотъ же самый, но только съ тѣмъ различіемъ, что горы отходятъ отъ берега нѣсколько далѣе; боковыя долины болѣе широки и встрѣчаются нѣсколько чаще.

За Благовѣщенскомъ лежитъ лучшая часть всего Амура; горы здѣсь удаляются отъ берега въ нѣкоторыхъ мѣстахъ верстъ на двѣсти; между русломъ рѣки и удалившимися горами лежитъ обширная степь, орошаемая на значительномъ протяженіи рѣками Зеею съ ея притоками. Только эта мѣстность и удобна вполнѣ для хлѣбопашества, которое здѣсь можетъ дойти до степени процвѣтанія. Но это пространство не такъ велико въ сравненіи со всѣмъ теченіемъ Амура. Не въ дальнемъ разстояніи за устьемъ рѣки Буреи начинается Хинганскій хребетъ, горы котораго, стѣсняя

русло Амура, опять подходятъ къ самому берегу и образуютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ весьма узкія долины. Здѣсь хлѣбопашество не только не можетъ процвѣтать, но самое существованіе населенія поддерживается уже другимъ промысломъ—звѣринымъ.

За Хинганомъ между станицами Союзною и Головиною на протяженіи 269 вер. идетъ опять степная мѣстность; отсюда до Хабаровки мѣстность хотя степного характера, но низка и затопляется. Этотъ характеръ продолжается верстъ на двѣсти за Хабаровку, а затѣмъ начинаются горные хребты, подходя къ самому берегу, образуя узкія долины, лѣсистыя и болотистыя пространства до самаго устья.

Климатъ Пріамурскаго края по преимуществу континентальный, отличающійся болѣе суровыми зимами и болѣе жаркимъ лѣтомъ, нежели климатъ соотвѣтствующихъ географической широтѣ мѣстностей Европейской Россіи. Эта характеристическая черта мѣстнаго климата выражается весьма замѣчательными отступленіями отъ нормальнаго распредѣленія растеній и животныхъ. Такъ, напримѣръ, многія изъ произведеній растительнаго царства, свойственныхъ средней полосѣ Россіи, не достигаютъ на Амурѣ того развитія, котораго слѣдовало бы ожидать по географическому положенію мѣстности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той же самой мѣстности и рядомъ даже съ хвойными лѣсами находятся въ дикомъ состояніи представители флоры и болѣе теплыхъ поясовъ, какъ, напримѣръ, дикая виноградная лоза и пробковое дерево. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что ягоды виноградныхъ лозъ родятся на Амурѣ мелкими и кислыми, а пробка весьма рыхлая и вообще дурного качества.

Что же касается болѣе теплыхъ мѣстностей—часть Амурской области, между Благовѣщенскомъ и Хабаровкою, отъ Хабаровки до Софійска, Уссурійскій и Южно-Уссурійскій край, то здѣсь климатъ позволяетъ воздѣлывать болѣе нѣжныя растенія, какъ сахарная свекловица.

Почва Амурской области въ однихъ мѣстахъ степная, въ другихъ, а именно въ береговыхъ долинахъ—лѣсная, трудно поддающаяся расчисткѣ, а отъ этого условія зависитъ успѣхъ колонизаціи. Трудность расчистки имѣетъ прямымъ послѣдствіемъ то, что переселенцы не въ состояніи подготовить подъ пашню пространство земли, необходимое для продовольствія ихъ семействъ. Вслѣдствіе этого, новое населеніе впадаетъ въ нужду и для своего прокормленія нерѣдко прибѣгаетъ къ продажѣ орудій своего производства, преимущественно скота.

Къ числу неудобствъ Амурской области необходимо отнести

частую затопляемость; однѣ мѣстности затопляются при каждомъ полноводіи, другія во время слишкомъ высокой воды; наконецъ, есть мѣстности совершенно безопасныя отъ наводненій. Къ послѣднимъ принадлежатъ степныя пространства Благовѣщенскаго района и земли Южно-Уссурійскаго края.

Первая причина затопляемости заключается естественно въ томъ, что первоначально при выборѣ мѣстъ подъ поселенія руководились условіемъ, чтобы выбираемое мѣсто представляло менѣе препятствій и требовало по возможности менѣе труда. Понятно, что подобнымъ условіямъ удовлетворяли мѣста, если не низменныя, то, по крайней мѣрѣ, весьма не высокія, поросшія по большей части не густымъ кустарникомъ. Такія мѣста въ особенности, если они находились въ устьѣ рѣчки, впадающей въ Амуръ, въ полную воду затоплялись и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огороды и даже пашни по необходимости переносились подалѣе отъ берега, и кустарникъ расчищался позади деревни до самаго лѣса. Расчистка кустарника довела хозяйство до того, что нѣкоторые хозяева во время пребыванія на мѣстѣ комиссіи имѣли уже болѣе десяти десятинъ. Дальнѣйшее хозяйство, понятно, потребовало расчистки уже не кустарника, а лѣса, что̀ сопряжено съ большимъ трудомъ. Поэтому начали заявлять желаніе переселиться на новыя мѣста, при чемъ всегда разсчитывали, если не на денежную помощь, то по крайней мѣрѣ на нѣкоторое правительственное содѣйствіе къ переселенію, какъ, напримѣръ, на даровую перевозку на пароходахъ и т. п.

Вся оборона Пріамурскаго края до 1869 года лежала на шести батальонахъ, одной крѣпостной командѣ, пяти постовыхъ командахъ, одной сотнѣ и одной ротѣ крѣпостной артиллеріи, горнаго дивизіона и горнаго взвода на Сахалинѣ. Въ численномъ отношеніи это была ничтожная сила, особенно въ виду постоянной разницы между списочнымъ и наличнымъ составомъ войскъ. До какой степени эта разница была велика, можно судить по тому, что во время пребыванія въ краѣ комиссіи въ линейномъ № 3 батальонѣ изъ числящихся по списку 6.407 было на лицо только 1.497 человѣкъ.

Причина этой разницы между списочнымъ и наличнымъ составомъ батальоновъ, главнымъ образомъ, зависѣла отъ того положенія, въ которое были поставлены войска въ Пріамурской области. Занявъ край совершенно новый, вовсе лишенный рабочихъ рукъ, войска, по необходимости, кромѣ охраны края должны были нести на себѣ такія заботы и обязанности, которыя вовсе неизвѣстны войскамъ, расположеннымъ въ другихъ частяхъ имперіи.

Все то, что до прибытія коммиссіи, то есть до 1869 года, построено въ Благовѣщенскѣ, Хабаровкѣ, Софійскѣ, Маріинскѣ, Николаевскѣ, въ де-Кастро, во Владивостокѣ, Посьетѣ, въ Никольскомъ и на Камнѣ-Рыболовѣ, есть результатъ трудовъ войскъ, которыя кромѣ того построили всѣ дороги, сдѣлали телеграфныя просѣки, служатъ ямщиками на почтовыхъ трактахъ, ловятъ и заготовляютъ рыбу для продовольствія и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разрабатываютъ каменный уголь.

Понятно, что при такихъ трудахъ военное образованіе войскъ не могло быть высоко. И дѣйствительно исключеніе составляла только артиллерія на границѣ въ Новокіевскомъ урочищѣ.

Въ особенности въ крайне плохомъ положеніи находились всѣ постовыя команды. Здѣсь не только хромало военное образованіе, но и все остальное было въ невозможно плачевномъ положеніи. Вслѣдствіе большого расхода людей постройка одежды почти никогда не оканчивалась въ срокъ, почему обмундированіе, можно сказать, находилось въ самомъ безобразномъ видѣ. На смотръ генерала Сколкова люди выходили на половину въ сапогахъ и въ старой истрепанной форменной одеждѣ.

Постовая команда на Камнѣ-Рыболовѣ, осмотрѣнная мною, вышла частью въ лаптяхъ, другая часть въ изорванныхъ шинеляхъ; а остальные въ какихъ-то ватныхъ казакинахъ.

Слѣдствіе этого было то, что военный министръ Д. А. Милютинъ три года подрядъ посылалъ генерала Тимофеева для приведенія въ порядокъ.

Но кромѣ регулярныхъ войскъ оборона края лежала на казакахъ. Казачье войско состояло изъ Амурской конной бригады; Амурскаго казачьяго пѣшаго батальона и Уссурійскаго пѣшаго батальона.

Вся численность казачьяго населенія составляла 18.519 душъ о. п. Въ частности населеніе казаковъ было: въ Амурской конной бригадѣ 7.548 д. о. п.; въ Амурскомъ пѣшемъ батальонѣ 5.661 д. и въ Уссурійскомъ пѣшемъ батальонѣ 5.310 д. од. п.

Эти казачьи войска, какъ въ военномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи были удовлетворительны за исключеніемъ пѣшаго Уссурійскаго батальона. Конная бригада и пѣшій Амурскій батальонъ успѣли со времени своего переселенія уплатить часть долга казнѣ. Первая изъ долга 56.423 р. уплатила 17.254 р., а второй изъ 43.541 р.—29.107 р.

Казаки въ обѣихъ этихъ воинскихъ частяхъ развили здѣсь хлѣбопашество до такой степени, что нѣкоторый избытокъ своего хлѣба продаютъ на сторону.

Но едва не въ отчаянномъ положеніи нашла комиссія пѣшій Уссурійскій батальонъ. Причина этого заключается въ слѣдующемъ.

По присоединеніи Амурскаго края къ Россіи генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири было предположено для фактическаго занятія края и въ видахъ защиты его поселить на границѣ его казачье войско. Это было сдѣлано Муравьевымъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1858 года. При предположеніи этомъ представлены были и соображенія о способахъ и расходахъ передвиженія казаковъ Забайкальскаго казачьяго войска для сформированія изъ нихъ четырехъ пѣшихъ батальоновъ, разсчетъ, сколько семействъ необходимо переселить для того, чтобы казачьи войска могли выставлять, въ случаѣ надобности, необходимое число дѣйствующихъ и резервныхъ войскъ, и проектъ Положенія Амурскаго казачьяго войска.

Предположеніе это, пройдя черезъ Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, было утверждено Государемъ Императоромъ въ октябрѣ 1856 года, и постановлено было образовать четыре пѣшихъ казачьихъ батальона для заселенія и для защиты нашей пограничной линіи.

Переселеніе 4-хъ батальоновъ началось въ навигацію 1858 года.

Въ томъ же году состоялось Высочайшее повелѣніе о перечисленіи штрафованныхъ нижнихъ чиновъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи въ казаки Забайкальскаго и Амурскаго казачьяго войска. Этою мѣрою было положено усилить рабочую силу сказанныхъ войскъ. Въ 1858 году послѣдовалъ проектъ новаго устройства и положенія Амурскаго войска. Конныя казачьи войска должны были сформировать 2 полка 4-хъ сотеннаго состава и составить Амурскую конную бригаду; пѣшія же войска предполагалось раздѣлить на два батальона, съ наименованіемъ ихъ Амурскимъ и Уссурійскимъ пѣшими казачьими батальонами. Въ видахъ недостаточности кореннего казачьяго населенія, для охраненія границы и поддержанія внутренняго порядка на обширной территоріи, предположено было усилить батальонъ поселеніемъ 1.000 человѣкъ изъ нижнихъ чиновъ гарнизонныхъ батальоновъ, перечисленныхъ въ казаки.

Дальнѣйшее движеніе изъ Забайкальской области казаковъ, назначенныхъ въ Уссурійскій батальонъ, происходило въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Въ октябрѣ 1861 года военный губернаторъ Амурской области доносилъ о неуспѣхѣ въ водвореніи нижнихъ чиновъ изъ гарнизонныхъ батальоновъ, перечисленныхъ въ казаки, съ изложеніемъ тому слѣдующихъ причинъ. Общее число перечисленныхъ достигало въ

Амурской области: холостяковъ 1.068, женатыхъ, не имѣющихъ женъ при себѣ, 24, женатыхъ съ семействами 171, всего 1.263 человѣка. По общему исчисленію народонаселенія области, число душъ мужского пола превышало число душъ женскаго пола всего на 1.260 душъ. Такимъ образомъ предвидѣлось, что большая часть холостыхъ нижнихъ чиновъ навсегда останутся таковыми. Вредный результатъ этого состоитъ въ томъ, что они будутъ оставаться безъ всякой помощи въ старости и никогда не упрочатъ своего хозяйства. Впрочемъ, эта безсемейность нижнихъ чиновъ еще не такъ вредна, какъ дурное нравственное вліяніе ихъ на населеніе. Неспособность ихъ къ труду приводитъ ихъ къ безвыходной нищетѣ и служитъ причиною мелкаго воровства и даже грабежа у инородцевъ и казаковъ.

Семейные казаки не принимали нижнихъ чиновъ въ работники въ свои семьи, вслѣдствіе неспособности ихъ къ земледѣльческому труду; въ г. Благовѣщенскѣ же требуются только мастеровые, часть которыхъ между перечисленными въ казаки весьма незначительна. Вслѣдствіе этихъ причинъ, люди эти, въ массѣ, не имѣютъ заработковъ и средствъ къ пропитанію.

Между перечисленными изъ гарнизонныхъ батальоновъ были трудолюбивые и хорошіе хозяева, но они составляли незначительную часть всего ихъ числа и терпѣли большой недостатокъ въ средствахъ. Опираясь на приведенное положеніе дѣлъ, военный губернаторъ Амурской области, въ видахъ устраненія вреднаго вліянія и безвыходнаго положенія вновь зачисленныхъ казаковъ, просилъ генералъ-губернатора удалить всѣхъ ихъ изъ области. за исключеніемъ хорошихъ сельскихъ хозяевъ.

Въ 1866 году крайне бѣдственное положеніе нижнихъ чиновъ гарнизонныхъ батальоновъ, зачисленныхъ въ казаки Уссурійскаго батальона, побудило военнаго губернатора Приморской области просить генералъ-губернатора объ учрежденіи при названномъ батальонѣ общественной заимки (фермы), съ производствомъ на ней земледѣльческихъ работъ артелью изъ перечисленныхъ въ казаки нижнихъ чиновъ. Этою мѣрою онъ предполагалъ дать имъ средство существованія и противодѣйствовать вредному и безнравственному ихъ вліянію на народонаселеніе. Хотя означенная мѣра и допущена была генералъ-губернаторомъ, но какъ заимка не исполняла ожиданія, возложенныя на нее, то и была уничтожена въ 1868 году. Инструменты, скотъ и сѣмянный хлѣбъ были розданы нуждающимся, хорошимъ хозяевамъ изъ казаковъ того же батальона.

Неудовлетворительное экономическое развитіе казачьяго насе-

ленія Уссурійскаго батальона побудило генералъ-губернатора въ 1868 году возложить на командированнаго въ томъ году для инспектированія войскъ Приморской области, генералъ-маіора Клейна, подробно изслѣдовать причины такого упадка батальона, а равно обревизовать названный батальонъ и его управленіе.

По ревизіи оказалось, что обмундированіе Уссурійскихъ казаковъ, состоящихъ на службѣ, крайне неисправно, многіе изъ нихъ не только не имѣли форменнаго платья, но были даже безъ верхней одежды. Нарядъ на службу не производился по существующимъ для сего правиламъ, такъ какъ онъ происходилъ по приговорамъ самого общества, подъ наблюденіемъ только командира. Отчетность въ денежныхъ суммахъ до такой степени запутана, что средства батальона совершенно неизвѣстны, даже не приведены въ ясность счета должниковъ и кредиторовъ батальона и заимообразныхъ пособій казакамъ скотомъ и разными матеріалами.

Населеніе батальона въ 28 станицахъ состоитъ изъ 792-хъ семействъ въ числѣ 4.648 душъ обоего пола, изъ нихъ 41 семейство не имѣетъ домовъ. Батальонъ весьма бѣденъ скотомъ, такъ что 208 семействъ не имѣютъ его вовсе.

Причины плохого экономическаго развитія батальона суть нерадѣніе и лѣнь самихъ казаковъ, недостаточно строгій присмотръ за ними; а главное незаботливость мѣстной власти.

Всѣ эти вышеизложенныя переформированія и измѣненія, чуть не ежегодныя, не могли не отразиться, какъ на хозяйственное, такъ и на военное положеніе Уссурійскихъ казаковъ. Поэтому комиссія заявила, что здѣсь населеніе находится въ гораздо худшемъ положеніи сравнительно даже съ крестьянами, водворенными въ низовьяхъ Амура.

Причина такого исключительнаго положенія Уссурійскихъ казаковъ заключается отчасти въ неудобствѣ топографическихъ условій занятой ими мѣстности и существеннымъ образомъ опредѣляется ошибками и неудачами при первоначальномъ водвореніи ихъ, а также, къ сожалѣнію, и характеромъ самаго населенія.

Первоначальное распредѣленіе казаковъ на Уссури было произведено по непосредственному указанію администраціи, которая, по совершенному незнакомству своему съ мѣстными условіями края, руководствовалась въ этомъ случаѣ весьма обманчивымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее поверхностнымъ осмотромъ Уссурійскаго прибрежья. Умѣренность климата, богатство и сила растительности ввели распорядителей переселенія въ полное заблужденіе относительно выгодъ колонизаціи, и вслѣдствіе этого первые

переселенцы были размѣщены безъ надлежащаго вниманія съ соблюденіемъ лишь произвольно опредѣленныхъ, между вновь учрежденными поселеніями, разстояній.

Другая важная ошибка, допущенная администраціею при первоначальномъ заселеніи Уссурійскаго края, заключалась въ неудачномъ выборѣ самыхъ элементовъ населенія. Не говоря уже о томъ, что значительная часть уссурійскихъ переселенцевъ взята была изъ такихъ мѣстностей Забайкалья, гдѣ земледѣльческій трудъ былъ только побочнымъ занятіемъ жителей, но и самый способъ назначенія этихъ переселенцевъ имѣлъ впослѣдствіи весьма вредное вліяніе на успѣхъ водворенія ихъ въ новомъ краѣ.

Порядокъ, установленный въ то время, для наряда Забайкальскихъ казаковъ къ переселенію въ Пріамурскій край, былъ жеребьевый. Отъ этого порядка формированія пѣшаго Уссурійскаго баталіона сдѣлано было отступленіе въ томъ смыслѣ, что тому, на кого падалъ жребій, было предоставлено замѣнять себя охотниками. Вслѣдствіе этого, многіе зажиточные хозяева, для которыхъ переселеніе въ неизвѣстный и далекій край было особенно чувствительно въ матеріальномъ отношеніи, предпочли вмѣсто себя нанимать и снаряжать на свой счетъ бѣдняковъ, которымъ нечего было терять при переселеніи, чѣмъ самимъ удаляться изъ родины. По этой причинѣ, ни одна часть амурскихъ обязательныхъ переселенцевъ не имѣла въ средѣ своей такъ мало зажиточныхъ хозяевъ и такъ много бѣдняковъ, какъ Уссурійскій баталіонъ.

Съ другой стороны необходимо прибавить, что обманчивое предположеніе о чрезвычайныхъ богатствахъ Уссурійскаго края побудило начальство Восточной Сибири во избѣжаніе излишняго ослабленія казачьяго населенія въ Забайкальской области пополнить контингентъ уссурійскихъ переселенцевъ такими личностями, которыя помимо совершенной бѣдности своей представлялись весьма неблагонадежными и въ нравственномъ отношеніи. То были штрафованные нижніе чины бывшихъ баталіоновъ внутренней стражи, которые, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, были переведены въ Восточную Сибирь для причисленія ихъ къ мѣстнымъ казачьимъ войскамъ. Такъ какъ люди эти въ мѣстахъ новаго причисленія своего служили только обремененіемъ для старожиловъ, вовсе не нуждавшихся въ такихъ нравственно неблагонадежныхъ товарищахъ, то главное начальство края увидало въ переселеніи ихъ на Амуръ весьма удобный способъ ихъ сбыта, разсчитывая при этомъ, что благопріятныя климатическія условія и предполагаемая легкость водворенія въ Пріамурскомъ краѣ, въ связи съ предоставленными

переселенцамъ льготами и пособіями, дадутъ новымъ казакамъ больше возможности къ матеріальному обезпеченію, нежели при водвореніи ихъ въ Забайкальской области. Вслѣдствіе этого часть штрафованныхъ нижнихъ чиновъ и была переселена на Амуръ вмѣстѣ съ казаками. Въ Уссурійскій же пѣшій баталіонъ ихъ зачислено гораздо больше сравнительно отчасти потому, что ими въ качествѣ охотниковъ замѣстились казаки, пожелавшіе остаться на родинѣ.

Весьма понятно, что при такомъ составѣ уссурійскаго населенія значительная часть котораго состояла изъ людей порочныхъ и никогда земледѣліемъ не занимавшихся, оно съ гораздо меньшимъ успѣхомъ могло бороться противъ встрѣченныхъ имъ трудностей при водвореніи на новыхъ мѣстахъ.

Самый способъ препровожденія казаковъ изъ Забайкалья посредствомъ бывшихъ сплавовъ не могъ остаться безъ вреднаго вліянія на ихъ будущность. Обыкновенно казаковъ и ихъ семейства, если не всегда, то по большей части сплавляли отдѣльно отъ ихъ имущества, которое слѣдовало далеко позади, подъ присмотромъ только нѣкоторыхъ казаковъ. Естественно, что самый надзоръ за имуществомъ постороннихъ лицъ не могъ быть такъ хорошъ, какъ въ томъ случаѣ, если бы за нимъ присматривали сами хозяева. Отъ такого порядка нерѣдко имущество утрачивалось, и скотъ погибалъ въ большомъ числѣ. Наконецъ, въ первое время, при маломъ знакомствѣ съ фарватеромъ рѣки Амура и съ свойствами ея теченія баржи и плоты погибали въ весьма значительномъ количествѣ, лишая казаковъ ихъ имущества, хлѣба и скота.

Придя на мѣсто, казаки заняли тѣ станицы, которыя были выбраны заранѣе безъ всякаго знакомства, какъ съ характеромъ рѣки и ея береговъ, такъ и со свойствами выбранной подъ поселеніе мѣстности.

Между тѣмъ первоначально оказанная помощь, при отсутствіи настойчивости со стороны начальства, приказанія перенести пашни на болѣе высокія мѣста, имѣла весьма вредное вліяніе на казаковъ и на ихъ послѣдующую будущность.

Получивъ увѣренность въ томъ, что и впредь они будутъ пользоваться пособіемъ отъ казны, казаки, не взирая на ежегодную затопляемость своихъ поселеній, получая ежегодно хлѣбъ отъ казны, продолжали обрабатывать свои поля на затопляемыхъ мѣстахъ.

Кромѣ этихъ причинъ есть и другія, въ которыхъ слѣдуетъ обвинять исключительно однихъ только казаковъ. Они были твер-

до увѣрены, во-первыхъ, что рано или поздно имъ будетъ разрѣшено опять вернуться въ Забайкалье, а во-вторыхъ, что они безусловно должны получать изъ казны продовольствіе и всякаго рода помощь какъ потому, что они казаки, такъ и потому, что поселены на Уссури не по своему желанію, а по вызову отъ правительства. Обѣ эти причины довели казаковъ до того, что въ 1866 году многіе изъ нихъ, считавшіе въ своей семьѣ по девяти душъ, имѣли по $^3/_8$ десятины запаханной земли.

Къ сказаннымъ причинамъ необходимо присоединить во многихъ случаяхъ замѣчательную апатію казаковъ къ результатамъ своего труда, апатію, отчасти происходящую отъ вышеуказанныхъ причинъ. Какъ бы плохъ ни былъ хозяинъ, но трудно предположить, чтобы онъ не замѣчалъ плохихъ результатовъ своего труда.

Что касается до хозяйственныхъ помѣщеній, то они находились въ самомъ жалкомъ видѣ. Издали каждая станица представлялась обыкновеннымъ русскимъ селеніемъ, по приближеніи же картина измѣнялась совершенно и деревня являлась въ своемъ настоящемъ видѣ: крайне ветхія постройки, преимущественно изъ осиноваго дерева, дырявыя крыши, отсутствіе почти всякихъ пристроекъ для хозяйства и скота, тѣсное жилое помѣщеніе, грязь и нечистота внутри,—вотъ видъ большей части станицъ. Въ одной изъ станицъ есть жилое помѣщеніе, въ которомъ сѣни стояли безъ крыши, со времени первоначальнаго поселенія на Уссури. Хозяинъ въ теченіе десяти лѣтъ не крылъ сѣней въ ожиданіи разрѣшенія возвращенія въ Забайкалье. О крытыхъ ригахъ для молотьбы и сушиленъ нѣтъ и рѣчи. Такія постройки не могутъ не отражаться непосредственно на самихъ казакахъ. Наружный видъ какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, давали самое невыгодное понятіе о населеніи: изможденныя, желтыя лица свидѣтельствовали о дурномъ состояніи здоровья. Недостатокъ хлѣба, праздный образъ жизни, дурныя постройки, нечистота помѣщеній, породили въ зиму съ 1868 на 1869 г.г. тифъ и возвратную горячку, свирѣпствовавшую съ такой силой, что въ рѣдкомъ домѣ оставались здоровые люди.

Послѣ всего описаннаго можно себѣ представить въ чьихъ рукахъ находилась охрана двухъ обширнѣйшихъ областей Россійской Имперіи. На наше счастье сосѣдняя Японія только-что совершила свою революцію и не думала еще объ азіатскомъ материкѣ. Наши силы состояли въ это время изъ Амурской конной бригады, гдѣ были иногда только сборы, и изъ пѣшихъ баталіоновъ: Амурскаго и Уссурійскаго, гдѣ никогда и никакихъ сборовъ не было. Вслѣдствіе

этого въ обоихъ баталіонахъ и никакого военнаго образованія не было. Жители станицъ Амурскаго баталіона, расположенные въ Хинганскомъ хребтѣ и промышляющіе звѣриною охотою, по крайней мѣрѣ имѣли понятіе объ оружіи, чего вовсе нельзя сказать объ Уссурійскомъ баталіонѣ.

Лучше всего можетъ характеризовать слѣдующее обстоятельство. Въ 1868 году по случаю происшедшихъ въ краѣ безпорядковъ Уссурійскимъ казакамъ были розданы превосходнѣйшіе штуцера. Люди, бывшіе въ отрядѣ, отъ неумѣнья обращаться съ оружіемъ испортили его совершенно. Получивъ ружья по станицамъ, казаки даже не распаковывали ящиковъ, а просто оставляли ихъ на дворахъ, подъ дождемъ и сыростью, почему штуцера покрылись ржавчиною, и мѣстное начальство, въ предупрежденіе окончательной порчи, отобрало оружіе въ цейхгаузъ, оставивъ у казаковъ старыя кремневыя ружья.

Русское населеніе, состоящее изъ казаковъ и добровольныхъ переселенцевъ изъ Россіи, расположено исключительно по лѣвому берегу Амура и по берегамъ нѣкоторыхъ его притоковъ. Вся же остальная территорія представляетъ незаселенное пространство съ небольшимъ числомъ кочующихъ народовъ тунгузскаго племени.

Главная масса русскаго населенія состоитъ изъ казаковъ, положившихъ начало колонизаціи края, и русскихъ переселенцевъ изъ внутренней Россіи; всѣ казачьи станицы лежатъ или на самомъ берегу Амура или не вдалекѣ отъ него; большая же часть крестьянскихъ деревень расположена по берегамъ притоковъ Амура и только весьма немногія находятся на берегу послѣдняго.

Инородцы состоятъ изъ трехъ племенъ: ороченъ, манегровъ и гольдовъ, принадлежащихъ къ тунгузскому племени, стоящихъ на первобытной степени гражданской жизни и не отличающихся другъ отъ друга по степени цивилизаціи. Всѣ они не имѣютъ осѣдлости и перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто въ занятыхъ ими районахъ.

Для полноты слѣдуетъ упомянуть, что въ Амурской области между православными живутъ и сектанты, которые впрочемъ не оказываютъ никакого вліянія на православныхъ. Всѣ они живутъ хорошо, и не бываетъ случаевъ совращенія православныхъ. Впрочемъ, если бы они и вздумали пропагандировать свое вѣроученіе, то врядъ ли бы нашли удобную для того почву. Большая часть переселенцевъ состоитъ изъ живущихъ въ малороссійскихъ губерніяхъ, твердо сохраняющихъ свои обычаи и не легко поддающихся какому бы то ни было ученію.

Что касается до хозяйства ихъ, то оно не только не отличается отъ хозяйства православныхъ, но весьма близко къ нему подходитъ, и только молокане, выходцы изъ Таврической губерніи, принесли сюда нѣкоторыя улучшенія, заимствованныя ими у своихъ бывшихъ сосѣдей-менонитовъ.

Успѣхъ мѣстной колонизаціи много зависитъ отъ большей или меньшей трудности расчистки первобытной земли подъ полевую почву. Трудность расчистки имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что переселенцы не въ состояніи подготовить подъ пашню пространство земли, необходимое для продовольствія ихъ семействъ. Вслѣдствіе этого новое населеніе впадаетъ въ нужду и для прокормленія своего нерѣдко прибѣгаетъ къ продажѣ орудій своего производства, преимущественно скота.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе тяжкія условія выпадаютъ на долю тѣхъ мѣстностей, которыя и по климату и по качеству почвы принадлежатъ къ наименѣе одареннымъ природою.

Въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ относительно расчистки земель находится степное пространство Благовѣщенскаго района, прибрежная къ Амуру мѣстность, между Хинганомъ и станицею Головина и въ особенности Южно-Уссурійская область. Здѣсь новыя земли представляютъ собою или совершенно чистые луга, которые можно прямо поднимать плугомъ или же луга, покрытые мелкимъ кустарникомъ.

Для болѣе полнаго разъясненія сельскохозяйственныхъ условій Пріамурскаго края, необходимо коснуться еще нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, которыми въ значительной степени опредѣляется сельскохозяйственный бытъ населенія. Обстоятельства эти суть: изобиліе лѣсныхъ угодій и существованіе въ странѣ разнаго рода промысловъ.

Обращаясь къ существующимъ въ Пріамурскомъ краѣ промысламъ, какъ къ средству обезпеченія быта мѣстныхъ сельскихъ обывателей, необходимо раздѣлить ихъ на двѣ категоріи: на промыслы, возникновеніе коихъ опредѣляется естественною производительностью края, и на промыслы, зависящіе отъ заводскихъ производствъ и вообще отъ усиленія промышленнаго или торговаго движенія въ краѣ.

Къ первой категоріи прежде всего должны быть отнесены промыслы: лѣсной, рыболовный и звѣриный.

Что касается до лѣсныхъ богатствъ, находящихся въ районѣ казачьихъ земель, то слѣдуетъ замѣтить, что обиліе и разнообразіе

лѣсныхъ породъ не предоставляетъ казакамъ особыхъ промышленныхъ выгодъ, да и не можетъ быть для нихъ предметомъ эксплоатаціи. Лѣсъ, находящійся у береговъ, не отличается большими достоинствами и имѣетъ много недостатковъ; хорошій же лѣсъ растетъ вдали отъ береговъ, преимущественно по горнымъ хребтамъ. Лѣсъ, ближайшій къ станицамъ, уже вырубленъ казаками для построекъ и для ихъ собственной надобности, растущій же въ дальнемъ разстояніи отъ станицъ не можетъ быть вырубленъ и перевозимъ за недостаткомъ рабочихъ рукъ и лошадей, а вслѣдствіе того, за дороговизною доставки къ пунктамъ сбыта.

Можно сказать, что огромные здѣшніе лѣса, которые при хорошемъ населеніи и обиліи рабочихъ рукъ составляли бы замѣчательный источникъ богатства, истребляются только лѣсными пожарами и дикимъ манзомъ при усердномъ содѣйствіи уссурійскаго казака.

Нельзя не упомянуть объ одномъ довольно выгодномъ занятіи, свойственномъ нѣкоторымъ лѣсистымъ мѣстностямъ—о сборѣ кедровыхъ орѣховъ въ станицахъ около Хингана. Особаго значенія этотъ промыселъ не можетъ имѣть, какъ по ничтожности самаго продукта, такъ и по ограниченности спроса. Необходимо только указать на варварскій способъ добыванія. Для того, чтобы набрать орѣховъ легкимъ способомъ, рубятъ цѣлыя деревья.

Хотя на Уссури и не бываетъ повсемѣстныхъ падежей и эпидемическихъ болѣзней на скотѣ, однако, по общему отзыву, какъ самихъ казаковъ, такъ и мѣстнаго начальства, скотъ, приведенный изъ Забайкалья, не держится на Уссури и страдаетъ какою-то особою болѣзнью. По имѣющимся свѣдѣніямъ оказывается, что двадцать процентовъ погибаетъ отъ разныхъ причинъ, въ томъ числѣ отъ мѣстнаго корма, вредное качество котораго усиливается отсутствіемъ солонцевъ въ илѣ, остающемся на лугахъ вслѣдствіе разлива Уссури.

Въ заключеніе необходимо сказать о причинѣ, которая, если и не представляетъ препятствія для скотоводства, то все-таки проявляетъ себя съ невыгодной стороны,—это истребленіе скота тиграми. Такъ въ 1866 году тигры истребили 11 лошадей, 9 коровъ и 12 овецъ, не считая большого числа свиней.

Амуръ, Уссури, Сунгари и ихъ притоки необыкновенно богаты рыбою и при томъ самою разнообразною. Въ изобиліи ловятся осетры, таймень, щука, сазанъ, кэта, горбуша, судакъ и др. Въ нѣкоторые годы обиліе рыбы бываетъ изумительное; такъ въ 1868 году на Уссури, въ станицѣ Нижне-Никольской осенью, во время рѣкостава, изъ одной тони за одинъ разъ вынуто было рыбы 2.800

пудовъ. Во всякомъ другомъ мѣстѣ рыба эта была бы не только подспорьемъ, но и предметомъ промысла, между тѣмъ какъ здѣсь она ловится въ самомъ незначительномъ количествѣ. Въ Уссурійскомъ баталіонѣ, въ рѣдкой станицѣ можно встрѣтить хорошія рыболовныя снасти.

Рыболовство въ Пріамурскомъ краѣ, какъ видно, составляетъ повсемѣстное побочное занятіе мѣстныхъ обывателей, снабжающее ихъ рыбною пищею. Какъ самостоятельный промыселъ, оно существуетъ лишь въ немногихъ мѣстахъ теченія нижняго Амура. Изобиліе рыбы почти совершенно исключаетъ возможность неудачнаго улова.

Звѣриный промыселъ совпадаетъ съ распредѣленіемъ въ краѣ прибрежныхъ горъ и лѣсовъ. Вслѣдствіе этого, онъ существуетъ повсюду на Амурѣ и Уссури, за исключеніемъ лишь степной области Благовѣщенскаго района; особенно же звѣроловство развито въ верховьяхъ Амура въ Хинганскомъ хребтѣ и въ Уссурійской рѣчной области, такъ какъ независимо отъ обилія пушного и краснаго звѣря въ лѣсной тайгѣ, подступающей вплоть къ заселеннымъ пунктамъ, сами мѣстные жители, переселенные сюда изъ звѣропромышленныхъ мѣстностей Забайкалья, имѣютъ природную склонность и всѣ качества, необходимыя для успѣшнаго занятія звѣринымъ промысломъ. А между тѣмъ въ области водится по всему Амуру множество самыхъ разнообразныхъ животныхъ, здѣсь встрѣчаются: соболь, бѣлка, лисица, волкъ, выдра, дикая коза, медвѣди, кабаны, изюбры, еноты, а на Уссури тигры и барсы. При обиліи дичины въ районѣ расположенія Амурскаго батальона звѣропромышленность могла быть важнымъ подспорьемъ для жителей. Въ то время, какъ гольды добываютъ соболей тысячами, казаки въ теченіе цѣлой зимы набираютъ ихъ десятками и рѣдко двѣ, три сотни. Причина этого заключается въ томъ, что казаки, несмотря на долгое пребываніе въ краѣ, не умѣютъ подобно гольдамъ ходить на лыжахъ.

Изъ всѣхъ мѣстностей Пріамурскаго края только двѣ привлекаютъ къ себѣ вольныхъ переселенцевъ: степная область Благовѣщенскаго района и Южно-Уссурійскій край, въ особенности послѣдній, куда стремятся многіе крестьяне, уже совершенно устроившіе свое хозяйство въ хлѣбородномъ Зейскомъ округѣ. Это стремленіе переселенцевъ въ этотъ край какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ и ближайшимъ видамъ правительства относительно усиленія мѣстнаго производства хлѣба и условіямъ будущаго экономическаго устройства страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточеніе морскихъ учрежденій въ одной изъ южныхъ гаваней только тогда можетъ прійти къ полезнымъ результатамъ, когда учрежденія эти будутъ опираться на производительное и многочисленное населеніе.

Поэтому переселеніе въ Южно-Уссурійскій край заслуживаетъ исключительной поддержки правительства. Комиссія находила совершенно необходимымъ принять нѣкоторыя мѣры для облегченія трудностей передвиженія въ самыхъ предѣлахъ Амурской области. Надо припомнить, что въ то время о желѣзныхъ дорогахъ на востокъ отъ Нижняго-Новгорода и въ поминѣ не было. Слѣдующіе въ Южно-Уссурійскій край переселенцы совершали свой путь по Амуру на сплавныхъ баржахъ и плотахъ до Хабаровки. Здѣсь комиссія увидѣла оригинальное зрѣлище: на огромномъ пространствѣ по берегу и вглубь отъ него была тысячная толпа людей, между которыми виднѣлись мужчины, женщины, дѣти, самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, лошади и коровы. Все это не имѣло кровли надъ собою, ютилось подъ открытымъ небомъ въ ожиданіи баржъ. Хотя на длинномъ пути изъ Россіи до Хабаровки они подвергались многимъ лишеніямъ и рисковали потерять свое имущество и скотъ отъ разныхъ случайностей, но доходящіе благополучно до Хабаровки сохраняли и свои физическія силы, и свои матеріальныя средства.

Начиная отъ Хабаровки, переселенцы должны были подниматься вверхъ по Уссури и Сунгарѣ, что̀ уже совершенно недоступно для нихъ безъ посторонней помощи. Единственное средство для этого составляли казенные пароходы съ баржами, но такъ какъ пароходы эти заняты всегда исполненіемъ служебныхъ обязанностей, изъ которыхъ одна доставка провіанта въ казачьи станицы и въ мѣста расположенія регулярныхъ частей требуетъ нѣсколькихъ рейсовъ, то очевидно, что помощь эта не удовлетворяетъ ихъ. Дѣйствительно, по опросѣ ихъ оказалось, что они ждали очереди два и три мѣсяца, въ теченіе которыхъ издерживались на пропитаніе, для чего продавали часть своего имущества; если затѣмъ и оставался скотъ, то они должны гнать его болотистыми берегами, иногда совершенно затопляемыми, почему скотъ доходитъ до мѣста изнуреннымъ, а часть его и вовсе пропадаетъ. Сами переселенцы приходятъ на мѣсто водворенія уже позднею осенью, когда нельзя заготовлять хорошаго корма для скота и устроить себѣ сколько-нибудь сносное жилище.

Для усиленія колонизаціи Пріамурскаго края, по мнѣнію комиссіи, была бы весьма дѣйствительна другая мѣра—именно обезпеченіе переселенцамъ-раскольникамъ полной религіозной свободы съ правомъ публичнаго отправленія богослуженія по обрядамъ ихъ секты. Но такъ какъ осуществленіе этой мѣры затрогивало слишкомъ важные интересы государства и россійской православной церкви, то комиссія не считала себя въ правѣ входить въ даль-

нѣйшее соображеніе этого вопроса, а ограничилась лишь однимъ краткимъ указаніемъ на означенную мѣру.

Говоря о необходимыхъ мѣрахъ для улучшенія положенія крестьянъ, нельзя опустить изъ виду еще одного весьма важнаго обстоятельства, имѣющаго самое вредное вліяніе на ихъ дѣятельность. Обстоятельство это заключается въ значительномъ накопленіи на нихъ казенныхъ долговъ, вслѣдствіе выданныхъ имъ въ разное время заимообразныхъ пособій. При крайне недостаточномъ состояніи мѣстнаго населенія взысканіе этихъ долговъ представляется совершенно безнадежнымъ, а между тѣмъ сознаніе неоплатности долга и постоянное опасеніе, что начальство не преминетъ воспользоваться всякимъ улучшеніемъ средствъ жителей для пополненія числящейся на нихъ недоимки, невольно удерживаютъ послѣднихъ отъ энергической заботы объ улучшеніи и расширеніи своего хозяйства.

Къ этому необходимо присовокупить, что какъ на Уссурійскихъ казакахъ, такъ и на крестьянахъ Приморской области тягость лежащаго на нихъ долга увеличивается еще болѣе отъ неизвѣстности имъ точнаго размѣра долга. При распредѣленіи пособій и заимообразныхъ выдачъ между хозяевами не было надлежащей аккуратности и точности, вслѣдствіе чего чрезъ нѣкоторое время начальствомъ сумма долга была опредѣлена приблизительно, но сколько изъ общаго долга причитается на каждаго отдѣльнаго хозяина, это, въ большинствѣ случаевъ, осталось неопредѣленнымъ. Тогда начальство распредѣлило казенную недоимку между отдѣльными лицами и, при томъ не принявъ во вниманіе тѣхъ, которые дѣйствительно получили пособія.

При такой неправильности распредѣленія между населеніемъ низовьевъ Амура и Уссурійскаго края казенной недоимки, при безнадежности взысканія большей части ея, и при томъ вредномъ вліяніи, которое имѣетъ на дѣятельность населенія тяготѣніе надъ нимъ неоплатнаго долга, комиссія полагала, что необходимо сложить этотъ долгъ со счетовъ и доставить такимъ образомъ мѣстному населенію надежное ручательство въ безпрепятственномъ пользованіи результатами своей хозяйственной дѣятельности.

Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ, комиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ:

Въ основу преобразованій Пріамурскаго края должны быть положены слѣдующія главныя начала:

1. Перенесеніе административнаго центра изъ Иркутска на Амуръ.

2. Предоставленіе мѣстной администраціи необходимой самостоятельности, обусловливаемой какъ организаторскимъ характеромъ ея, такъ и отдаленностью края отъ центральныхъ государственныхъ учрежденій.

3. Въ виду важнаго морского значенія прибрежья Восточнаго океана, обезпеченіе свободнаго развитія мѣстныхъ морскихъ учрежденій.

Для достиженія этихъ цѣлей комиссія предполагала:

1. Управленіе Пріамурскимъ краемъ изъять изъ вѣдѣнія генералъ-губернатора Восточной Сибири, оставивъ подъ его управленіемъ Енисейскую и Иркутскую губерніи и Якутскую и Забайкальскую области.

2. Упразднить Амурскую область, которая ни по числу населенія, ни по экономическому своему положенію не можетъ составлять самостоятельной административной единицы. Изъ всего же Пріамурскаго края, за исключеніемъ морского побережья, образовать одну область подъ названіемъ Пріамурской.

3. Морскую часть въ Амурскомъ краѣ поручить отдѣльному морскому начальнику съ званіемъ главнаго командира портовъ Восточнаго океана съ мѣстопребываніемъ во Владивостокѣ.

Затѣмъ комиссія проектировала измѣненія относительно гражданскаго управленія.

Я, какъ членъ отъ военнаго министерства, подалъ особое мнѣніе, которое состояло въ слѣдующемъ:

1. Изъ областей Забайкальской и Пріамурской (Амурская и Приморская) образовать одно генералъ-губернаторство съ административнымъ центромъ въ Благовѣщенскѣ.

2. Генералъ-губернатору предоставить въ военномъ отношеніи права командующихъ войсками въ округахъ.

3. Главному командиру портовъ подчинить войска, расположенныя въ прибрежныхъ пунктахъ, не имѣющихъ сухопутнаго сообщенія, въ портѣ и на Сахалинѣ только въ командномъ отношеніи на правахъ военнаго губернатора.

Эти соображенія комиссіи были разсмотрѣны въ 1871 году въ особомъ совѣщаніи, которое однако не рѣшило вопроса окончательно.

И вотъ съ тѣхъ поръ дѣло кануло, если не въ вѣчность, то по крайней мѣрѣ затормозилось надолго. Уже совершенно независимо отъ комиссіи, министерство внутреннихъ дѣлъ составило свой собственный проектъ; ввело новые вопросы о среднеазіатскихъ областяхъ въ связи съ Амурскими и запросило чуть не всѣхъ генералъ-губернаторовъ, изъ которыхъ каждый рекомендовалъ свою панацею. А такъ какъ въ этихъ предложеніяхъ кромѣ опыта и знанія было не-

мало личныхъ интересовъ и честолюбій, то въ 1873 году опять была гдѣ-то образована комиссія, которой было поручено выработать окончательное заключеніе на основаніи высказанныхъ мнѣній. По отношенію къ Восточной Сибири выводъ этой комиссіи состоялъ въ томъ, что тогдашнее генералъ-губернаторство должно быть упразднено, а изъ Приморской, Амурской и Забайкальской областей образовано Амурское генералъ-губернаторство. Насколько бывшіе генералъ-губернаторы были знакомы съ управляемымъ ими краемъ, можетъ служить то обстоятельство, что четыре изъ нихъ, управлявшіе краемъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ, не пришли къ одинаковымъ заключеніямъ, хотя они не могли относиться къ этому вопросу иначе, какъ съ точки зрѣнія и знанія мѣстныхъ интересовъ.

Только въ апрѣлѣ 1876 года, то есть черезъ семь лѣтъ послѣ комиссіи, рѣшено было дѣло объ Амурскомъ краѣ.

Сдѣланный мною набросокъ составляетъ, такъ сказать, второй періодъ исторіи Пріамурскаго края; первый же, отъ перваго появленія русскихъ на Амурѣ до появленія тамъ комиссіи, очень хорошо разработанъ г. Тимченко-Рубанъ [1]). Было бы крайне желательно разработать второй періодъ до настоящаго времени, когда условія передвиженія переселенцевъ радикально измѣнились, когда прошло болѣе сорока лѣтъ, въ теченіе которыхъ край при благопріятныхъ административныхъ условіяхъ долженъ бы былъ нынѣ процвѣтать, пользоваться богатыми дарами природы и богатѣть, не отдавая своихъ богатствъ въ чужія руки.

Въ 1881 году Дмитрій Алексѣевичъ оставилъ министерство. Имя его было настолько популярно, что не только въ однѣхъ военныхъ сферахъ, но и во всемъ русскомъ обществѣ интересовались вопросомъ, кто его замѣнитъ? Всѣмъ казалось самымъ естественнымъ, что его замѣнитъ человѣкъ, вмѣстѣ съ нимъ все время работавшій, принимавшій подъ его руководствомъ участіе во всѣхъ военныхъ преобразованіяхъ, человѣкъ большого ума организаторской складки, посланный въ тяжелую минуту на Кавказъ, къ Великому Князю Михаилу Николаевичу и заслужившій за это георгіевскій крестъ 3 степени. Всѣ называли Обручева. Правда, нѣкоторые думали, что это назначеніе встрѣтитъ препятствіе потому, что Обручевъ многими считался краснымъ, какими въ то время считались всѣ тѣ, которые, вмѣстѣ съ Милютинымъ, были поборниками того освободительнаго направленія, которымъ было ознаменовано царствованіе Императора Александра II.

---

[1]) „Военный Сборникъ“ 1909.

И вотъ въ одинъ прекрасный день военные узнали, что военнымъ министромъ назначенъ генералъ Ванновскій. Какъ могло случиться такое назначеніе? Такъ какъ никто не зналъ навѣрно содержанія разговора, происходившаго между Государемъ съ Милютинымъ, по поводу назначенія Ванновскаго, то всѣмъ, а въ томъ числѣ и князю Мещерскому, приходится говорить по слухамъ, исходящимъ съ разныхъ сторонъ. Такъ онъ говоритъ:

„Когда состоялось назначеніе Ванновскаго, говорили въ военныхъ и политическихъ сферахъ, что выборъ исходилъ всецѣло и исключительно отъ самого Государя. Оно оказалось, какъ мнѣ потомъ разъяснили, такъ, но не совсѣмъ. Мысль о Ванновскомъ, какъ о преемникѣ графа Милютина, впервые была высказана самимъ графомъ Милютинымъ въ отвѣтъ будто бы на вопросъ, который задалъ Государь, Александръ III гр. Милютину послѣ того, что имъ было высказано желаніе оставить должность военнаго министра. Графъ Милютинъ всегда былъ умный человѣкъ, всегда любезный человѣкъ и всегда тонкій дипломатъ. Во всѣхъ отношеніяхъ гр. Милютинъ и Ванновскій были антиподами и паче всего по военнымъ и политическимъ взглядамъ. Гр. Милютинъ былъ въ полномъ смыслѣ слова либералъ, но не въ смыслѣ пошлаго или демократа-либерала, а въ смыслѣ убѣжденнаго прогрессиста и противника николаевскаго режима, и этотъ либерализмъ вносилъ и въ сферу всего военнаго дѣла. Ванновскій напротивъ былъ фанатическій воспитаникъ николаевскаго режима и либерализма въ военномъ дѣлѣ не допускалъ. Слѣдовательно, было совершенно естественно думать, что внутри себя ни графъ Милютинъ къ Ванновскому, ни Ванновскій къ графу Милютину не питали симпатій. Но графъ Милютинъ зналъ отлично, что въ Рущукѣ, во время командованія отрядомъ Цесаревичъ Александръ, вообще мало демонстративный въ проявленіи симпатіи и довѣрія, сблизился съ генераломъ Ванновскимъ на столько, что еще въ Рущукѣ говорили о немъ, какъ о военномъ министрѣ въ будущее царствованіе. И вотъ почему съ дипломатическимъ чутьемъ, ему всегда присущимъ, гр. Милютинъ былъ увѣренъ, что, назвавъ своимъ преемникомъ Ванновскаго, онъ сдѣлаетъ Государю большое удовольствіе тѣмъ, что дастъ ему право опереть свой выборъ Ванновскаго ссылкою на рекомендацію гр. Милютина. Зналъ ли это Ванновскій или не зналъ, не знаю, но одно несомнѣнно: Ванновскій не любилъ, вѣроятно, быть благодарнымъ, ибо за все время своего управленія военнымъ министерствомъ онъ не любилъ все, что имѣло запахъ духа гр. Милютина“.

Мнѣ кажется, что князь Мещерскій напрасно взялся за чтеніе чужихъ мыслей такъ логично и подробно, но врядъ ли справедливо

описалъ тайныя мысли Милютина при разговорѣ Государя съ нимъ. Милютинъ былъ не такой человѣкъ, чтобы подлаживаться къ кому бы то ни было, и раньше онъ не дорожилъ министерскимъ портфелемъ и всегда готовъ былъ имъ пожертвовать, а отнюдь не подлаживаться. Онъ доказалъ это еще ранѣе, бывъ товарищемъ Сухозанета.

Въ одномъ только отношеніи правъ князь Мещерскій, назвавъ Ванновскаго и Милютина антиподами, и указавъ на то, что всѣ, пользовавшіеся болѣе или менѣе вниманіемъ Милютина, были не въ авантажѣ у Ванновскаго, начиная съ его ближайшаго помощника—Обручева и другихъ.

Новый военный министръ былъ человѣкъ здравомыслящій, умный, твердаго характера и желѣзной воли. Таковы были положительныя качества Ванновскаго. Что же касается до отрицательной стороны, то она состояла въ томъ, что онъ былъ грубъ до чрезвычайности не только съ служащими, но и съ просителями; при его вспыльчивости многіе и часто должны были выслушивать дерзкія выходки. Онъ самъ говорилъ П. А. Крыжановскому: „Вѣдь я собака, не правда ли, я всѣхъ кусаю, никому дремать не даю, а потому и порядокъ такой... Когда и вы будете начальникомъ, совѣтую также быть собакой“.

Но самою худшею стороною его характера, какъ военнаго министра, было то, что онъ развелъ повсемѣстно кляузничество и анонимые доносы, которые поощрялъ, дѣлая тайныя разслѣдованія вмѣсто явныхъ ревизій. Вѣрно или нѣтъ, но говорили, что за это жестоко поплатился одинъ изъ его приближенныхъ адъютантовъ.

Не могу не упомянуть еще объ одной черточкѣ его характера—мстительности, которую я испыталъ на себѣ. Дѣло происходило такъ.

Въ 1879 г. Дмитрій Алексѣевичъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Было бы желательно, Сергѣй Павловичъ, чтобы матеріалы, касающіеся послѣдней войны, не утратились, а сохранились бы для будущаго историка этой войны. Я полагаю, что лучше всего было бы сосредоточить всѣ дѣла въ Ученомъ Комитетѣ и составить описаніе войны.

— А кто же будетъ писать? спросилъ я.

Надо составить комиссію, и я думаю назначить васъ предсѣдателемъ; объ организаціи ея я переговорю съ графомъ Гейденомъ. Вамъ отчасти это дѣло не новое, ибо вы уже работали у Тотлебена.

Никогда до тѣхъ поръ не отказывался я ни отъ одного поруче-

нія; послали меня въ чинѣ капитана сплавлять войска на Кавказъ, и я нѣсколько мѣсяцевъ плавалъ между Бердянскомъ и Темрюкомъ; неожиданно послали меня въ 1863 году въ Могилевъ на Днѣпрѣ — и я поѣхалъ; предложили въ комиссію Тотлебена—я принялъ; назначили редакторомъ „Русскаго Инвалида"—я не отказался; предложили отправиться въ Сибирь и на Сахалинъ—я съ радостью согласился. Но послѣднее предложеніе вовсе мнѣ не улыбалось. Я хорошо понималъ разницу между работою единоличною и комиссіонною и съ гораздо большимъ удовольствіемъ и рвеніемъ согласился бы работать одинъ. Но не успѣлъ я одуматься, какъ получилъ копію съ всеподданнѣйшаго доклада, на основаніи котораго кромѣ предсѣдателя полагалось 4 офицера: 2 для европейской войны, 1 для азіатской и 1 для общаго дѣлопроизводства. Кромѣ того предлагалось приглашать временно сотрудниковъ для отдѣльныхъ работъ. Словомъ, задумано было широко, но, какъ всегда, налаживаться начало съ величайшимъ трудомъ. Прежде всего въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ понадобилось два Высочайшихъ повелѣнія о присылкѣ въ Главный штабъ всѣхъ документовъ; каждый, повидимому, многіе документы считалъ своей собственностью, и работа замедлялась. Кромѣ того самые документы, если и присылались, то безпорядочно, неполные, съ вырванными страницами, перепутанными, съ самыми разнородными содержаніями. Словомъ, былъ невообразимый хаосъ.

Это съ матеріалами, а вотъ съ временными сотрудниками. Обращаюсь къ графу Гейдену и говорю: Ваше Сіятельство, дайте такого-то въ комиссію.

— Берите кого-нибудь другого, а этотъ нуженъ такому-то.

Когда же начальникомъ Главнаго штаба сдѣлался мой товарищъ, Обручевъ, то я на свою просьбу получалъ болѣе энергическій отвѣтъ.

— Откуда я найду тебѣ офицеровъ, когда мнѣ самому не хватаетъ.

Такъ продолжалось года три, въ теченіе которыхъ удалось составить, и то весьма бѣгло, нѣсколько статей—двѣ или три.

— Ну, какъ идутъ у васъ дѣла по исторіи войны? спросилъ однажды у меня Дмитрій Алексѣевичъ.

— Очень плохо, просто не знаю, что дѣлать,—отвѣчалъ я и разсказалъ ему ходъ дѣла.

— Удивительно, какъ это у насъ все, что ни предпримемъ, не удается, сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ, какъ бы съ досадою.

Принявъ это за упрекъ въ медленности, я ему отвѣтилъ:

— Но вы сами, Дмитрій Алексѣевичъ, разсказывали мнѣ, какъ васъ Мольтке водилъ по архиву прусскаго главнаго штаба и показывалъ вамъ, на какихъ полкахъ находятся полковые и другіе дневники каждой части войскъ. Тогда легко писать исторію.

И вѣроятно изъ деликатности министръ добавилъ:

— Да, это правда; иногда для установленія какого-нибудь факта приходится терять много времени. Я помню, какого труда мнѣ стоило, чтобы установить мѣсто пребыванія Суворова, когда я писалъ исторію кампаніи 1799 года. Послѣ долгихъ усилій я наконецъ нашелъ и при томъ вовсе не тамъ, гдѣ можно было ожидать [1]).

По вступленіи въ министерство П. С. Ванновскаго взглядъ на это дѣло совершенно измѣнился. Новый военный министръ вѣроятно полагалъ, что написать исторію войны такъ же легко, какъ какой-нибудь докладъ, и однажды обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Скоро вы, Ваше Превосходительство, окончите свою работу?

— Врядъ ли скоро, Ваше Высокопревосходительство,—отвѣчалъ я.

— Однако пора было бы кончать; времени, кажется, было довольно.

Принявъ это за намекъ, что я тяну работу изъ-за личной своей выгоды, я на другой день составилъ подробную записку о ходѣ работы, указавъ на всѣ препятствія, которыя мѣшали и мѣшаютъ успѣшному исполненію работы, и въ заключеніе просилъ освободить меня отъ предсѣдательства.

Вотъ тутъ-то и отомстилъ мнѣ за отказъ Петръ Семеновичъ.

По Высочайшему повелѣнію Императора Александра II мнѣ производилось жалованье и квартирныя деньги по чину. Слѣдовательно, при производствѣ моемъ изъ генералъ-маіоровъ въ генералъ-лейтенанты я долженъ былъ получать квартирныхъ денегъ на 500 р. въ годъ больше. Но министръ именемъ Государя квартирныя деньги оставилъ въ прежнемъ размѣрѣ. Понятно, что не Государь же это сдѣлалъ, а Ванновскій, чтобы наказать меня за отказъ.

Д. А. Милютинъ, какъ ученый военный историкъ, хорошо понималъ трудность, при нашихъ порядкахъ, писать исторію; Ванновскій же не задумывался надъ этою задачею и воображалъ, что онъ, какъ военный министръ, только своею властью заставитъ исполнить эту работу ускореннымъ способомъ. Однако это ему не удалось; я оставилъ военно-историческую комиссію въ 1885 году, а первый томъ былъ выпущенъ въ 1901 году, то есть чрезъ 16 лѣтъ послѣ меня. Вотъ сколько понадобилось времени, чтобы такъ добросовѣстно составить историческій очеркъ, какъ онъ появился, благодаря трудамъ комиссіи. Да и теперь комиссія находитъ, что „многіе существенные историческіе вопросы не находятъ себѣ удовлетворительнаго отвѣта“ по неполнотѣ матеріала. Самое же описаніе еще не доведено до конца.

Впрочемъ, я долженъ тутъ же указать на другую черту Ваннов-

---

[1] Я не могу припомнить самаго эпизода, о которомъ шла рѣчь.

скаго, которая показываетъ, что когда шло дѣло, по его понятіямъ, заслуживающее вниманія, то онъ при обсужденіи дѣла не бралъ въ разсчетъ личности. Это я также испыталъ на себѣ.

Въ 1870 годахъ, оставаясь членомъ военно-ученаго комитета, я, по Высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ членомъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ. Предсѣдателемъ комитета былъ Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ, а помощникомъ его генералъ-адъютантъ Чертковъ. Появленіе въ тѣ времена въ казармахъ разныхъ сочиненій и брошюръ противоправительственнаго содержанія обратило на себя вниманіе военнаго начальства. Рѣшено было помимо разныхъ запретительныхъ мѣръ къ тому, чтобы вредныя изданія не проникали въ казармы, дать нижнимъ чинамъ нѣкоторое удовлетвореніе, создавъ для нихъ какое-нибудь періодическое изданіе, приноровленное къ ихъ понятіямъ. Въ основу этого изданіе, понятно, должно было лечь, помимо статей образовательнаго содержанія, главнымъ образомъ внушеніе солдату любви и преданности къ Государю, какъ къ своему вождю, любви къ родинѣ и въ важности исполненія воинскаго долга во всѣхъ случаяхъ.

До того времени существовало два изданія для нижнихъ чиновъ: „Солдатское Чтеніе“, выходившее шесть разъ въ годъ и „Досугъ и Дѣло“; первое издавалось генераломъ Гейротомъ, а второе А. Ѳ. Погосскимъ. „Досугъ и Дѣло“ хотя и считался періодическимъ изданіемъ, но выходилъ весьма неправильно и наполнялся статьями самого Погосскаго. По смерти его журналъ этотъ былъ пріобрѣтенъ мною. Я расширилъ программу и также началъ издавать его правильно шесть разъ въ годъ.

Разсмотрѣвъ это дѣло, комитетъ рѣшилъ остановиться на журналѣ „Досугъ и Дѣло“, но съ условіемъ, чтобы это былъ журналъ ежемѣсячный, а такъ какъ я заявилъ, что для увеличенія его объема вдвое я не имѣю средствъ, то рѣшено было войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о назначеніи субсидіи, которую я получалъ до тѣхъ поръ, пока журналъ могъ издаваться на свои средства. И во все это время П. С. Ванновскій, слишкомъ скупой на казенные расходы, ни разу не отказалъ въ субсидіи.

Имѣя въ виду собрать всѣ матеріалы, касавшіеся войны 1877—78 годовъ, какъ на европейскомъ театрѣ войны, такъ и на азіатскомъ. Дмитрій Алексѣевичъ предложилъ мнѣ отправиться на Кавказъ и условиться съ В. К. Михаиломъ Николаевичемъ на счетъ совмѣстной работы и присылки матеріаловъ въ Петербургъ.

Великій Князь принялъ меня въ своемъ имѣніи, въ Боржомѣ, пригласилъ меня на обѣдъ, а слѣдующій день назначилъ для дѣлового разговора.

— Скажите, пожалуйста, началъ Великій Князь, повидимому, не безъ ироніи, чего желаетъ Дмитрій Алексѣевичъ, вѣроятно, онъ, по примѣру Мольтке, хочетъ писать исторію.

— Далеко не то, Ваше Высочество; онъ просто желаетъ сохранить всѣ матеріалы, чтобы облегчить трудъ будущему историку, для чего и проситъ, чтобы все, касающееся этой войны, было прислано въ Петербургъ въ военно-историческую комиссію.

Категорическаго отвѣта на мои слова я не получилъ. Послѣ нѣкотораго молчанія Великій Князь сказалъ:

— Ну, хорошо, я пришлю вамъ завтра полковника Астафьева. Вы съ нимъ и сговоритесь.

О чемъ было сговариваться послѣ категорическаго заявленія о присылкѣ матеріаловъ въ Главный штабъ я не понималъ, а только догадывался, что кавказское начальство желаетъ само писать исторію, что̀ чрезъ нѣкоторое время и осуществилъ г. Кишмишевъ.

Товарищъ мой А. А. Ильинъ открылъ литографію и вмѣстѣ съ В. А. Полторацкимъ началъ издавать для военно-учебныхъ заведеній карты военныхъ дѣйствій. Скоро Полторацкій отказался, и Ильинъ предложилъ занять его мѣсто мнѣ. Но такъ какъ я по совершенно незнакомому мнѣ дѣлу ничего не могъ внести своимъ трудомъ, то я отказался. Впослѣдствіи Ильинъ такъ расширилъ свое дѣло, издавая учебныя географическія карты, что простая литографія своими многоразличными работами обратилась въ обширное картографическое заведеніе. Тогда я посовѣтовалъ Ильину не ограничиваться одною картографіею, но присоединить и подходящую литературу, издавая замѣчательные труды по части географіи и въ особенности путешествій. Получивъ на то его согласіе, я приступилъ къ изданію замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій. Могу смѣло сказать, что изъ вышедшихъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ иностранныхъ географическихъ сочиненій и путешествій, сколько-нибудь замѣчательныхъ, ни одно мною пропущено не было. Всѣ они прошли чрезъ мой выборъ и мою редакцію; а это, при нашемъ всеобщемъ незнаніи ни русскаго, ни иностранныхъ языковъ, составляло не малый трудъ. Всякій, занимавшійся редакціею, хорошо знаетъ, что̀ стоитъ найти грамотнаго переводчика, хотя по численности своей этотъ родъ дѣятелей составляетъ тысячи.

Кромѣ того, пользуясь оффиціальными свѣдѣніями, опубликованными въ „Русскомъ Инвалидѣ“, и многочисленными корреспонденціями частныхъ газетъ, я составилъ и издалъ въ 1881 году три большихъ тома „Описаніе войны въ 1877—78 г.г.“ какъ европейской. такъ и азіатской, съ иллюстраціями.

Въ теченіе десяти или пятнадцати лѣтъ такимъ образомъ было издано болѣе пятидесяти сочиненій, относящихся къ разряду путешествій и географіи вообще. Между ними были два капитальныя изданія: одно—Всеобщая Географія Клёдена, а другое Всеобщая Географія Реклю; первое сочиненіе ограничилось только переводомъ перваго тома, Физическая Географія. Такъ какъ въ это время въ Парижѣ появилось сочиненіе Реклю, пріобрѣтшее европейскую извѣстность, то я съ Ильинымъ рѣшили у Гашета купить право перевода и всѣ клише для изданія на русскомъ языкѣ.

Въ числѣ переводчиковъ были двое, изъ которыхъ оба заслуживаютъ вниманія; оба они образованные, прекрасно знающіе иностранные языки, оба пошли по совершенно разному пути. Одинъ изъ нихъ Кравчинскій сдѣлался убійцею Мезенцова, бѣжалъ изъ Россіи и въ Англіи былъ раздавленъ поѣздомъ, а другой былъ въ Россіи нелегальнымъ, оставленъ на свободѣ подъ надзоромъ и сдѣлался русскимъ министромъ. Случилась же эта метаморфоза ради бывшаго нечаевскаго процесса по поводу убійства студента Иванова въ Петровскомъ Разумовскомъ въ Москвѣ [1]).

Нечаевъ былъ мѣщанинъ города Шуя, а по своему соціальному положенію—учитель Сергіевскаго приходскаго училища и въ то же время числился вольнослушателемъ въ Петербургскомъ университетѣ.

При самомъ началѣ своей дѣятельности онъ былъ арестованъ, но ему удалось убѣжать за границу, гдѣ онъ прежде всего явился къ Герцену, который, не симпатизируя ему, описалъ его очень мѣтко.

„Нечаевъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Когда надо служить тому, что онъ называетъ дѣломъ, онъ не колеблется и не останавливается ни передъ чѣмъ и выказываетъ себя столь же безпощаднымъ къ себѣ, какъ и ко всѣмъ другимъ. Онъ не мошенникъ; это не правда. Это фанатикъ преданный, но въ то же время очень опасный; способъ дѣйствій его отвратительный. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что для того, чтобы создать общество серьезное и ненарушимое, надо взять

---

1) Суть и подробности этого дѣла см. Глинскій. Крамола, реакція и терроръ.

за основу политику Макіавеля и вполнѣ усвоить систему іезуитовъ: для тѣла—насиліе, а для души ложь... но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сила потому, что это огромная энергія [1])...

Но если Герценъ нашелъ качества Нечаева сомнительными и не совсѣмъ чистыми, то знаменитый революціонеръ Бакунинъ нашелъ его вполнѣ подходящимъ для крайнихъ проявленій революціонныхъ дѣйствій. Прежде всего Нечаевъ напечаталъ за границей распространившуюся и въ Россіи самую возмутительную прокламацію такъ называемой „народной расправы“ для руководства студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ этой прокламаціи говорилось между прочимъ, что будутъ издаваться листки, цѣль которыхъ не литературная и не ученая [2]).

„Пусть люди у которыхъ остается много времени отъ бездѣлья, продолжаютъ тѣшить себя и другихъ, праздноглагольствуя о литературѣ и о наукѣ, о просвѣщеніи и воспитаніи, о прогрессѣ и цивилизаціи! Намъ некогда“...

„Мы хотимъ народной мужицкой революціи“...

„Мы имѣемъ только одинъ отрицательный планъ—общаго разрушенія. Мы прямо отказываемся отъ выработки будущихъ жизненныхъ условій, какъ несовмѣстной съ нашей дѣятельностью, и потому считаемъ безплоднымъ всякую исключительную теоретическую работу ума“...

„Дѣло Каракозова надо разсматривать какъ прологъ, постараемся скорѣе, друзья, чтобы наступила и самая драма“...

Для достиженія окончательной цѣли, то есть для уничтоженія государства, рекомендовалось прежде всего обратить все вниманіе и силы на уничтоженіе всѣхъ тѣхъ, ясно бросающихся въ глаза препятствій, которыя могутъ особенно помѣшать возстанію и затруднить его ходъ. Главнѣйшія изъ этихъ условій суть:

1. „Тѣ изъ лицъ, занимающихъ высшія правительственныя должности и сосредоточивающихъ власть надъ высшими силами, которыя особенно усердно выполняютъ свои начальническія обязанности.

2. Люди, обладающіе большими экономическими силами и средствами и употребляющіе эти силы исключительно для себя и своего сословія или для пособій государству.

3. Люди, разсуждающіе и пишущіе по найму, то есть, публицисты, подкупленные правительствомъ и литераторы, лестью

---

[1]) Глинскій. Крамола, реакція и терроръ. „Ист. Вѣс.“ 1909 іюль.

[2]) Глинскій.

и доносами, надѣющіеся добиться до административныхъ подачекъ.

Первыхъ надо положительно истреблять безъ всякихъ разсужденій.

Увторыхъ надо отбирать ихъ экономическія силы и средства и употребить для дѣла народнаго освобожденія, а въ случаѣ невозможности отобрать, слѣдуетъ —уничтожить эти силы и средства.

Третьихъ заставить молчать тѣми или другими способами (хотя бы лишеніемъ языка). Теперь опредѣленнѣе и ближе къ сущности, а главное къ началу дѣла".

Но Нечаевъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ не дюжиннымъ организаторомъ. Для общества Народной воли имъ былъ составленъ подробный уставъ, въ который входятъ: 1. Общія правила организаціи. 2. Общія сѣти для отдѣленій. Отношенія революціонера къ самому себѣ. 3. Отношенія революціонера къ товарищамъ по революціи. 4. Отношенія революціонера къ обществу. 5. Отношенія товарищества къ народу.

По возвращеніи изъ-за границы, онъ занялся пропагандой между студентами высшихъ учебныхъ заведеній и между прочимъ и въ Петровско-Разумовской академіи въ Москвѣ.

Не стѣсняясь никакими средствами, онъ устранялъ съ своего пути всякаго, кто казался ему подозрительнымъ и даже просто сомнѣвающимся въ его главенствѣ среди партіи. И за это прежде всего поплатился одинъ изъ студентовъ Петровско-Разумовской академіи, Ивановъ, который не только не вѣрилъ главенству Нечаева въ партіи, но даже сомнѣвался въ самомъ существованіи партіи.

И вотъ несчастнаго Иванова, приговореннаго Нечаевымъ къ смерти, Николаевъ, Успенскій, Прыжовъ и Кузнецовъ обманомъ ведутъ подъ предводительствомъ Нечаева въ глухую часть парка и тамъ безжалостно душатъ его на смерть, а трупъ бросаютъ въ прудъ.

Совершивъ это злодѣяніе, Нечаеву удалось бѣжать въ Швейцарію, откуда онъ однако былъ выданъ и заключенъ въ крѣпость.

Представъ передъ судомъ, онъ держалъ себя крайне дерзко, утверждалъ, что онъ выданъ вопреки международному праву, почему судъ не имѣетъ права судить его.

Сидя въ Алексѣевскомъ равелинѣ, онъ умудрился войти въ сношеніе съ революціонерами внѣ крѣпости, намѣревавшимися убить Императора Александра II, писалъ прокламацію къ войскамъ и рекомендовалъ для революціонныхъ дѣйствій Желябова, отличавшагося особою энергіею.

Въ нечаевскомъ процессѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, фигурировали 87 человѣкъ, изъ которыхъ четыре лица присуждены къ каторжной работѣ, двое къ ссылкѣ, двадцать семь къ тюремному заключенію, а остальные оправданы за недостаткомъ юридическихъ уликъ. Но и оправданные все-таки поплатились: кто былъ административно высланнымъ, а кто получилъ такую аттестацію, что нигдѣ не могъ найти себѣ мѣста. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ нѣкто К., человѣкъ умный и образованный и очень способный. Посидѣвъ въ крѣпости и очутившись на свободѣ, онъ нигдѣ не могъ пристроиться. Хотя судомъ онъ не былъ обвиненъ, но какъ имя его было на судѣ, и онъ просидѣлъ нѣкоторое время въ крѣпости, то сдѣлался человѣкомъ съ волчьимъ паспортомъ. И вотъ однажды, придя ко мнѣ, онъ завелъ такую рѣчь:

— Я, Сергѣй Павловичъ, имѣю къ вамъ большую просьбу, и если вы исполните, то я буду очень вамъ благодаренъ.

— Что же именно вамъ угодно?

Разсказавъ свое положеніе и добавивъ, что даже люди близкіе отказываются принять въ немъ участіе, онъ сказалъ:

— Не можете ли вы мнѣ оказать какое-нибудь содѣйствіе, чтобы вывести меня изъ этого положенія.

Признаюсь, что меня сначала это очень озадачило; что я могъ сдѣлать человѣку, судьба котораго зависѣла исключительно отъ III отдѣленія, съ которымъ я не имѣлъ никакого дѣла.

— Просьба ваша, Вл. Ив., ставитъ меня въ тупикъ. Генералъ Дрентельнъ не находится со мною въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Разсчитывать, что онъ исполнитъ мою просьбу, съ моей стороны было бы самонадѣянностію, а получить отказъ всегда непріятно. Я убѣжденъ, что просьба моя будетъ совершенно безполезна.

— Но отчего вы не хотите попробовать? вѣдь вамъ это ничего не стоитъ. Попробуйте.

—Ну хорошо, я попробую; только не ласкайте себя надеждою.

На слѣдующій день, надѣвъ мундиръ, я отправился въ III отдѣленіе. По докладѣ обо мнѣ, я былъ тотчасъ же принятъ генераломъ Дрентельномъ.

— Что вамъ отъ меня угодно? спросилъ онъ.

— Я имѣю просьбу къ Вашему Высокопревосходительству объ одномъ политическомъ преступникѣ.

— А именно?

— О К., который былъ судимъ по Нечаевскому дѣлу, обвиненъ не былъ, сидѣлъ въ крѣпости и теперь ему всюду закрыта дорога, а между тѣмъ до этого дѣла онъ состоялъ на службѣ.

Генералъ Дрентельнъ, подумавъ немного, спросилъ:

— А вы, Ваше Превосходительство, можете за него поручиться?

— Вамъ извѣстно, отвѣчалъ я, что теперь такое время, что если мои собственныя дѣти не были бы при мнѣ, то я затруднился бы отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Но вѣдь если вы за него просите, то должны знать, что это за человѣкъ.

— Я его знаю, какъ добросовѣстнаго и образованнаго человѣка, и слышалъ въ этомъ отношеніи одобрительные отзывы о немъ въ мѣстѣ бывшей его службы[1]). Словомъ, Ваше Высокопревосходительство, Ковалевскому предстоятъ двѣ дороги: или къ *намъ* или къ *нимъ*, третьяго выбора нѣтъ, и отъ васъ зависитъ направить на ту или другую дорогу.

— Ну, хорошо, сказалъ Дрентельнъ, дайте записку, я велю навести справку, и если Ковалевскій послѣ своего дѣла ни въ чемъ замѣченъ не былъ, то я не буду препятствовать поступить ему на службу. А васъ я увѣдомлю.

Записка была подана 23 ноября, а 28 ноября я уже получилъ слѣдующую бумагу.

3 Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 3 Экспедиція, 28 ноября 1878 г. № 4940.

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ!

По докладѣ Г. Главному Начальнику III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи записки Вашего Превосходительства отъ 23 ноября на счетъ кандидата сельскаго хозяйства Владиміра Ивановича Ковалевскаго Его Высокопревосходительство поручилъ мнѣ сообщить Вамъ, что если Ковалевскій будетъ принятъ кѣмъ-либо на службу, то со стороны III Отдѣленія препятствій не будетъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ учебная часть и прокуратура, куда Ковалевскій вслѣдствіе своего прошлаго допущенъ быть не можетъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. П. Черевинъ.

Получивъ такое удовлетвореніе, я тотчасъ же самъ повезъ эту бумагу директору департамента В. И. Вешнякову.

— Вотъ вамъ разрѣшеніе принять на службу Ковалевскаго.

Прочитавъ бумагу, Вешняковъ сказалъ:

— Я очень радъ за него; это очень полезный работникъ; дайте мнѣ письмо Черевина, я пошлю его Валуеву, чтобы онъ могъ безъ опасенія принять въ министерство Ковалевскаго.

---

[1]) Я зналъ директора департамента В. И. Вешнякова.

Больше мѣсяца прошло времени, а я не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ 5 января 1879 года я получилъ бумагу:

М. Г. И. Директоръ Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности, 5 января 1879 г. № 17.

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ!

По докладѣ мною Господину Министру Государственныхъ имуществъ возвращаемаго при семъ письма къ Вашему Превосходительству свиты Его Величества генерала Черевина отъ 28 ноября 1878 г. за № 4940, Его Высокопревосходительство изъявилъ согласіе принять кандидата сельскаго хозяйства, отставного прапорщика Владиміра Ковалевскаго на службу въ департаментъ Земледѣлія и Сельскаго Хозяйства, но предварительно распоряженія по этому предмету вошелъ въ сношеніе съ Г. Главнымъ Начальникомъ III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Имѣю честь увѣдомить о семъ Ваше Превосходительство, покорнѣйше прося принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

В. Вешняковъ.

Неизвѣстно, почему Валуеву понадобилась вторичная справка, когда онъ имѣлъ уже въ рукахъ письмо Черевина. Но какъ бы то ни было, результатомъ дѣла Ковалевскаго было то, что онъ принятъ на службу и впослѣдствіи былъ товарищемъ министра.

Въ 1898 году Ванновскій оставилъ министерскій постъ, и всѣ были увѣрены, что на этотъ разъ постъ этотъ займетъ вполнѣ его достойный Обручевъ. Можно представить себѣ всеобщее изумленіе, когда узнали, что министерское кресло занялъ не Обручевъ, а Куропаткинъ, котораго до тѣхъ поръ знали, какъ слѣпого исполнителя распоряженій Скобелева, при которомъ онъ состоялъ во время войны 1877—78 гг. Затѣмъ являлся другой вопросъ: кто могъ его рекомендовать? И общій голосъ называлъ Ванновскаго, который однако до самой своей смерти отрекался и даже сердился, когда ему это ставили въ вину.

При Куропаткинѣ я оставилъ службу, почему и оканчиваю свои наброски, ибо имя г. Куропаткина уже и безъ меня занесено на скрижали Русской Исторіи.

С. Зыковъ.

